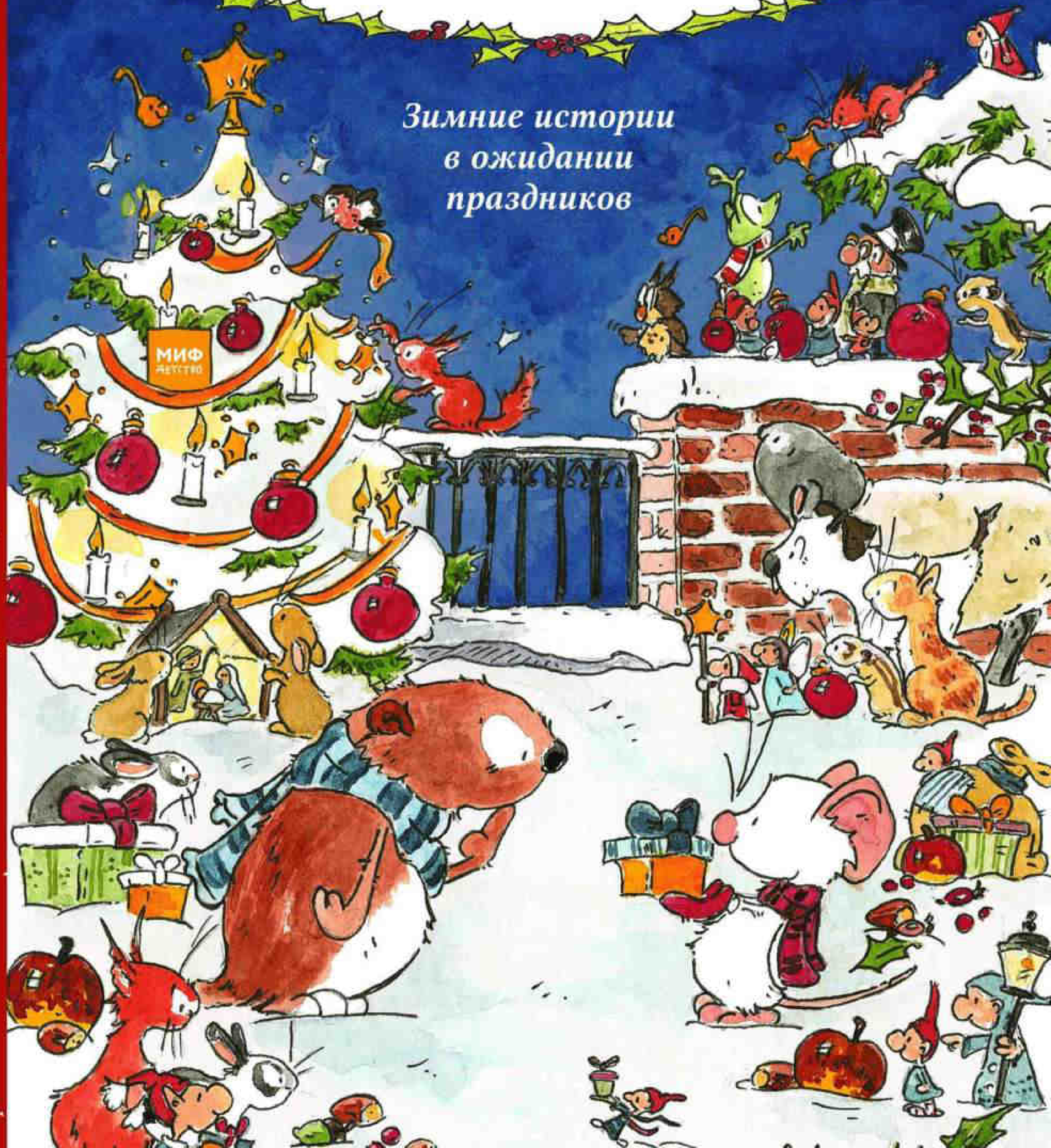

Андреас Х. Шмахтл

Рождество и Новый год!

*Зимние истории
в ожидании
праздников*

Андреас Х. Шмахтл

Рождество и Новый год!

Зимние истории
в ожидании праздников

Художественный перевод
с немецкого Натальи Кушнир

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2020

УДК 087.5:82-34

ББК 84-45

Ш71

Издано с разрешения Arena Verlag GmbH

Возрастная маркировка в соответствии

с Федеральным законом

от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ: 0+

Для старшего дошкольного возраста

Для чтения взрослыми детям

Шмахтл, Андреас Х.

Ш71 Рождество и Новый год! Зимние истории в ожидании праздников / Андреас Х. Шмахтл ; пер. с нем. Натальи Кушнир ; ил. Андреаса Х. Шмахтла. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. — 224 с. : ил.

ISBN 978-5-00146-433-4

Новый год и Рождество любят не только дети, но и белая, как бузинный цвет по весне, мышка Тильда, и кот по имени Гипсик, живущий в большом европейском городе, и птичка зарянка в заснеженном саду, и гномы на далёком севере, и даже мохóвнички и Снёжик... Сказочные истории помогут скоротать длинные зимние вечера и подготовиться ко времени добра и чудес.

Подойдёт детям от четырёх лет.

УДК 087.5:82-34

ББК 84-45

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Author: Andreas H. Schmachtl

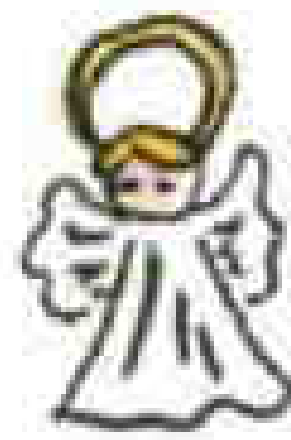
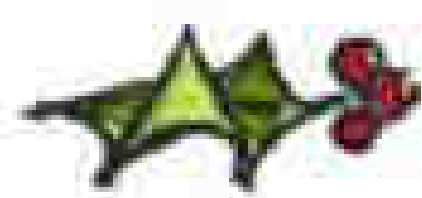
Original title: Weihnachten! 24 Geschichten mit Tilda Apfelkern, Snöfrid und vielen anderen

With illustrations by Andreas H. Schmachtl

ISBN 978-5-00146-433-4

© 2018 by Arena Verlag GmbH, Würzburg, Germany.
www.arena-verlag.de

© Перевод на русский язык, издание на русском языке. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

Содержание

Предисловие	7
Просто стихотворение	8
Начало прекрасной дружбы	10
Ноточка	25
Снег, о котором мы все мечтали	28
Госпожа Нойманн	31
Лучший зимний денёк	36
Сказочка с привидениями	47
Экспедиция на Крайний Север	62
Исследования Снежигов. Учёные записки	80
Рождество в Луговой Долине	82
Сказка про малыша Квиттцалька	104
Совсем как мы	116
Ёлочка	119
Первый снег Гипсика	127
Ох уж этот холод!	133
Старый дом	149
Тишайшая ночь	159
Когда всем хюггельно	162
Лиза и бельчонок	172
Без снега	180
Самый шмыгательный праздник	185
Чудо о бельчонке	197
Посреди пустых полей	210
Заключительное слово Санта-Клауса	216

Предисловие

Зима, Новый год и Рождество! Эти знакомые слова зовут нас играть в снежки, кататься на санках и на коньках, тёмными вечерами сидеть у камина... Чудесно, правда?

Но будем честны: наши зимы давно уже не такие морозные и снежные, как прежде. Закрутившись в предпраздничной суете, мы вдруг понимаем: уютные и приятные моменты где-то потерялись... Уходит сам дух Зимы. Дух Праздника.

Что же делать? Да просто сесть и послушать сказку. Или самим её прочитать.

Запасём себе немного времени, пару печенек и чашку горячего какао с зефирками. А теперь — вперёд, прямо на Крайний Север! Почитаем про вьюгу, метели и захватывающие приключения в заснеженных лесах? Или заглянем в маленькую деревушку, затерянную меж больших холмов? А может, навестим котёнка, что живёт по соседству? Помечтаем о горных вершинах, покрытых снежными шапками, или о шторме на мрачном побережье? Отправимся в Средневековье или прогуляемся по улицам современного шумного города? У каждого наверняка найдутся собственные сказки про зимние праздники.

Разве можно оставить их нерассказанными?

А посему — *в добрый путь, дорогие читатели!*

Просто стихотворение

На Севере,
Где снег и лёд,
Зима скульптуры создаёт,
Играет в белой тишине
И знать не знает о весне.

В лесу — могучие дубы.
Под шапкой снега до трубы
Стоит средь них малютка-дом,
Сосновой меньше шишки.
В нём даже гному негде спать —
Не влезет в дом его кровать,
Он маловат для мышки.

Но в окнах дома — ясный свет.
То миру шлёт большой привет
Дух праздника и сказки.
Он так давно живёт один,
Он так давно в окно глядит,
Устав от белой краски.

Впускайте же его скорей,
И созовите всех друзей!
Подарим духу мы свободу,
И хором скажем: «С Новым годом!»

Начало прекрасной дружбы

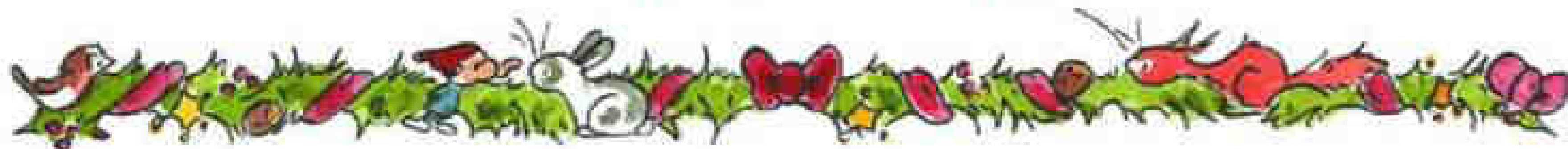
Вы, вероятно, слышали про деревушку меж холмов? Конечно, слышали! А раз так — вы и Тильду знаете? Тильду Яблочное Семечко. Спросите любого — и вам тут же расскажут, где живёт эта церковная мышка, белая, как бузинный цвет по весне. Её домик спрятался под церков-

ной стеной. Пройдите вверх по Шиповниковому переулку, и сами увидите.

А напротив домика Тильды, под огромным дубом, живёт ёжик Руперт, закадычный Тильдин приятель. Познакомились они практически вечность назад. Тогда, в давние-далёкие времена, с Тильдой приключалось много историй. Она до сих пор любит их вспоминать и рассказывать. Итак...

Начало прекрасной дружбы

Стояла суровая затяжная зима. Деревушка меж холмов почти утонула в глубоком снегу. Да и сами холмы тоже. Порой трудно было различить, где холм, а где долина. Даже самый тёмный бор снег превратил в сказочный лес.

Речка, разумеется, замёрзла. Казалось бы, самое время деревенской детворе покататься на коньках, но было чересчур морозно. Да что там морозно — просто невыносимо холодно! Никому не хотелось оставаться на улице даже на минуту дольше, чем требовалось. И, кстати, школа в деревеньке закрылась. Но это как раз было неплохо. Новогодние праздники уже топтались перед дверью, и к ним предстояло как следует подготовиться.

Тильда Яблочное Семечко проводила дни в трудах и заботах. Она месила тесто, выпекала, снимала пробу, промазывала маслом и посыпала пудрой — в общем, испытывала новый, секретный рецепт штоллена, рождественского кекса с марципаном. А Улитик ей в этом, как обычно, помогал. Он был прекрасным помощником, верным другом и отличным соседом. Никогда-никогда, ещё ни разу в жизни он не попытался отвлечь Тильду от её важных занятий пустыми разговорами. Улитик не любил

Начало прекрасной дружбы

лишних слов, так что делить с ним и дом, и хлопоты по хозяйству было очень приятно.

На секунду отвлёкшись от пирога, Тильда увидела, что за окошком снова повалил снег.

— Охохонюшки, — вздохнула она. — Похоже, это самая суровая зима на моей памяти. Впрочем, нет. Пару лет назад у нас была такая же злющая холодина. Кстати, тогда я и нашла Улитика. — С этими

словами мышка наклонилась, чтобы погладить его по ракушке.

Оба отлично помнили, как печально могло бы окончиться их знакомство. Бедный Улитик

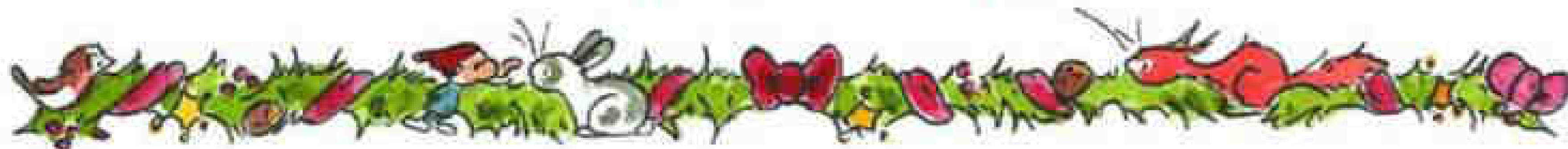
тогда почему-то решил зимовать на обледенелой дорожке. А ведь улиткам полагается закапываться глубоко в землю уже при первых заморозках!

По счастью, Тильда оказалась в нужное время в нужном месте. Она забрала окоченевшего Улитика домой, где долго и бережно помогала ему оттаять. С тех пор они не расставались.

Зимой Тильда была особенно благодарна Улитiku за компанию. Дело в том, что Руперт, как и полагалось ежам, впадал в спячку, а это ощутимо сужало круг общения Тильды.

Правда, оставался ещё Робин Зарянка, который жил в зарослях тиса неподалёку от церкви. Как и все

зарянки, Робин зимой и не думал отдыхать. Напротив, дел у него было невпроворот. Птицы дежурили в кустах тиса: украшали их к праздникам своими нарядными алыми грудками. А сколько таких кустов росло в садах деревушки меж холмов... Вот и выходило, что зимой Тильда часто скучала в одиночестве, хотя забот у неё всегда хватало.

В мышином доме постоянно отыскивалось что-нибудь интересное. До Тильды тут успело пожить много поколений семейства Яблочное Семечко, и каждое из них оставило после себя уйму хлама. Иногда это осложняло Тильде жизнь, но как приятно было порой обнаружить у себя в домике сюрприз!

Тем временем штоллен по новому рецепту никак не получался. И церковная мышка, белая, как бузинный цвет по весне, решила:

— Нужна передышка. Пойдём-ка, Улитик, приобретёмся с тобой на чердаке.

Наверху оказалось ужасно холодно. Громоздившиеся на чердаке завалы старья живо напомнили Тильде: давно пора от всего этого избавиться. Впрочем, мышка прекрасно понимала, что привести в порядок весь её дом сверху донизу просто-напросто невозможно.

Начало прекрасной дружбы

Тильда довольствовалась идеальным порядком лишь в уютной кухоньке да в гостиной. Вот разве что попробовать, может быть... Но едва она прикоснулась к кое-как сложенной стопке старых альбомов, коробок и книг, та зашаталась и с грохотом обрушилась.

— Охохонюшки! — разволновалась Тильда. — Сдаётся мне, сегодня не лучший денёк для наведения порядка! Пойдём-ка, Улитик, вниз. Только не поскользись на ступеньках, слышишь?

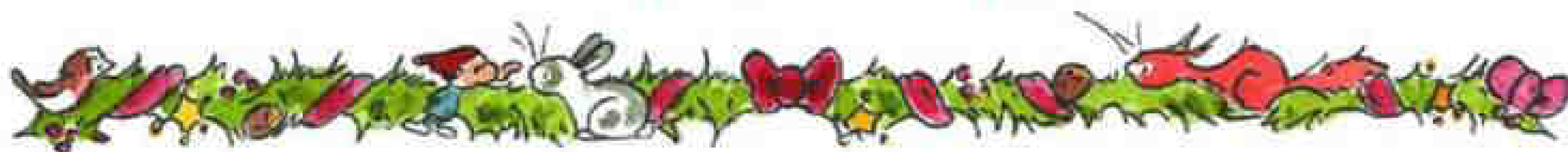
Тильда уже собралась выключить свет, как вдруг взгляд её упал на какую-то папочку. Очень миленькую, между прочим. Таких она ещё не видела. А раз не видела — то и не знала, что там внутри. Но преисполнилась решимости немедленно всё выяснить, поэтому сунула папку под мышку и поспешила вниз, на кухню.

— Почтовые марки? — удивилась Тильда, открыв папку. На кухне было куда уютнее, чем на холодном чердаке. И гораздо ближе к чайнику!

Тем временем новая партия кексов-штолленов как раз успела пропечься. Тильда принялась их добросо-

вестно пробовать — все по очереди. При этом она продолжала рассматривать необычные марки. Выглядели они довольно старыми. Может, среди них были ценные коллекционные экземпляры? Тогда им совсем не место на чердаке. Но как это выяснить?

Честно говоря, марками Тильда не интересовалась, хотя некоторые из них — те, что с цветочками, — выглядели очень симпатично. Ёж Руперт, который собирал, кажется, вообще всё подряд, в марках тоже не разбирался. Кроме того, у него началась зимняя спячка, и теперь его не добудишься аж до конца апреля. Но так долго Тильда ни в коем случае не хотела ждать! У кого бы разузнать прямо сейчас?

— На почте, наверное, мне помогут! — решила мышка.

А Улитик, как обычно, ничего не сказал, но посмотрел на неё одобрительно.

Почтовое отделение располагалось в центре деревушки. До него всего-то и надо было подняться по Шиповниковому переулку и перейти через каменный мостик. В любое другое время года из этого получилась бы восхитительная прогулка, вовсе не утомительная для мышиных лапок. Но только не сейчас, когда прямо в мордочку дул леденящий ветер.

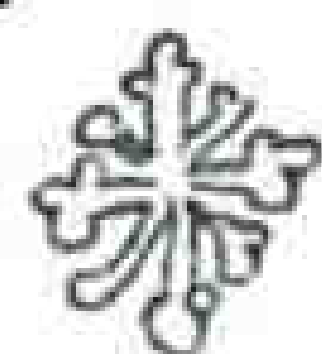

Начало прекрасной дружбы

А маленькие зверьки, между прочим, замерзают гораздо быстрее, чем большие.

Но выбора не оставалось. Тильда решила пойти на почту немедленно. Сказано — сделано. Улитик остался дома, а Тильда замоталась в шарф, натянула шапку, надела варежки, бодро переступила порог и сразу провалилась в снег. Дорога показалась ей гораздо длиннее обычного.

Переулки родной деревушки, всегда такие оживлённые, сегодня будто вымерли. Не хватало ещё, чтобы и почта закрылась! К счастью, обошлось — её окна светились издалека.

Тильда вошла и приветливо поздоровалась.

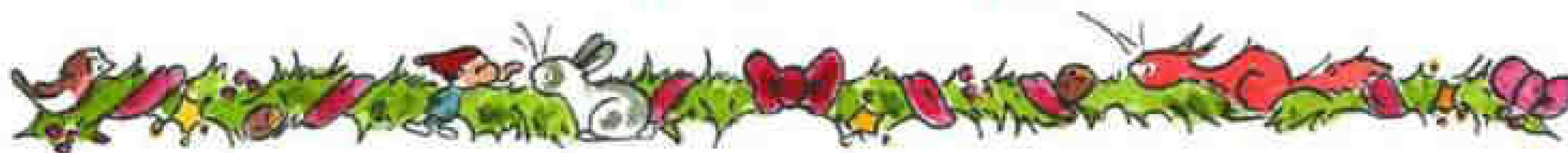
— Ах, вот где все! — поняла она. В почтовое отделение, похоже, набилось полдеревни, если не больше, — каждому не терпелось поскорее отправить поздравительные открытки.

Можете себе представить, какая там царила толкотня?

Большие жители деревеньки меж холмов были куда выше мышки, и ей приходилось то и дело уворачиваться от тяжёлых зимних сапог. Впрочем, к такому она давно привыкла.

Тильда пристроилась в очередь перед почтовым прилавком

и терпеливо ждала. А когда наконец пришёл её черёд, чей-то ужасно огромный сапог просто взял и отпихнул её в сторону.

— Кхм, вы, конечно, извините, однако... — начала Тильда вежливо, но решительно.

Правда, её всё равно не слышали.

— Э-эй, сейчас моя очередь! — пискнула Тильда погромче. И добавила, как будто это могло помочь: — У меня важный вопрос!

Но как бы Тильда ни кричала, никто и не думал прислушиваться к тонюсенькому голосочку, доносившемуся откуда-то снизу. Ну, или, скажем так, почти никто. Когда Тильда, пылая гневом, собралась уже вылететь на улицу, кто-то вдруг тронул её за плечо:

— Прости, пожалуйста... Может, я тебе помогу?

Тильда удивлённо обернулась и увидела перед собой существо не выше её самой. Это тоже была мышка. Только не бузинно-белая, а серая. Если не брать во внимание окрас шёрстки, обе мышки были так похожи, что могли бы сойти за сестёр. Позже обе вспоминали, что каждая из них именно об этом и подумала.

— Меня зовут Молли, — сказала серая мышка.

Начало прекрасной дружбы

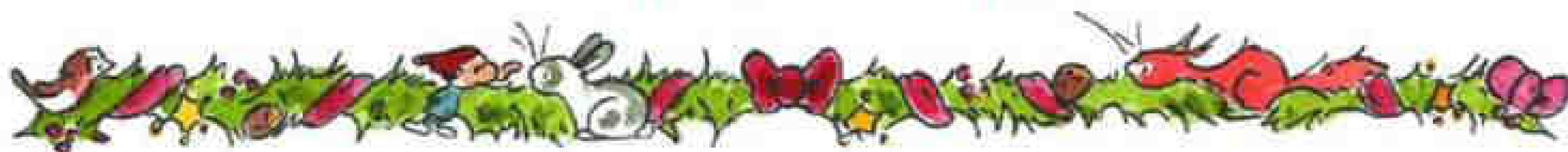
— А я — Тильда, — представилась белая. — Однако я раньше не видела тебя в нашей деревне.

— Я только-только переехала, — пояснила Молли. — Мне дали место почтовой мыши, и сегодня я должна была приступить к работе. Но ты же видишь, что тут творится. Похоже, никому нет до меня дела.

— Ой-ой-ой, как-то непохоже на прекрасное начало рабочего дня, — заметила Тильда.

— И это не самое плохое, — призналась Молли. — Мне сказали, что жить я буду вот тут. — Она показала на крохотную входную дверь прямо под прилавком, аккуратно прорезанную в плинтусе. — Но квартира-то не свободна. Оттуда пока не съехали прежние жильцы. И до Рождества они уже не уедут, это точно. А я, ну... — вздохнула Молли.

И тут Тильда даже перепугалась, потому что по мордочке новой знакомой вдруг скатилось несколько крупных слезинок.

Только теперь Тильда увидела: в углу почты стояли чемоданы и сумки. Бедная Молли не знала, куда ей деваться! Это и в обычное время ужасно неприятно, а уж накануне праздников, да ещё в жуткий мороз... Нет, такого Тильда решительно не могла допустить!

— Охохонюшки! — воскликнула она и, не раздумывая, подхватила сразу два Моллиных чемодана. — Не волнуйся, дорогуша. Ты просто немножко поживёшь у меня.

— Ой, Тильда, — всхлипнула Молли. Теперь она казалась и растерянной, и счастливой одновременно. — Можно, да? Я совсем не хочу быть тебе в тягость, понимаешь?

— Чепуха на постном масле, — решительно ответила Тильда. — Места у меня полно, а ещё я очень люблю гостей. Живи, сколько хочешь. И потом, должен же хоть кто-то о тебе позаботиться на новом месте, не так ли? Кстати, ты не против чая с печеньем?

— Конечно, нет. Обожаю и чай, и печенье, — мечтательно закатила глаза Молли.

Начало прекрасной дружбы

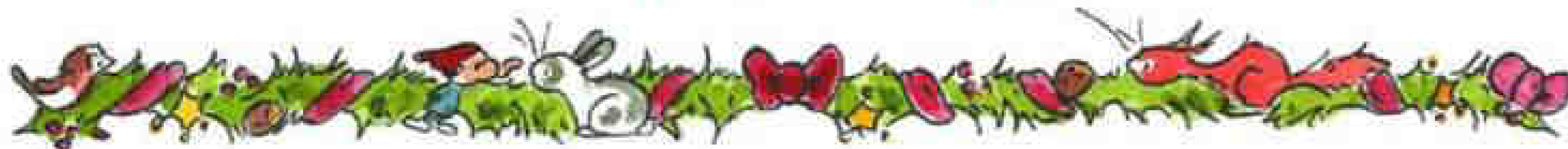
— Значит, решено. Никаких больше проблем! — улыбнулась Тильда, и мышки поспешили выйти из почтового отделения. Им не терпелось оказаться в домике Тильды. Кстати, вскоре такие приглашения и ночёвки станут их традицией, но тогда они об этом, конечно, ещё не знали.

Дома Тильда первым делом забрала у гости всё, что успело промокнуть и заледенеть.

Потом представила Молли Улитика. Он тут же устроился за столом рядом с гостьей, и Тильда поняла, что это добрый знак. Милый Улитик отлично разбирался в мышках. Если уж он сразу принял Молли, то Тильде не о чем было беспокоиться. Да и ей самой с первой секунды новая знако-

— Начнём, пожалуй, с чая. Или, может, чашку какао? — уточнила Тильда.

— Ах, какао — это просто волшебно! — обрадовалась Молли и тут же принялась помогать Тильде накрывать на стол. И пусть никто из них в этом не признался, думали мышки об одном и том же: приютить Молли в мышином доме было верным решением. Серая мышка как будто всегда здесь жила и знала, в каком шкафчике хранятся чашки и какая из них Тильдина любимая.

Что я могу ещё добавить? День выдался более чем чудесный. Тильде предстояло многое показать Молли — как вы уже знаете, дом был набит под завязку всякой всячиной. Да и старинные истории целых поколений Яблочных Семечек Молли тоже пока не слышала.

А меж тем снегопад за окнами усиливался.

— Может, нас даже на какое-то время завалит снегом, — предположила Тильда.

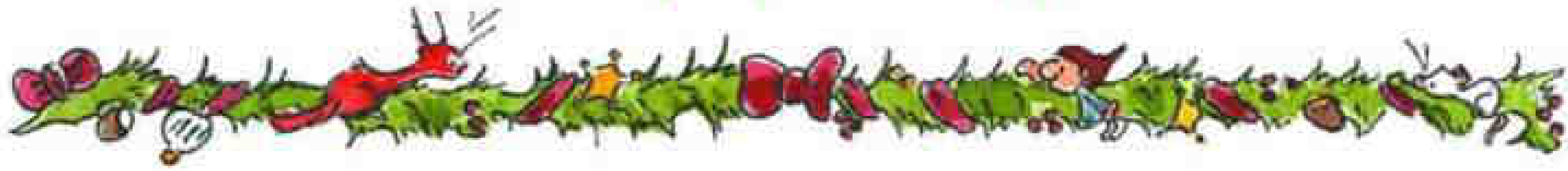
— Да ничего страшного, — заверила её Молли. — Я только надеюсь, что не очень тебя объем.

— Ох, уж это вряд ли, — рассмеялась Тильда, вскакивая со стула. — Смотри!

И она распахнула дверь кладовки.

Начало прекрасной дружбы

Вот это да! Такого Молли ещё не видела! Она, конечно, и сама была мышью, а потому прекрасно знала, что все грызуны усердно припасают как можно больше съестного. Но на полках, в ящиках и мешочках у Тильды хранилось столько всего, что и огромной мышиной семье хватило бы на долгую суровую зиму.

— Я делюсь припасами с птицами в саду, — пояснила Тильда. Она практически отгадала, о чём думала Молли. — Иногда и кролики ко мне наведываются или другие мыши. Всем предлагаю что-то вкусненькое. Кстати, хочешь ещё кусочек штоллена, дорогуша?

Молли похлопала себя по округлившемуся брюшку. — Ещё как хочу! Но больше не могу. Ты и впрямь необыкновенно вкусно готовишь.

— Спасибо, — смутилась Тильда. — Готовить я обожаю. Ты, наверно, тоже?

— Ах, я больше рукодельничать люблю, — призналась Молли так смущённо, что Тильда не выдержала и хихикнула.

Но тут она вспомнила про свои марки.

Молли принялась их внимательно рассматривать и спустя какое-то время заявила, что марки исключительно милые и, разумеется, могут украсить любую коллекцию, только вот разбогатеть они Тильде не помогут.

Начало прекрасной дружбы

— Да и неважно, — отмахнулась Тильда. — Расскажи лучше, почему ты стала почтовой мышью.

— Понимаешь, мне очень нравится ставить на конверты штемпеля, вот и всё, — ответила Молли.

Незаметно для самих себя мышки перебрались на диван. Там они залезли под шерстяной плед и, любуясь огнём в камине, принялись шептаться о далёком тёплом лете и пикниках.

Тильда рассказала о своих приключениях. Молли слушала, качая головой:

— Я бы на такое в жизни не решилась.

— Ах, когда про это рассказываешь — получается гораздо интереснее, чем на самом деле, — заверила её Тильда. — Вот погоди, проснётся Руперт. Тогда мы снова отправимся в поход и обойдём все холмы. И уж там-то приключений наберётся уйма.

— А Руперт — это кто? — уточнила Молли.

Тильда тут же достала большую картонную коробку с фотографиями, удобно устроила её

Начало прекрасной дружбы

на коленях. Потом принесла семейный альбом и кулинарные книги.

Снег за окнами валил всё гуще. Когда стемнело, мышки переместились наверх, в спальню. Они вдвоём зарылись в одеяло и всё никак не могли наговориться. Так бы и болтали до утра, если бы сон не подкрался к ним незаметно, так что глаза у обеих закрылись сами собой.

Завтра настанет новый день.

А за ним — ещё один. Недели, месяцы, годы...

У Тильды и Молли впереди много времени, чтобы вдоволь наговориться, вместе отправиться навстречу приключениям, устраивать пикники и собирать гостей.

У них выдался чудесный вечер, положивший начало прекрасной дружбе.

Новый год и Рождество они встретили вместе. Праздники удались на славу!

Ноточка

Жила-была на свете одна маленькая нота. Точнее, Ноточка. Она тихо-тихо звенела на холодном зимнем ветру.

Иногда Ноточка была краткой. А иногда — долгой.

Но у неё получалось довольно красиво. Звучала наша Ноточка ясно, чисто и точно, и громкость у неё всегда была подходящая. В общем, она могла бы собой гордиться. Так она и делала.

Увы, со временем ей надоела собственная монотонность — ведь приходилось звучать одной. Как она ни старалась, постоянно слышался один и тот же звук.

Ноточка заскучала. А потом просто перестала себя слышать. Прозвучала разок-другой — нехотя, почти что шёпотом, — и наконец замолчала совсем.

И настолько затихла Ноточка в голубом сумраке зимы, что чуть сама о себе не позабыла.

Однажды вечером Ноточка просто висела в воздухе — без звука, без песенки. Цели у неё никакой не было, и она не знала, что делать дальше. Внезапно

она услышала Ноту. Что это? Не может быть!

— Нет-нет, это звучала не я, — сказала Ноточка. А потом прислушалась и снова расслышала Ноту. Та раздавалась гораздо ниже Ноточки. С любопытством Ноточка следила за ней и вдруг обнаружила ещё Нотку, уже другую. Эта Нотка тоже пела в зимнем воздухе, изумительно чисто и сильно. Но и новая Нотка оставалась совсем одна.

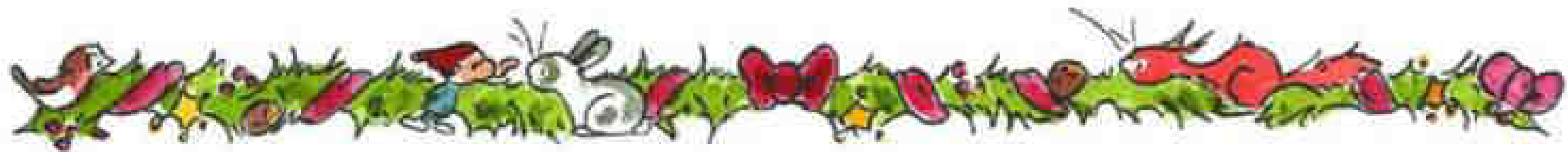
— Что, если нам попробовать вместе? — робко предложила Ноточка.

Нота очень внимательно выслушала её и присоединилась к ней из своей глубины. Вместе они прозвучали чудесно. И попробовали снова, и пели теперь то громко, то тихо, то коротко, то долго. Они сменяли друг друга и сливались в одно. И прежде тихая Ноточка звучала так, что слышно её было даже издалека.

Другие Ноты различили их голоса. Однако Ноточка была настолько увлечена совместным звучанием, что сначала и не заметила прочих Нот.

Ноточка

Но тут к ним присоединилась третья Нотка. И они зазвучали вместе — из Созвучия получился Аккорд.

— А ты откуда взялась? — удивилась Ноточка, очарованная их общим пением.

Третья Нотка рассказала, что остальные Ноты очень хотели бы вместе сыграть Песню. Но им всё ещё не хватало высоты и низов, а без них не получалось Гармонии.

— Достаточно низко? — бархатно и басовито спросила Нота.

— Достаточно высоко? — уточнила Ноточка, звеня, словно нежный колокольчик.

Да, именно это и требовалось остальным! Теперь все Ноты пели вместе. У каждой была своя долгота и сила звука. Каждая стояла на своём месте. Едва отзвучав, любая Нота замолкала, чтобы подождать нового выхода. Так поступали все.

И тогда из Гармонии вдруг создалась Мелодия. Песня.

Теперь Ноточка перестала скучать. Она была очень счастлива и звучала так красиво, как только могла.

Возможно, она звучит до сих пор...

Снег, о котором мы все мечтали

Какую сказку ни возьми — почти в каждой под Новый год и Рождество выпадает снег. Чаще всего он засыпает все дома, вздымается высоченными сугробами или падает крупными хлопьями. И нам хочется, чтобы так было не только в сказках, но и на самом деле, правда?

Но если говорить начистоту, зимы у нас давным-давно перестали быть снежными. Погода в конце декабря обычно промозглая, серая, скучная, слишком тёплая для зимы. И ничем не напоминает любимую сказку, над которой так приятно помечтать о зачарованных снежных пейзажах и уютных гостиных с пылающим камином.

Господин Приземут, например, уже совсем не помнил, когда в последний раз была действительно снежная зима.

Снег, о котором мы все мечтали

Да и в этом году ничто не предвещало изменений.

Но вдруг откуда ни возьмись прилетел ледяной ветер и как погнал горожан по улицам! Прохожие старались укрыться в кафе, чтобы согреться чашечкой какао и съесть тёплую плюшку с корицей. И, конечно, чтобы всласть посетовать на холод.

Да и господин Приземут был в этом смысле не лучше остальных.

Зато, возможно, он единственный из всего города втайне любил мороз.

Наконец-то зима решила стать по-настоящему зимней! Внезапно все празднично украшенные витрины, звёзды и гирлянды огоньков над городскими улицами обрели смысл. В воздухе, похоже, и вправду запахло снегом.

Господин Приземут решил незамедлительно отправиться за покупками. В первую очередь — за какао и плюшками с корицей. В любой непредвиденной ситуации без них не обойтись.

За целый день снегопад так и не начался, но господин Приземут поглядывал в окно и по-прежнему верил: вот-вот будет метель.

Вечером господин Приземут отправился спать немного разочарованным: сегодняшний день не стал сказочно зимним.

Снег, о котором мы все мечтали

○ А когда господин Приземут вдруг проснулся ○
посреди ночи, он ужасно испугался. ○ ○

Что-то было не так — но что? Тишина кру- ○
гом стояла подозрительная: в центре города ○
не бывает тихо ни днём, ни даже ночью. Но сейчас,
похоже, не ездили такси, не рокотали автобусы.

И тут он увидел, как через щель в гардинах про-
бивается искрящийся свет. Господин Приземут встал
с кровати и подошёл к окну.

А там шёл снег! Да ещё какой! Миллионы снежи-
нок кружились, парили, сыпались с тёмного неба
на город.

Господин Приземут мигом оделся и выбежал
из дома. К утру по улицам пройдут снегоуборочные
машины, и волшебству настанет конец. Но пока во-
круг всё белым-бело, как в новогодней сказке.

Снег приглушал любые звуки. Деревья в парке
стояли, словно в облаках из сахарной ваты.
На окнах сверкали ледяные кристаллы, а под
одним из фонарей, в конусе света, резвились
на свежем снегу трое маленьких крольчат.

Господин Приземут понял, что случи-
лось чудо, и от всей души порадовался
этой тихой белой сказке. И неважно, что
он был единственным во всём городе,
кто её увидел.

Госпожа Нойманн

Что-то было не так.
Сад вдруг исчез! Птичка-зарянка удивлённо вертела головой, не узнавая ничего вокруг.

Ночь она провела в гуще еловых веток, подальше от ледяного ветра. Если распушить пёрышки, мороз не так и страшен.

Но вчера было просто жуть как холодно. Пережить такую погоду можно, лишь хорошенько подкрепившись. По счастью, зарянке всего-то и нужно было слететь на землю да поискать чего-нибудь вкусного. Под прелой листвой полно жучков, а порой даже пауки или червяки попадают. В крайнем случае можно поклевать ягоды шиповника или оставшееся на ветке яблоко. В саду всегда хоть что-то да отыщешь.

Только вот теперь сад исчез.

Зарянка выпорхнула из еловых веток. Кругом всё стало белым и холодным.

Очень странно... На всякий случай зарянка пару раз клюнула эту белизну.

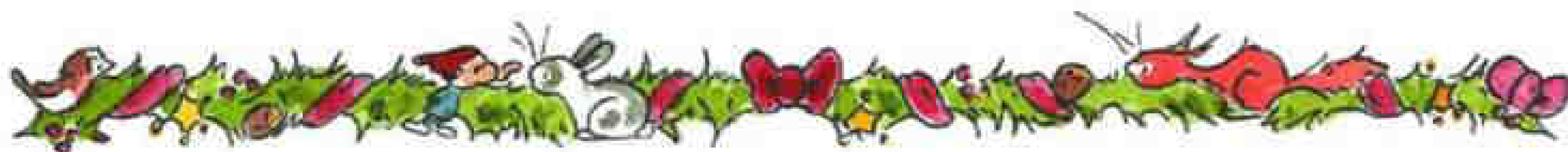
Никакого вкуса она не почувствовала. Запаха тоже.

Зарянка догадывалась, что где-то под белым покрывалом таятся прелые листья, а под ними — желанное лакомство. Только как до него добраться? Белого много, оно жёсткое, а зарянка слишком мала и слаба, чтобы проклевывать его насквозь. Птичка взглянула на деревья. Летом по ним сновала древесная тля. Соберёшь, бывало, дань с пары листочков, и уже сыта.

Но теперь всё навсегда изменилось.

Надо сказать, что это была первая зима маленькой зарянки. Птичка и представить себе не могла, что холод, снег и лёд когда-нибудь сменятся теплом.

Зарянка взлетела на ветку, распушила пёрышки и принялась ждать. А если это просто судьба? Может быть, ей уже не суждено найти хоть крошку на обед? Что, если теперь ей останется лишь потихоньку слабеть, а потом уснуть и больше не проснуться? Может, поэтому зима и заканчивает собой год?

Вдруг раздался знакомый скрип. Птичка обернулась. Давненько она его не слышала, но помнила отлично.

Это был тот самый звук, с которым госпожа Нойманн открывала дверь террасы! В тёплое время года зарянка слышала его каждый день: женщина то выходила в сад понежиться на солнышке, то снова уходила в дом, чтобы вернуться с ножницами или лейкой. Птичка всегда поджидала госпожу Нойманн и потом летала за ней по саду, не упуская из виду ни на минуту.

— Вот ты и снова здесь, — говорила тогда госпожа Нойманн. Зарянка прыгала по свежевскопанной земле в поисках червяков и прочей живности, а госпожа Нойманн заботливо следила, чтобы случайно не задеть птицу тяпкой или лопатой.

Когда ударили холода, госпожа Нойманн почти перестала выходить в сад. Но сейчас... Сейчас она снова тут! Вон она, стоит на террасе. И что-то непонятное вешает под крышу.

Неизвестная штука немножко напоминала дом, в котором жила сама госпожа Нойманн. Только была гораздо, гораздо меньше. Как будто домик для... ну да, для зарянки! Может, и для других птичек тоже. Во всяком случае, по размеру он очень годился.

А ещё госпожа Нойманн держала под мышкой большую жестянку. Потом она открыла её, что-то насыпала в домик и накрыла половинкой яблока. Явно довольная своей работой, она оглядела сад, кого-то ожидая. Ни одно дерево, ни один кустик не укрылись от её взгляда. Наконец госпожа Нойманн отыскала то, что хотела. Она посмотрела на птичку-зарянку и крикнула:

— Лети сюда, моя хорошая! Смотри, не вздумай мне тут умереть от голода! Как же я буду работать в саду без тебя, когда придёт весна?

Зарянка прислушалась к её словам. «Когда придёт весна»?

Значит, вся эта холодная белизна когда-то исчезнет, опять появится зелень, и забегает по листьям

Госпожа Нойманн

древесная тля, и закопошатся в земле жирные личинки майских жуков?

Ну а пока рядом была госпожа Нойманн.

Зарянка подождала ещё секунду, а потом спорхнула в домик. Внутри она нашла семечки подсолнуха, зёрнышки всех сортов, земляные орешки и, конечно же, половинку яблока.

Неважно, что кругом снег. Теперь с ней точно ничего плохого не случится. И зарянка принялась выискивать в кормушке самые вкусные зёрнышки, а сама думала: «Хорошо, что мы есть друг у друга. Госпожа Нойманн и я».

Лучший зимний денёк

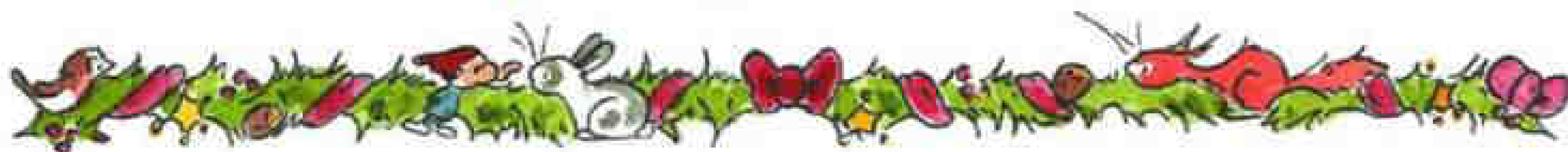

Корни дуба тихо поскрипывали. Это означало, что высоко-высоко зимний ветер пытается вырвать дерево из земли. Как бы не так! Дуб до того стар и крепок — поди его вырви... Из вежливости он покачивался немного, чтобы не обижать ветер. Потому-то и корни слегка скрипели.

Аарне обожал просыпаться под этот скрип. Он был как обещание: тут, в домике между корней, ты в безопасности.

Без скрипа Аарне долго бы ещё спал. Уже забрезжил рассвет — среди зимы это что-нибудь да значило, — но наш славный Аарне не принадлежал к любителям ранних подъёмов.

По крайней мере, зимой. Весной его вполне можно было увидеть на окрестных лугах ни свет ни заря. А летом он иногда вообще спать не ложился. К осени, правда, Аарне становился домоседом. А зимой наконец-то с удовольствием предавался сладостному

безделью. Почему бы и нет? Многие соседи Аарне впадали в спячку, а остальные кролики в такую погоду тоже нечасто выбирались на улицу.

Короче говоря, не было ни одной разумной причины рано вставать.

Вот и в то утро никто не торопил Аарне, и ничто не мешало ему лениться.

Он посмотрел в окно. Прищурился. Пару раз моргнул, привыкая к яркому свету. Ему было знакомо это особое сияние, когда солнечные лучи отражались от сугробов. Похоже, ночью опять был снегопад. Да-да, именно так! Снег доходил до самых подоконников, а спальня Аарне вообще-то располагалась на втором этаже!

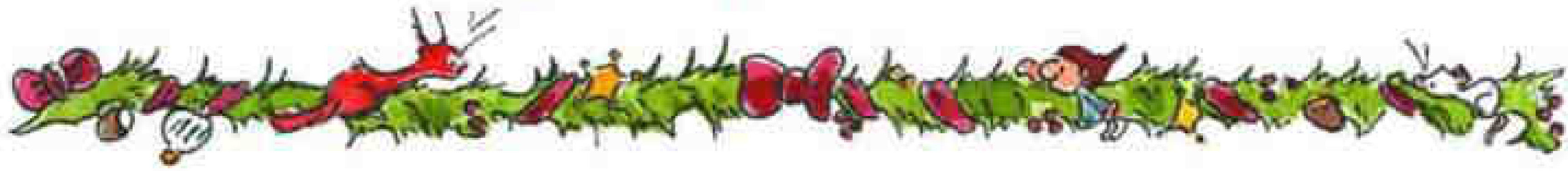

— Похоже, из дому пока не выйти, — сказал себе Аарне. И подумал, стоит ли об этом печалиться. А потом решил: — Разберусь с этим, когда время придёт.

Слово «дом», строго говоря, не совсем правильное. Потому что у Аарне был не дом, а скорее уютная каморка подходящего для кроликов размера. Она примостилась в корнях дуба и почти сливалась со старой живой изгородью.

Такая каморка была под дубом далеко не единственная. За стеной у Аарне, к примеру, жил ёжик.

А в кустах над ним устроила гнездо орешниковая соня. Ещё выше на дубе обитали белки, совы и многие другие. И, конечно, в живой изгороди поселилась многочисленная родня Аарне. Порой это было очень кстати: например, когда долгими летними вечерами все они сидели в тени кустов и вели беседу. Или когда вместе собирали ежевику прямо перед домом. Но зимой кролики виделись куда реже. Виноват в этом был холод.

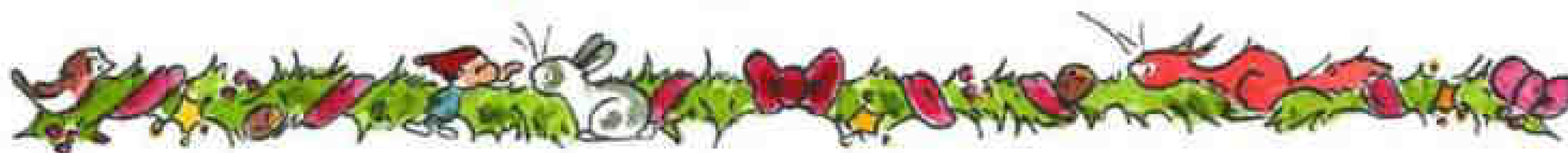
Правда, сегодня Аарне не ждал гостей. Даже несмотря на то, что гости могли бы принести ему в постель чашку чая, без которой невозможно представить по-настоящему уютное зимнее утро.

Похоже, Аарне придётся-таки встать...

На первом этаже было сумеречнее, чем в спальне, потому что снег завалил не только входную дверь, но и окна. Это выглядело даже уютно. И Аарне снова почувствовал, как глаза у него понемногу слипаются.

«Так, хватит», — решил он. Одно дело — встать, когда вздумается. Но проспать целый день совершенно не годилось. В конце концов, его ждало столько дел!

Например, не мешало бы убраться. Но уборку можно было перенести на завтра. Потому что такой чудесный день, как сегодня, тратить на неё совсем не хотелось.

На плите засвистел большой чайник, и Аарне принялся переливать воду в заварочный чайничек.

Потом кролик разжёг камин, чтобы стало ещё уютнее.

Первый этаж дома Аарне состоял по большей части из одного помещения. Через входную дверь можно было сразу попасть на кухню. А уж оттуда всего две ступеньки — и вот она, каминная комнатка.

Здесь у Аарне стояло кресло и виселись книжные полки. Едва взглянув на них, он сразу решил, чем займётся, — чтением! Это куда приятнее уборки и любой другой домашней работы.

Аарне поглаживал корешки книг и угадывал названия с закрытыми глазами. Вот словари, книги по садоводству, приключенческие повести, парочка детективов и, кхм, даже несколько любовных романов. Но где... ах, вот же они.

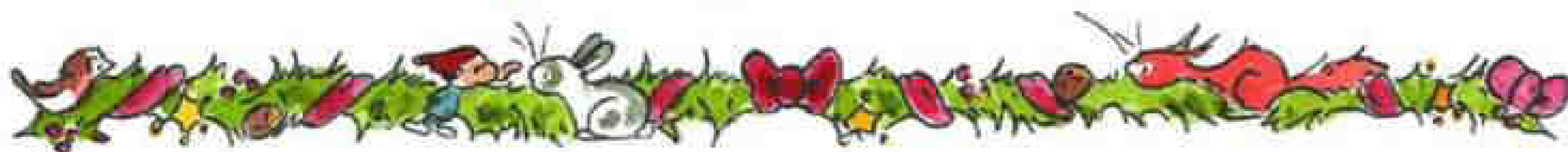
Сказки про привидения. Как раз для такого дня, как сегодняшней.

И Аарне тут же, не сходя с места, принялся листать книгу. Уткнувшись в неё носом, он поочерёдно перенёс ближе к камину чайник, любимую чашку и вазочку с печеньем. Ничего вокруг не замечая, он упал в кресло, ещё глубже погрузился в чтение и через мгновение забыл обо всём на свете.

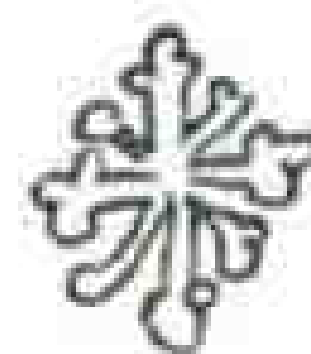

Впрочем, Аарне был твёрдо уверен, что не хочет просидеть у камина весь день. В конце концов, это и для здоровья не полезно. Немного движения ещё ни одному кролику не повредило. Как и свежий воздух, само собой.

Только вот сказки с привидениями бывают очень уж увлекательными. Спросите об этом любого, кто хоть однажды читал такие истории. Однако тот

факт, что сказки о привидениях иногда оказываются ещё и успокаивающими, известен гораздо меньше. Во всяком случае, Аарне книга не столько увлекла, сколько усыпила. Так что раннее утро незаметно сменил день...

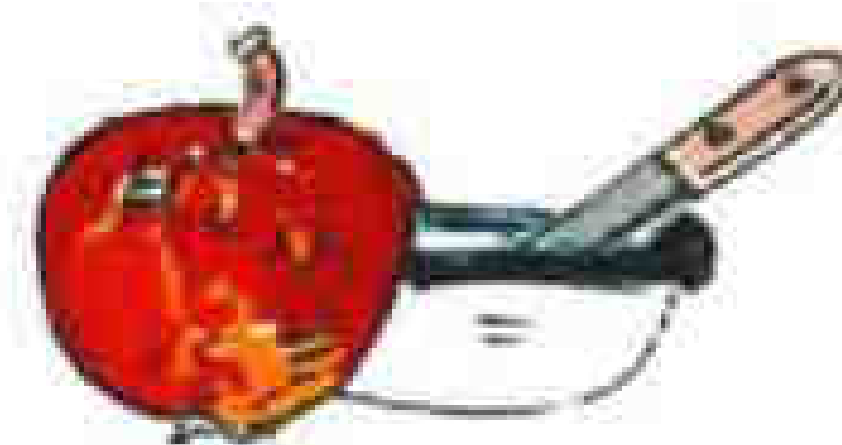

Спустя пару часов Аарне потянулся, заморгал — и вдруг как подскочит в кресле! Правда, стоит уточнить, что это он не привидений каких-нибудь испугался, а своей же книжки. Она, увесистая, съехала с его колен и с громким стуком бухнулась на пол.

Раз уж Аарне во второй раз проснулся, он мог бы посвятить остаток дня тому, чтобы расчистить от снега вход в домик.

Но, с другой стороны...

...пока освободишь и дверь, и дорожку, пройдёт если не целая вечность, то как минимум её половинка. А там уже и темнеть начнёт. Шарахаться в потёмках, начитавшись историй о привидениях, в планы Аарне точно не входило. Кроме того, на улице было очень холодно. Ну, или Аарне так казалось. Не хватало ещё простудиться, перекидывая весь этот снег! Нет, такого и врагу не пожелаешь!

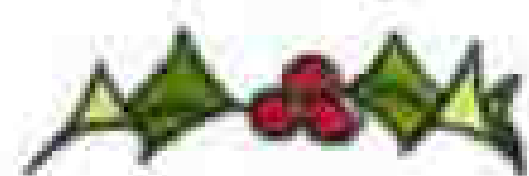

Куда разумнее — нарезать яблочко «корабликами», налить свежесваренного чаю в любимую чашку и вновь позволить себе утонуть в кресле.

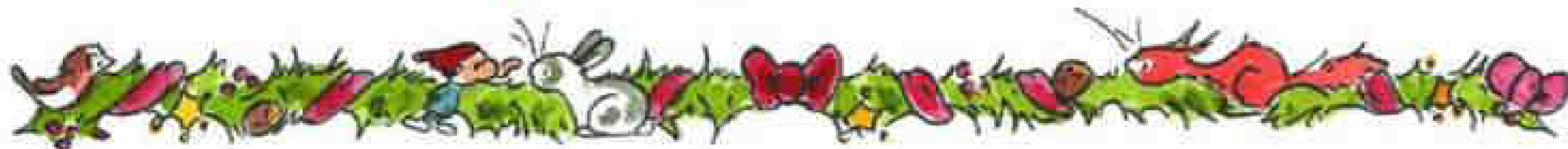

Аарне всё это в точности и проделал, невероятно довольный мудрым решением.

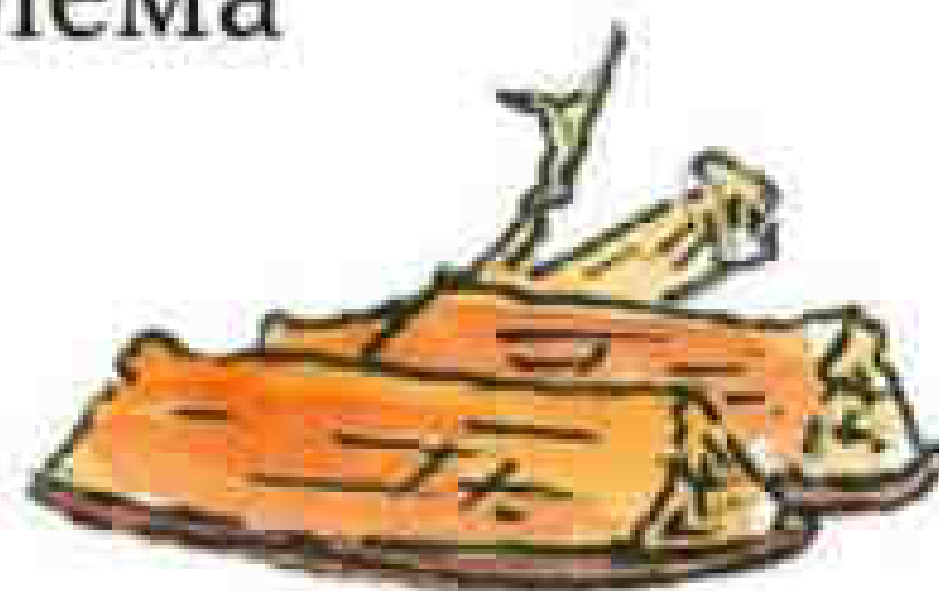
И в самом деле, стемнело рано. Правда, в гостиной между корнями дуба Аарне видеть этого не мог, но сумерки почувствовал. Просто каждой клеточкой их осязал, как говорится. С приближением ночи бедный Аарне всё явственнее ощущал, как опускается на него свинцовая усталость.

Больше всего ему хотелось вернуться в мягонькую постель, но спать пока было рановато. К тому же Аарне ещё не вполне отказался от своего намерения — совершить в этот день что-то полезное. Вот придумать бы только, что именно.

«Можно, например, подбросить в огонь дровишек», — пришла ему в голову смелая мысль. Это и вправду разумное решение. В гостиной у Аарне располагался один камин, наверху в спальне был устроен второй, да и кухонная плита топилась дровами. Плита и оба камина поддерживали восхитительное тепло в кроличьем домике. Но для этого, увы, то и дело приходилось подкидывать дров, причём во все очаги своевременно. Если хоть где-то огонь угасал, дом очень быстро выстужался. Да уж, дрова — штука крайне важная. Проблема состояла лишь в одном: весь запас дров, обыкновенно хранившийся возле плиты, был израсходован.

Аарне мучительно размышлял, сколько же времени он не выходил на улицу. Получалось, что как минимум два дня. Этим и объяснялось, почему перед входом в дом намело целый сугроб.

Аарне опять задумался о расчистке снега. Как же иначе, позвольте поинтересоваться, достать дрова,

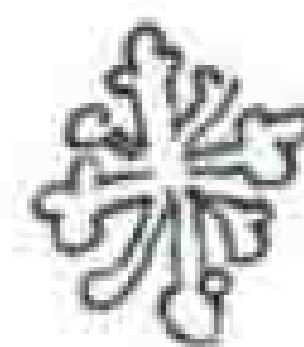

которые заботливо сложены во дворе под козырьком-навесом?

— Если поленница достаточно высокая, я бы попробовал дотянуться... — подумал Аарне вслух. Рядом не было никого, кому он мог бы помешать своими размышлениями.

И вот он уже зашаркал лапами, поднимаясь по лестнице. Едва взглянув в окно спальни, Аарне убедился: он отлично придумал — не выходить из дома! Дело в том, что снова пошёл снег, и довольно сильный.

Все кролики — большие мастера рыть туннели и норы, но столько снега никому из них не перекидать.

Вот только проблема с дровами никуда не делась. Аарне взглядом поискал в темноте поленницу. Она как раз немного выдавалась из снега. Козырёк над поленницей приходился вровень с окном спальни, и потому можно было, достаточно далеко высунувшись из окна, дотянуться хотя бы до самых верхних поленьев.

Аарне и высунулся. Разумеется, он соблюдал осторожность — ему ведь не хотелось плюхнуться в снег. Пожалуй, этой добычи с лихвой хватит на всю ночь, а возможно, и на следующий день.

Ну а потом Аарне придётся выбраться из дома. Чтобы побегать и подышать свежим воздухом.

Но сейчас он не хотел об этом думать. В данную минуту было куда разумнее подбросить дров в камин и наконец-то забраться в уютную постель. Раз уж он всё равно поднялся на верхний этаж.

Да, так он и сделал.

Устроившись поудобнее, Аарне полистал книжку о привидениях. Правда, совсем недолго — очень уж тяжело стало держать глаза открытыми.

Лучший зимний денёк

Засыпая, Аарне успел подумать о том, что сегодняшний зимний денёк вполне удался.

Может быть, кто-то другой и посмотрел бы на этот день совсем иначе, только вот никаких «других» рядом не оказалось.

Сказочка с привидениями

В некоторых странах ни одно Рождество не обходится без привидений! Взять, к примеру, старую добрую Англию. Как минимум со времён Чарльза Диккенса этот праздник невозможно без них и представить.

В историях про привидения чаще всего говорится о жалких, страдающих духах, оглашающих зимние ночи громкими стенаниями. Но бывают и приятные исключения. Я хочу поведать вам как раз о таком необычном привидении.

Про городок под названием Твиллинг можно рассказать многое. К примеру, люди тут жили в очень красивых домах. В городке работали целых две булочных, а ещё мясная лавка и, конечно, аптека.

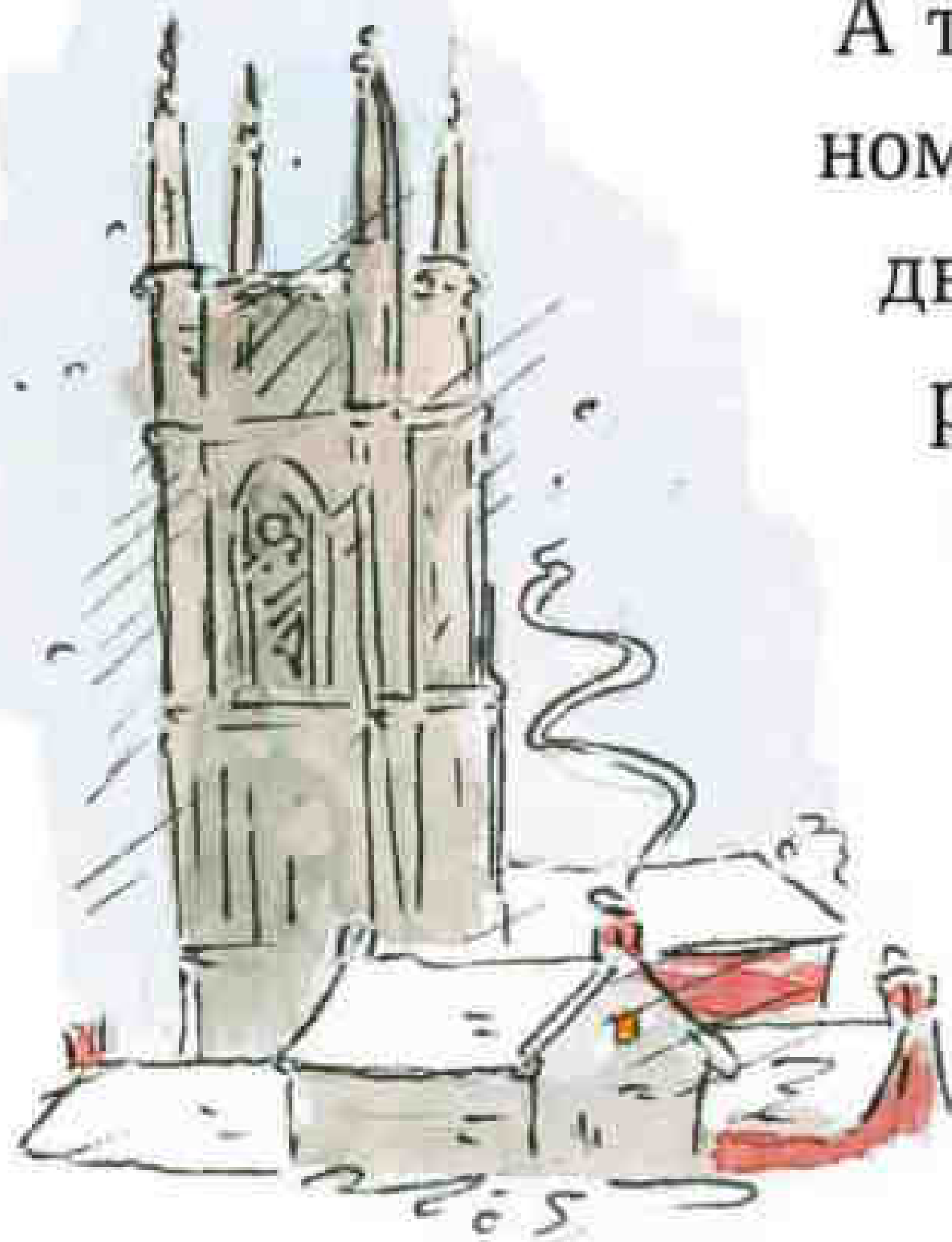

А если и там не оказывалось нужного вам товара, это обязательно нашлось бы в магазинчике миссис Пеннимейкер. В общем, всё в городке было такое милое, тихое и очаровательное — просто дальше некуда. Вот только с привидениями у них не ладилось.

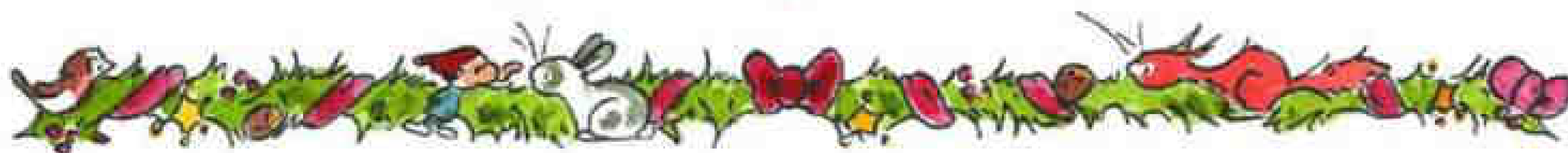

Если бы в Твиллинге кому-то взбрело в голову пообщаться с духами и прочими потусторонними существами, ему стоило бы пойти на кладбище. Оно было, строго говоря, великовато для маленького городка, а поодаль возвышалась церковь, упираясь шпилем в зимнее небо. Тут-то никто бы не удивился пролетающей мимо тени, вздоху из ниоткуда или встрече с туманными силуэтами.

Правда, никогда ещё в Твиллинге не случилось ничего даже мало-мальски необычного, не говоря уже о привиденческом.

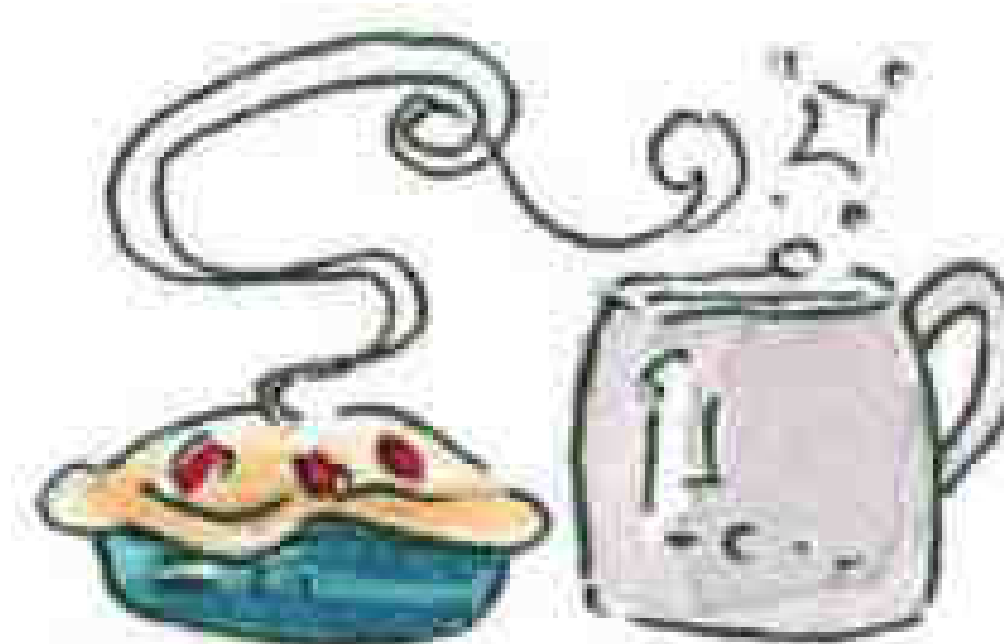

А теперь перейдём к следующему важному строению городка — постоялому двору. Он располагался на главной рыночной площади и носил чудесное название Honey & Pie, означающее не что иное, как «Мёд и Пирог». Более пятисот лет его чуточку кривые, но всегда приветливо горящие окна манили и местных жителей, и путешественников.

Нового владельца, принявшего на себя заботу о постоялом дворе, звали мистер Бамблби — по-английски его фамилия значит Шмель. Они с заведением «Мёд и Пирог» были словно созданы друг для друга, не находите? К тому же господин Шмель обладал по-шмелиному обширной талией и при этом беспрестанно что-то гудел себе под нос. Жёнушка его была даже чуть круглее муженька, но гудеть не гудела.

Жители Твиллинга любили назначать встречи в ресторанчике «Мёда и Пирога». Зимой, когда дни становились короче, практически всё взрослое

население с первыми сумерками собиралось в просторном обеденном зале. И то правда — кому же охота сидеть дома в такое мрачное время?

А в ресторанчике потрескивали дрова в большом камине и в воздухе витал аромат свежее испечённого хлеба.

Столики тут предназначались и для двоих, и для целой толпы посетителей. Но заняты они были все и всегда. Как, впрочем, и комнаты для постояльцев на втором этаже. Твиллинг находился неподалёку от проторённых торговых путей, и потому на ночлег останавливались в нём часто. В общем, сдаётся мне, вы теперь более или менее представляете, как выглядел «Мёд и Пирог». Было здесьлюдно, временами шумно, но главное — очень уютно.

Сказочка с привидениями

И потому никто, ну совершенно никто в Твиллинге и предположить не мог, что единственное на всю округу привидение вздумает поселиться не на кладбище, а на постоялом дворе!

Появлению привидения предшествовали вполне явные знаки. По вечерам у задней двери то и дело слышались тихое царапанье и повизгивание. Но сколько бы раз господин Шмель ни открывал эту дверь (которая, к слову, вела с улицы прямо на кухню и с кухни на улицу), никого за ней не оказывалось. Одна сплошная темень.

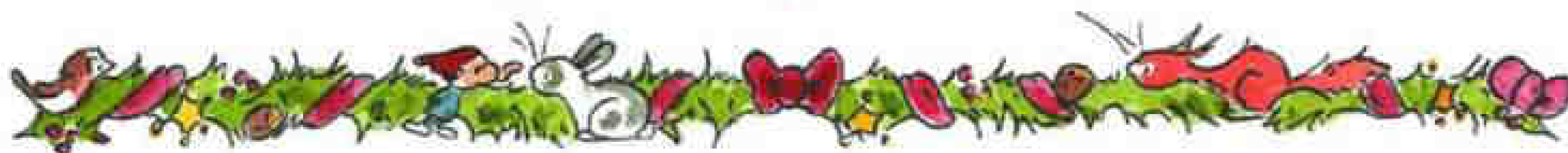
Если же гости умудрялись выставить за дверь комнаты свои башмаки, чтобы их начистили как следует, они исчезали с завидной регулярностью. Башмаки, конечно же, а не сами гости! Точнее говоря, исчезал всегда лишь один ботинок, будто бы сам отправлялся в дальнейшее путешествие.

Порой из кухни пропадала сосиска-другая, но это хозяев особо не волновало. А вот проблема с башмаками казалась крайне неприятной.

В конце концов, на кону была репутация постоялого двора!

Но по-настоящему чета Шмелей встревожилась, когда однажды утром на пороге их кухни вдруг появилась кость.

Дело в том, что кость эта выглядела не просто старой, а почти ископаемой, и к их чистой кухне явно не имела отношения. Притащить её мог разве что кот Руфус, но это было крайне сомнительно.

Во-первых, он никогда в жизни костями не интересовался. А во-вторых, больше всего на свете он любил дремать у камина. Даже громкий смех и хоровое пение посетителей не могли отвлечь Руфуса от этого важного занятия.

Но откуда же тогда взялась кость?

— Выкину-ка я её за дверь, — решила госпожа Шмель, но тут же передумала. Посмотрев на кость внимательнее, она заметила, что выглядит эта древность, кхм, малоаппетитно. Трогать её совершенно не хотелось. Поэтому госпожа Шмель обратилась к супругу:

Сказочка с привидениями

— Будет лучше, если ты сам это выкинешь, дорогой.
Господин Шмель со вздохом закатил глаза, но всё же вынес кость из дома и выкинул её в мусорный бак.

Несколько дней все были сильно заняты работой, и происшествие с костью забылось. Почти полностью.

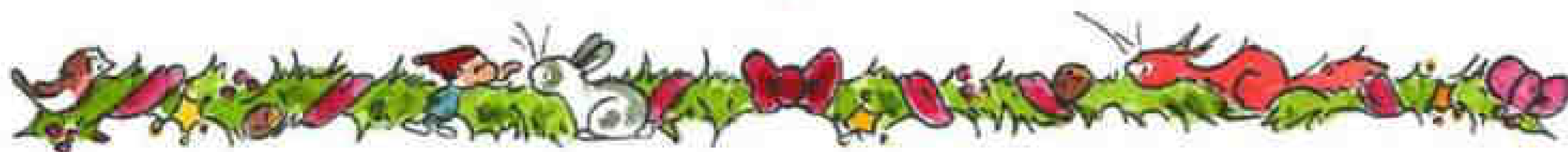
— Не я ли тебя просила сделать так, чтобы и духу этой кости здесь больше не было? — поинтересовалась госпожа Шмель у мужа тремя днями позже.

Утро только начиналось, и господин Шмель был занят — он осматривал большие бочки под прилавком.

— Так я и сделал сразу же, душенька. Сразу же и сделал, — пробормотал он в ответ.

— Да ну? А почему тогда эта мерзость всё ещё тут? — Госпожа Шмель подпихнула кость носком туфли и проворчала: — Да как лежит-то — прямо посереёдке кухни, не захочешь, да споткнёшься. Что наши гости о нас подумают?

Теперь господин Шмель ничего не ответил, так что пришлось хозяйке постоянного двора самой нести противную кость в мусор. Крышку бака она закрыла особенно тщательно. Чтоб уж наверняка эта кость там осталась. Нечего ей в доме делать!

Эх, вот порой надеешься, что всё обойдётся, но нет-нет да и закрадётся в душу опасливое предчувствие... Вот и госпожа Шмель стала подозревать, что с этой костью всё не так просто. А уж когда кость снова оказалась в «Мёде и Пироге», не осталось никаких сомнений: дело тут нечисто.

На этот раз до возвращения кости прошли не три, а всего две ночи. Теперь кость лежала не на пороге и даже не в центре кухни, а прямо под дверью в хозяйскую спальню.

Это и впрямь было странно. Даже слишком странно, чтобы закрыть на происшествие глаза.

Господин Шмель собрался снова выкинуть несчастную кость, но тут госпожа Шмель потянула его в обеденный зал. Там она прошептала ему на ухо:

— Оставим-ка мы эту гадость лежать, где лежит. Не может же кость влететь в дом сама по себе? Кто-то её притащил к нам. И кто бы это ни был...

— ...Он за ней вернётся, — кивнул хозяин. — Понимаю, душенька. Тут мы его и выследим.

— Точно, — прошептала в ответ госпожа Шмель. — Сегодня ночью мы наконец-то узнаем, что тут у нас творится.

Сказочка с привидениями

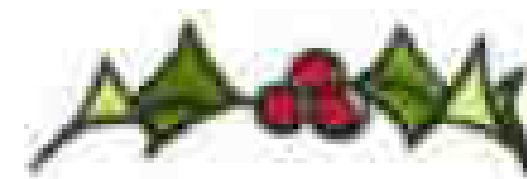
Итак, вернёмся в обеденный зал через пару часов. Они были ничем не примечательны, разве что господин Миллер внезапно разразился трагически-печальной балладой, да госпожа Пеннимейкер выиграла партию в карты, хотя играть толком не умела.

Но вот с неба повалил густой снег, и все обитатели Твиллинга поспешили по домам, пока не начался буран. Хозяева, облегчённо вздохнув, заперли дверь за последним посетителем.

Постояльцы тем временем один за другим уснули в своих номерах на втором этаже, и чета Шмелей заняла наблюдательный пост под лестницей.

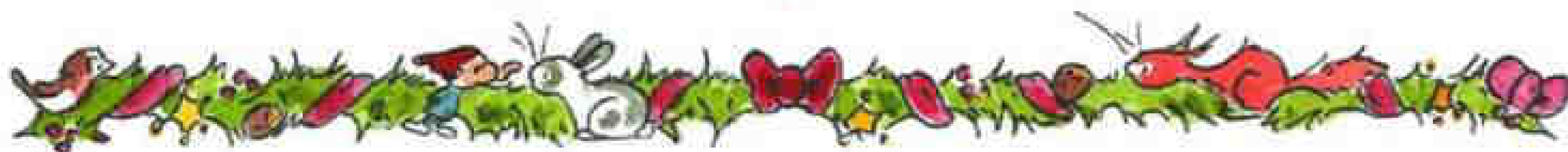
Госпожа Шмель непременно хотела нести вахту первой.

— Просто не могу дождаться, так хочу посмотреть на непрошеного гостя, — шептала она. О, как скоро пришлось ей раскаяться в этом желании!

Привидения появляются (если они вообще решат появиться) в духов час. То есть ровно в полночь. И это известно абсолютно всем.

А вот госпожа Шмель вспомнила об этом, лишь когда с церковной колокольни, нарушив тишину зимней ночи, донеслись двенадцать ударов.

Ещё ничего не произошло, но по спине госпожи Шмель вдруг пробежали ледяные мурашки.

И тут она услышала какой-то звук. По коридору кто-то двигался! Прямо к ней! И к кости!

Но это был не еле различимый силуэт, не дуновение ледяного ветра и не бледно-зелёный луч света. В духов час из-за угла к ней вдруг вышла... собака! Маленький белый пёс с тёмными ушками, жёсткой шерстью и дружелюбно вилявшим хвостом!

Можете себе представить, с каким облегчением вздохнула госпожа Шмель в своём укромном уголке под лестницей?

Этого вздоха, впрочем, псу хватило, чтобы её заметить. Он забрал кость, приковылял с ней к госпоже Шмель, склонил голову набок и с весёлым любопыт-

ством уставился на хозяйку. Госпожа Шмель ответила ему таким же взглядом. Про себя она радовалась: слава богу, это лишь собака.

Ведь кость могла принадлежать кому-то не столь дружелюбному...

— Ну-ка отвечай, кто ты такой? И как, позволь узнать, ты оказался у нас в доме? — спросила собаку госпожа Шмель.

Она присела на корточки, пёс подошёл ближе. Он опять завилял хвостом, показывая, какой он хороший. Госпожа Шмель протянула руку, чтобы погладить

пёсика, и рука её прошла через него — как будто он был сделан из воздуха!

Госпожа Шмель в ужасе завопила:

— Убирайся! Вон отсюда!

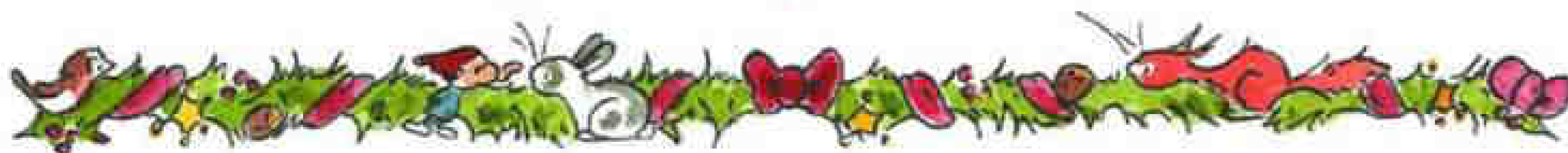
Пёс тоже испугался. Он развернулся и убежал вместе со своей костью... сквозь стену.

В то же самое мгновение хозяйка постоялого двора подобрала юбки — и верхние, и нижние — и с воплем бросилась в спальню.

Довольно долго пришлось госпоже Шмель убеждать супруга в том, что пёс ей не привиделся. И это несмотря на давний принцип господина Шмеля: «Жене лучше верить всегда и во всём, и к тому же сразу».

Но окончательно хозяин постоялого двора убедился в правоте жены, лишь увидев пса собственными глазами. Такая возможность ему скоро представилась.

Потому что с этого вечера пёсик регулярно появлялся перед «Мёдом и Пирогом».

В дом, впрочем, он больше не заходил — так напугал пёсика визг госпожи Шмель. Ночи напролёт он просиживал перед дверью, встречая и провожая гостей постоянного двора.

Многие гости говорили псу что-то хорошее. В конце концов, он выглядел как совершенно обыч-

ная, маленькая, милая собачка. Но чета Шмелей то и дело задавалась вопросом: что случится, если кто-нибудь вдруг решит погладить пёсика?

И, словно мало им было хлопот, в одну особенно ледяную ночь кто-то из гостей крикнул:

— Да пустите же беднягу внутрь! Он тут замёрзнет.

— Но... эта собака с нами не живёт, — запинаясь, объяснила госпожа Шмель.

— Ну и что? — отозвался гость. — Не колевать же ей в такую холодрыгу у вас на пороге!

Госпожа Шмель закрыла дверь. Никогда, ни за что не согласилась бы она позвать эту собаку в дом! Она радовалась, что пёс оставался снаружи...

Эта ночь грозила стать самой холодной в году. Мороз буквально царапался в окна, а снега навалило столько, что

и старожилы не помнили таких сугробов. Горожане ложились спать, натягивая одеяла по самые уши.

Вдруг все услышали жалостный вой пёсика. Он летел над улочками, и в нём ощущались холод, голод и одиночество.

Чета Шмелей слышала вой отчётливее других. Оно и неудивительно: пёс по-прежнему сидел у них перед домом.

— Может, возьмём его к нам, бедняжку? — нерешительно предложила госпожа Шмель.

Но господин Шмель упрямо поджал губы.

— Ещё не хватало, чтобы у меня жила какая-то призрачная шавка!

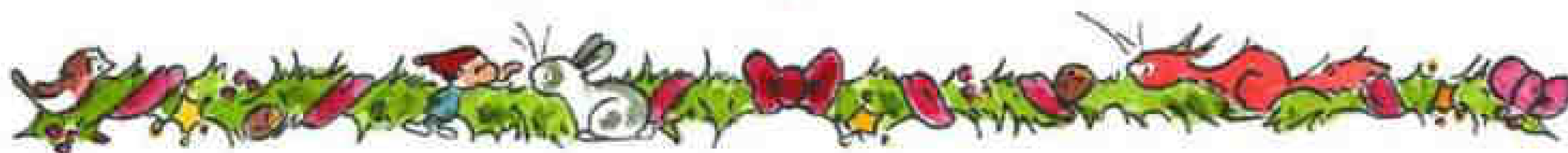
Прошло ещё несколько дней. Приближалось Рождество. «Мёд и Пирог» пора было принарядить

к празднику — так делали каждый год. Подобно всем прежним хозяевам, господин Шмель отчаянно пытался отыскать хоть какие-то ёлочные украшения, ведь в старинном доме так много мест, куда можно упрятать нужные вещи.

Сказочка с привидениями

Господин Шмель обыскал всё, что мог, — от кладовой с припасами до настенных шкафов. Он уже начал злиться и, может, поэтому захлопнул дверь шкафа чуть сильнее, чем следовало. Раздалось громкое «Р-р-румс!» — и вдруг рядом со шкафом отошла в сторону одна из досок, которыми были отделаны стены. Просто раз — и сдвинулась в сторону, открывая взору потайной ящик.

В тайнике лежали поводок и пыльная книга — семейная летопись — с пожелтевшими от времени листами. Не будем затягивать нашу историю: в одной из глав бывшие владельцы рассказывали, как на постоялом дворе однажды начался пожар, пока вся семья спала. «Мёд и Пирог» мог выгореть дотла. По счастью, верный хозяйский пёс успел всех предупредить, поэтому никто не погиб. В конце истории было написано вот что:

Милый наш Пятнашка, «Мёд и Пирог» обязан тебе всем. Мы надеемся, что ты обретёшь тут счастливый приют на все времена.

Твиллинг, 24.12.1815

— 1815, — удивлённо выдохнула госпожа Шмель. — Как же давно это было! Но если всё написанное — правда, и если этот пёс...

— Пятнашка, — поправил её господин Шмель.
— Как-как? — переспросила она.
— Собаку зовут Пятнашка, — пояснил муж. — Раз уж мы знаем имя, пожалуй, стоит её так и называть. К тому же... — И господин Шмель со значением показал на сегодняшнее число. Было 24 декабря. Сочельник.

Госпожа Шмель сжала руки, волнуясь. Не так-то просто оказалось свыкнуться с мыслью, что в её доме поселится призрачная собака.

— Ах, Артур, право, не знаю... — вздохнула она.
— Эльзбет, «Мёд и Пирог» — его дом. Тут написано, взгляни. Синим по белому, — ответил ей муж.

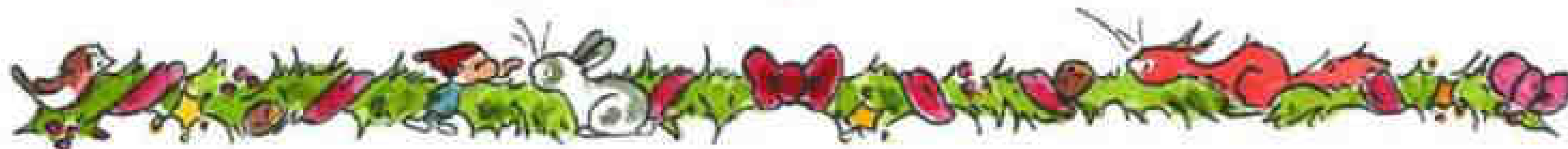
Госпожа Шмель покосилась на старую книгу, потом на супруга и, наконец, на собаку за окном. Пёс, к слову, по-прежнему сидел перед домом. Он мелко дрожал от холода, то и дело поджимая лапы, чтобы немного согреться. Короче говоря, выглядел так, словно вся несправедливость этого мира лежала тяжким гнётом на его собачьих плечах.

Госпожа Шмель не смогла этого вынести. Она распахнула дверь и крикнула:

— Пятнашка! Ко мне! Иди домой, пёсик!

Пятнашка обернулся и стрелой пронёсся в дом, непрерывно виляя хвостом. Он улёгся перед ками-

Сказочка с привидениями

ном, как будто всю жизнь там и лежал.
Как минимум с 1815 года.

А мне остаётся лишь добавить, что с тех самых пор пёс-призрак долгие годы жил на постоялом дворе и никому из гостей не причинил ни малейшего неудобства.

Даже кот Руфус не протестовал, когда особенно холодными вечерами Пятнашка ложился совсем близко к нему, возле камина.

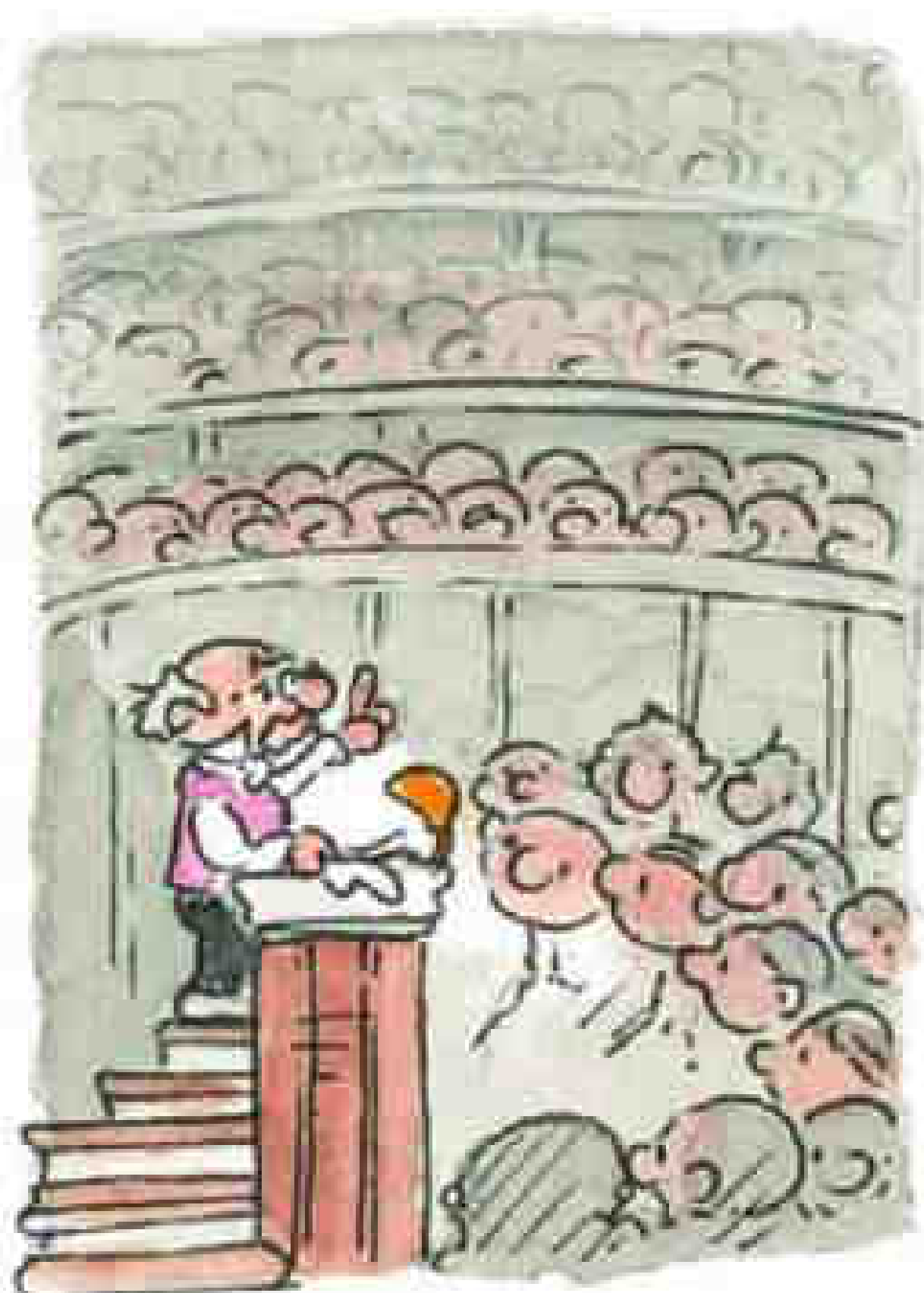
Да и госпожа Шмель уже не представляла себе, как «Мёд и Пирог» обходился раньше без Пятнашки. Вот только его ужасную, старую-престарую кость она бы с удовольствием выкинула куда подальше. Поэтому на каждое Рождество дарила ему новую.

А что же Пятнашка? А он просто радовался всему. Новым косточкам, теплу постоялого двора и, конечно же, тому, что его наконец-то пустили в дом.

Ведь правда, кому охота сидеть одному-одишеньку долгой зимней ночью?

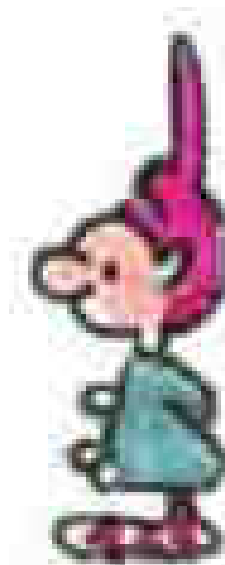
Экспедиция на Крайний Север

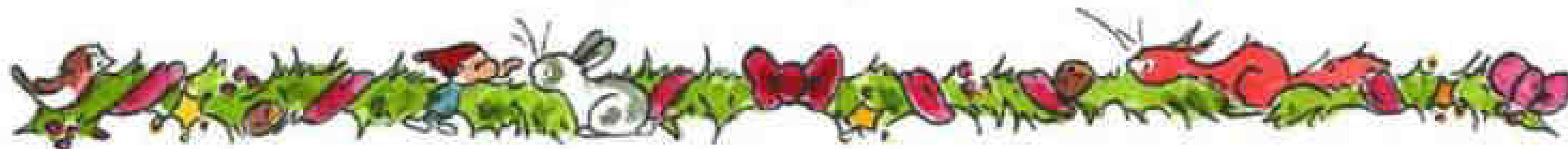

Профессор Альфонс Лиллеброд, действительный член Королевского Университета Копенгагена, однажды совершил ошибку, не только опозорив своё имя, но и стерев его со скрижалей научного мира на веки вечные.

Во всяком случае, так звучал единогласный приговор его многоуважаемых до этого мгновения коллег.

Сам профессор Лиллеброд рассматривал произошедшее совсем с иной точки зрения. Недаром же он посвятил всю жизнь изучению северных легенд и их героев. Эти исследования привели его к глубокому убеждению, что некоторые из сказочных героев... Как бы поточнее выразиться... В общем, профессор был твёрдо убеждён, что они не порождения фантазии, а вполне реальные существа. Просто до сего момента они всеми силами противились любым исследованиям их бытия!

Именно об этом профессор Лиллеброд намеревался поведать научному миру вечером 19 декабря 1912 года. И не где-нибудь, а в самом Университете. И не как-нибудь, а в присутствии всех почтенных коллег по факультету, многочисленных высокопоставленных гостей и даже членов королевской фамилии.

— Не хотите ли вы сказать, что и в самом деле существуют на Земле тролли, гигантские морские змеи или даже снежный человек? — осмелился спросить докладчика профессор Лунд.

— Разумеется, нет, — поспешил заверить его Лиллеброд. — Этих созданий предположительно никогда не существовало. А вот рождественские гномы... Они столь же реальны, как и мы с вами!

На некоторое время воцарилась недоверчивая тишина, а потом коллеги профессора дружно согнулись пополам, держась за животы, и стены главного зала Университета задрожали от хохота.

Этот хохот звучал в ушах профессора Лиллеброда весь вечер и не смолк даже на лестнице, ведущей в его квартиру в мансарде, под крышей высокого дома.

Пристанище профессора было скромным. Стяжать богатство в той области, где он подвизался, не удавалось никому, но Лиллеброда это не волновало.

Экспедиция на Крайний Север

Куда важнее для него были исследования и научные труды.

Впрочем, его квартира обладала одним важным достоинством: окна мансарды выходили на церковь Святого Петра. Древние здания Университета располагались совсем рядом — можно было докинуть до них камешком. Каморка профессору досталась крохотная, зато даже самой суровой зимой она легко и быстро протапливалась.

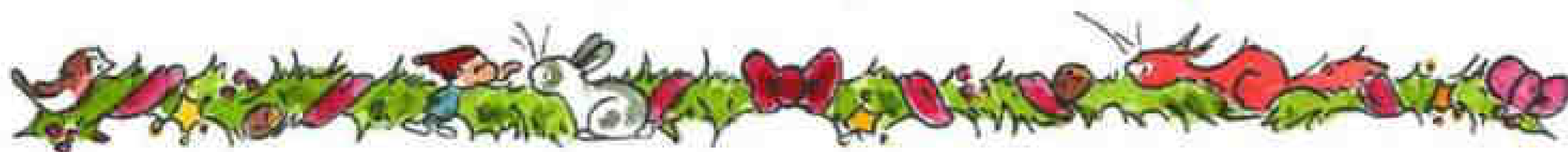
Профессор Лиллеброд сильно рисковал, делая своё скандальное заявление. В научном мире одно неверное утверждение могло разрушить карьеру, запятнать доброе имя учёного.

Вскоре содержание профессорской речи станет известно всему мировому научному сообществу, и Лиллеброду придётся быстро предъявить убедительные доказательства. Или же навеки прослыть наивным мечтателем. Или и того хуже — злостным лгуном...

Виделся единственный выход: отправляться на Север, чтобы лично, своими глазами, убедиться в существовании гномов.

Но для начала нужно было уведомить о своих намерениях Густава. В конце концов, подобная экспедиция — предприятие утомительное, а профессор Лиллеброд уже немолод. Правильнее обратиться за помощью к молодому ассистенту.

Подумав об этом, профессор поспешил прочь, в заснеженную темень, чтобы вытащить Густава из тёплой постели.

Совместные приготовления к научной экспедиции начались незамедлительно и продолжились утром. Настроение профессора явно улучшилось. А вот энтузиазм Густава не бросался в глаза, что неудивительно. Полночи он собирал вещи, а потом ковылял вслед за профессором, сгибаясь под тяжестью гигантского рюкзака. Спотыкаться со всем этим на заснеженной мостовой — так себе удовольствие.

— Да не страдай ты раньше времени, дружок, — упрекнул его профессор Лиллеброд. — Это разве снег? На далёком Севере сугробы по пояс, если не выше.

— Ура, — обречённо вздохнул Густав.

Профессор сверился со своей записной книжкой, резко свернул в очередной переулок и вновь пропал в одном из бесчисленных магазинчиков.

Густав печально посмотрел ему вслед. Сам он со своим рюкзаком не мог бы протиснуться в крохотную дверь подвального магазина, поэтому терпеливо

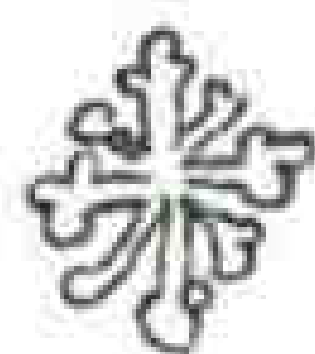

Экспедиция на Крайний Север

ждал снаружи, невзирая на холод. По счастью, профессор ещё только один раз взглянул в записную книжку и тут же провозгласил:

— Готово! Теперь у нас есть всё необходимое. Билеты на поезд забронированы. Отправляемся завтра утром. Никаких преград на пути к успешной экспедиции по исследованию гномов больше нет! Густав, мальчик мой, мы с тобой войдём в историю!

Заснеженное здание вокзала возникло будто из старинной легенды. Для начала путешествия на Крайний Север оно годилось как нельзя лучше.

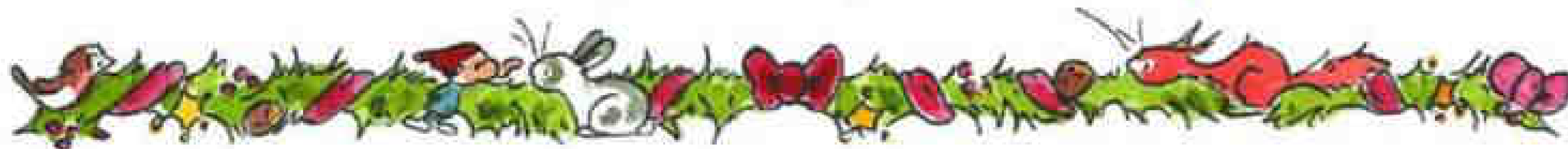
Область поисков профессор Лиллеброд предусмотрительно указал неточно — он не мог с уверенностью утверждать, где именно отыщет гномов.

Возможно, они обитают в северных районах Швеции, Финляндии или Норвегии. Но где бы то ни было — он их непременно разыщет. В этом профессор Лиллеброд не сомневался ни секунды.

Отыскать нужное купе в поезде оказалось куда сложнее, чем гномов на Севере. В конце концов его обнаружил Густав — в вагоне под номером двенадцать.

— Хорошее число, — одобрил профессор.

Экспедиция на Крайний Север

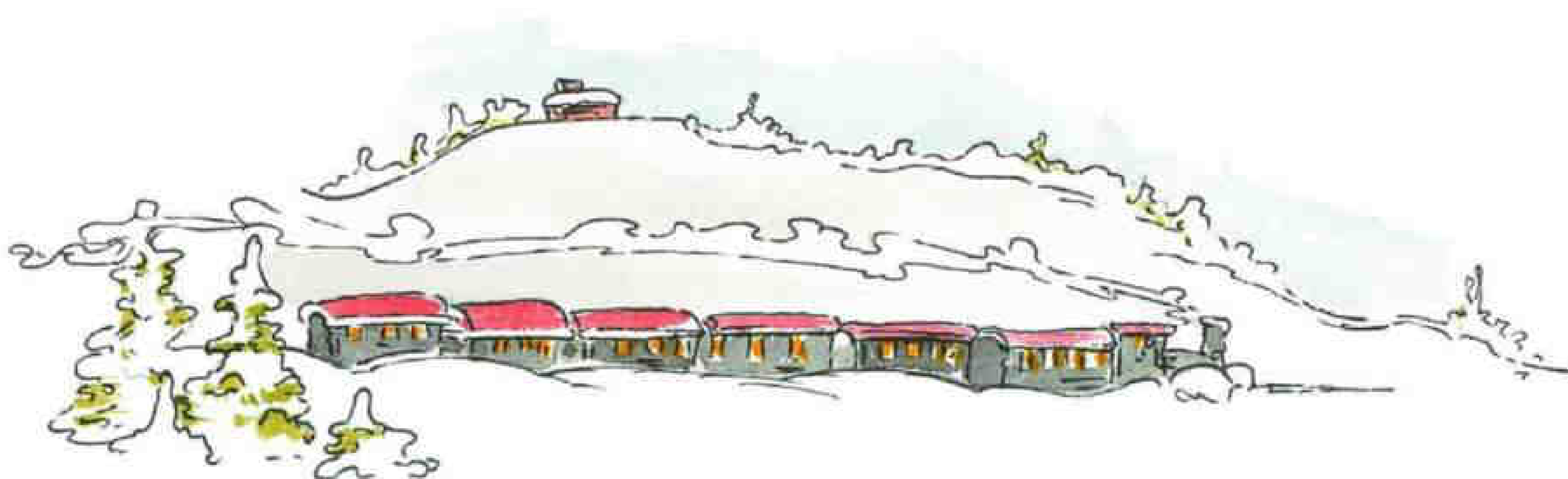
— А на завтрак здесь можно надеяться? — спросил Густав скорее себя самого, чем профессора. Но тот вдруг отозвался:

— Разумеется. Через пару часов.

— Ура, — снова вздохнул Густав.

Наконец поезд, выпустив клубы густого пара, покинул вокзал, но по случаю раннего утра сдержался и не дал типичного прощального гудка. Так что Копенгагену повезло: он продолжил нежиться в сладком сне, не подозревая, что профессор Лиллеброд вместе с верным Густавом отправились в путь. С каждой минутой они приближались к заветной цели — Крайнему Северу.

До шведской границы поезд доехал очень быстро. По обе стороны рельсов простиралась белая равнина. То там, то тут из снежных глубин выныривали крестьянские дворы или небольшие деревеньки, а вершины гор уже озаряло алым светом восходящее солнце.

Экспедиция на Крайний Север

Профессор Лиллеброд подготовил экспедицию на совесть. Но всё же беспокоился, как поведёт себя их оборудование на Крайнем Севере. Достаточно ли они оснащены техникой?

Правда, он предпочёл пока не делиться сомнениями с Густавом — тот как раз заполучил вожаделенный завтрак и чуть приободрился.

— А мы всё время будем ехать по железной дороге? — с надеждой спросил Густав. В этом случае поездка могла оказаться гораздо приятнее, чем он предполагал.

— Увы, нет, — отозвался профессор. — Только до самой северной остановки. Это просто точка на карте, которую я и деревушкой-то поостерёгся бы называть. Там мы сможем арендовать сани, запряжённые лошадью. Ну, по крайней мере, я так думаю.

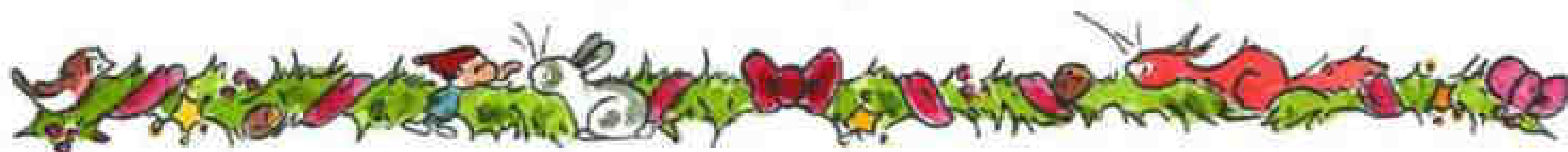
— А если нам это не удастся? — в ужасе выглянул из-за кофейной чашки Густав.

— Тогда придётся идти пешком, — безмятежно пояснил профессор, которого явно не пугала такая идея.

Но Густаву стало холодно только при мысли о подобном варианте. А как хорошо всё начиналось! В поезде было тепло. Завтрак принесли. И снег такой красивый, если смотреть на него из окна вагона. Только ведь красота снега — ещё не повод брести по нему, увязая по пояс, верно?

Экспедиция на Крайний Север

— Ура, — жалобно пробормотал Густав.

Разумеется, профессор Лиллеброд оказался прав. Самая северная остановка на территории Швеции выглядела настолько крохотной, что назвать её древней язык бы не повернулся. В ней даже ни одной церкви не было. Зато путников приветствовал яркий свет из окон крепко сколоченного дома.

Они постучались в дверь, и гостей без промедления впустили. Это оказалось очень кстати, потому что на Севере всю зиму не только холодно, но и темно.

— Вам ночлег нужен? — дружески поинтересовалась миловидная круглолицая дама.

— На сегодня — непременно, — ответил профессор. — А завтра мы хотели бы отправиться дальше. Не найдётся ли у вас саней с лошадью?

— Сани есть. А лошадь не дам, — сказала женщина. — В такую погоду мы своих животных на улицу не выпускаем. А куда вам надо-то?

Когда хозяйка накрыла на стол, профессор показал ей точку на карте — посредине белого безмолвия. Именно эта территория упоминалась в более или менее достоверных отчётах о встречах с гномами.

Хозяйка пожала плечами:

— Боюсь, там сани не проедут.

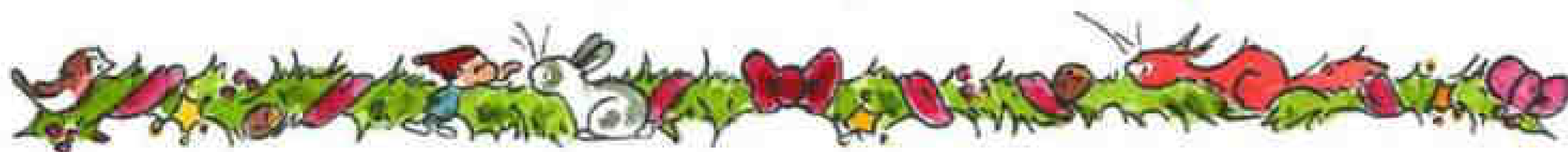
Про гномов она ничего не сказала. Да и не нужно было. Профессор и сам обнаружил небольшую улику, волнующее душу исследователя указание, которое он осторожно и незаметно опустил в карман своего плаща. Только после того, как они с Густавом зашли в отведённую им комнату, Лиллеброд с видом триумфатора извлёк из кармана и протянул недоумевающему ассистенту таинственный объект.

Это была фигурка гнома, вырезанная из дерева. Казалось, она ничем примечательным не выделялась — такие фигурки были широко известны и очень популярны. А вот высокий остроконечный колпачок действительно заслуживал внимания. Он был не резной, не деревянный, а сшитый, причём из довольно толстого войлока.

— Странно, — заметил Густав. — Я такого ещё нигде не видел.

— В этом ты не одинок, — заговорщически подмигнул ему профессор. — До сего момента никто из людей не мог видеть такие колпачки собствен-

ными глазами. Это, дражайший Густав, вообще-то подлинник!

— То есть вы считаете...

— Вне всякого сомнения! — решительно заключил профессор. — Эта шапочка ранее принадлежала настоящему гному. Мы на верном пути!

Утром исследователи возвратили деревянного гнома на прежнее место.

Основательно позавтракав, Лиллеброд и Густав отправились в путь. Пешком, разумеется. А что им оставалось делать?

Пока дорогу было ещё видно, они продвигались довольно бодро. Но когда стало темнеть, каждый новый шаг по заснеженному лесу давался им всё труднее. Густав даже собрался высказать все претензии по поводу лишений, которые он тут терпит. Им придётся

Экспедиция на Крайний Север

брести по снегу много дней, и нигде-нигде вокруг не отыщется для них ни тёплого местечка, ни избушки, ни даже сарайчика, в котором можно было бы отдохнуть... Но, с другой стороны, — что изменили бы его жалобы?

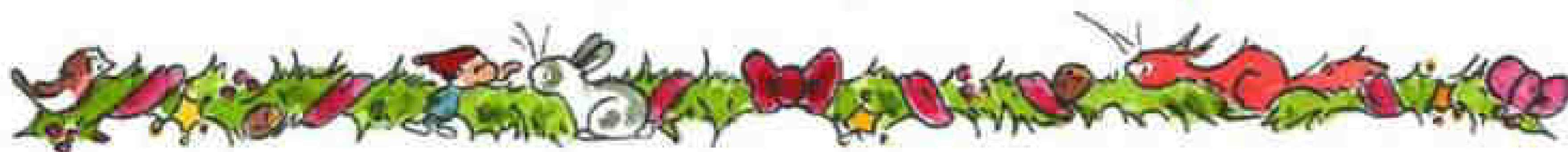

Профессор Лиллеброд верил в успех предприятия, это было видно невооружённым глазом. Его полностью захватил исследовательский порыв, он продвигался к цели с абсолютной самоотдачей и оглядывал окрестности цепким научным взглядом.

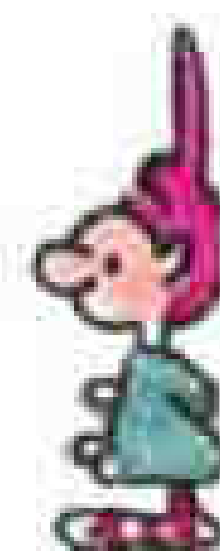
Азарт охотника в какой-то момент передался и Густаву: тот ни секунды не сомневался, что гипотеза его наставника верна. Гномы и в самом деле существуют, и, если как следует постараться, им с профессором непременно повезёт. Немного усилий, немного удачи — и они докажут, что гномы есть!

Жаль только, что ориентироваться становилось всё труднее. Как уже было сказано, дневного света в лесу почти не осталось. А все леса обычно выглядят совершенно одинаково. На карте, что была у профессора, в этом месте располагалось громадное белое пятно. Возможно, до них сюда не приходили никакие исследователи. Это внушало оптимизм и порождало самые смелые надежды.

Экспедиция на Крайний Север

Итак, наши доблестные учёные продвигались по территории, о существовании которой карта умалчивала. Внезапно недоброе предчувствие овладело обоими: им вдруг стало казаться, что за ними кто-то наблюдает.

Лиллеброд то и дело наклонялся к земле, протирая очки шерстяным шарфом. Очкам это на пользу не шло. Наконец профессор увидел на снегу отпечатки. На первый взгляд они показались похожими на звериные следы. Но при более подробном рассмотрении стало ясно, что это отпечатки сапог. Очень, очень маленьких сапожек.

Профессор Лиллеброд замерил ширину шага и глубину следа, вывел из них примерные рост и вес существа. Вне всякого сомнения: такие следы мог оставить только гном! Участники экспедиции достигли цели!

— Густав, — торжественно объявил профессор, вновь протирая очки шарфом, — мы их нашли!

— Или они нас, — пробормотал в ответ Густав, показывая на поваленное дерево неподалёку.

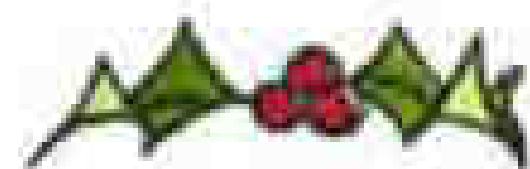
Профессор быстро нацепил очки обратно на нос. Но это не помогло. Глазам своим он всё равно уже не верил. Прямо перед ними стоял человечек ростом не больше белки. Одет он был в неприметную

Экспедиция на Крайний Север

коричневую одежду. Голову человечка украшал алый остроконечный колпак. Ещё у него имелась длинная белоснежная борода, а из-под густых широких бровей блестели маленькие зоркие глазки. Строго говоря, он весьма напоминал самого профессора, только был гораздо меньше его ростом. Не успели оба наших исследователя осознать всю научную важность и глубину своего открытия, как гном сказал:

— Следуйте за мной.

От волнения у профессора Лиллеброда даже в ушах зазвенело. Разумеется, он верил в существование гномов. Но сама мысль о том, что именно он откроет их как вид... А теперь он ещё и шёл за одним из гномов по заснеженному лесу!

Поначалу профессор думал, что все открывшиеся взору башенки, стены и ворота, а то и целые замки и дворцы — лишь плод его буйной фантазии.

При менее странных обстоятельствах он бы, вероятно, счёл их причудливыми сугробами. Но, конечно же, это были жилища гномов. Теперь у профессора не осталось ни малейшего сомнения.

Кроме того, наши исследователи заметили, что город гномов увеличивался в размерах по мере их продвижения вглубь леса. Но тут они, впрочем, заблуждались. Город не собирался расти — это они сами понемногу уменьшались. Ещё мгновение — и оба учёных стали не выше белок.

Пройдя через городские ворота, они оказались в каком-то слабо освещённом коридоре. В конце его располагался зал. Судя по очертаниям, он был округлым, но не столько просторным, сколько высоким. Из этого профессор Лиллеброд заключил, что они, возможно, находятся внутри большого дерева.

Им было предложено сесть. А потом за очень длинным столом вдруг появились настоящие гномы. Они смотрели на учёных внимательно и серьёзно.

— Меня зовут професс... — начал было Лиллеброд.

Но тут гном, сидящий посередине, поднял руку и возгласил:

Экспедиция на Крайний Север

— Мы знаем, кто вы такой, господин профессор. Известно нам и то, зачем вы сюда прибыли. И я буду краток: мы предпочли бы никогда не становиться научным открытием!

— Ах вот как... Никогда? — запинаясь, произнёс профессор Лиллеброд.

— Никогда! — подтвердил гном. — У нас тут всё спокойно. И хотелось бы, чтоб так оно и оставалось.

Тут подспели новые гномы. Они принесли тёплого супа, свежего хлеба и горячего черничного сока. Особенно обрадовался этому Густав.

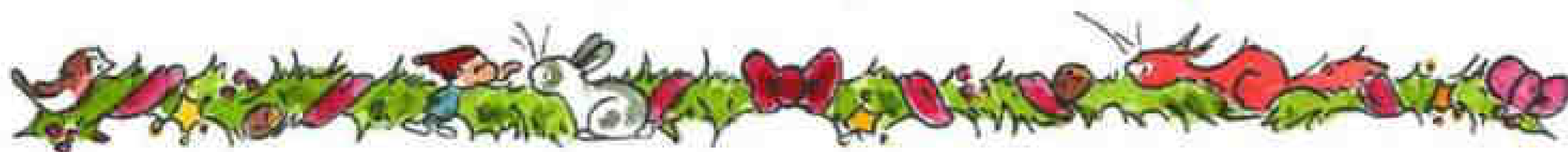

— Но ведь как прекрасно бы стало, если бы гномы и люди могли жить в добром соседстве... — продолжил профессор.

— Когда-то так оно и было. Но очень, очень давно, — ответил ему гном. — Поначалу всем это нравилось.

Но потом люди принялись требовать от нас того и сего, у них появились ожидания и желания, которые мы не могли выполнить. Так, они хотели, чтобы мы работали за них, и лучше всего ночью. Мы должны были выполнять самые разные поручения, порой требующие даже вмешательства волшебных сил. Но ведь гномы совершенно не умеют колдовать! А люди требовали и требовали... В конце концов мы так устали, что переселились

из городов в лес. К сожалению, это нам не помогло: люди преследовали нас и там. Их становилось всё больше. Они валили деревья, отправлялись в походы и страшно шумели. Вот так и получилось, что мы, гномы, оказались на Севере. Потому что хотя бы **ЗДЕСЬ** люди жить не хотят. Слишком холодно им тут.

— Я понимаю, что вы ищете покоя, — признал профессор Лиллеброд. И добавил с глубоким разочарованием в голосе: — Но у меня к вам столько вопросов! К примеру: чем вы, гномы, занимаетесь долгими северными днями? Какую работу предпочитаете? Есть ли у вас король? А ещё я спросил бы про любимые рецепты гномьей кухни, про празднования и обычаи. Взять, к примеру, Рождество — вы же его наверняка празднуете, как и мы, не так ли? Ах, сколько же вопросов теперь останется без ответа!

Тут гномы сдвинули колпачки поближе друг к другу и принялись шушукаться. Потом к ним добавились новые гномы. И снова раздалось шушуканье. Наконец они вроде бы пришли к единому мнению.

Тот самый гном, который начал разговор, объявил весьма торжественно:

— Мы можем сразу ответить на один вопрос. На самый последний из тех, что вы задали, господин профессор. Да, мы празднуем Рождество. И ещё как! Вот что

Экспедиция на Крайний Север

я желал бы сказать. Кстати, так совпало, что празднуем мы Рождество как раз ЗАВТРА. И мы с удовольствием приглашаем вас. Но вот какое решение мы приняли. Мы ответим на все ваши вопросы. Спрашивайте, о чём пожелаете. Проводите свои исследования. Изучайте нас, выясняйте всё, что полезно для ваших целей. Можете даже записать результаты и создать из них целую книгу.

Профессор вытаращил глаза. Это звучало так волшебно — просто воплощённая мечта!

— Но у нас есть одно условие, — продолжил гном.

— Какое же? — осведомился профессор.

— Ни один человек не должен узнать о результатах ваших исследований.

— Но тогда я не смогу вернуться обратно в Университет, — задумался профессор Лиллеброд. Впрочем, для каждого настоящего учёного его труды важнее, чем признание коллег. Поэтому не стоит удивляться, что профессор наконец восторженно завопил: — Я согласен!

Даже Густав, и тот закивал утвердительно. Он наконец-то согрелся. А ещё был снова сыт и доволен жизнью. Кроме того, с другого конца стола ему улыбалась такая красивая девушка из рода гномов...

Экспедиция на Крайний Север

Ну и что он, собственно говоря, позабыл в своём Копенгагене? Ему и тут очень хорошо!

В общем, когда профессор Лиллеброд принял решение и сказал: «Мы остаёмся!» — Густав искренне добавил:

— Ура!

Кстати, Лиллеброд так больше никогда и не вернулся в Университет.

— С головой ушёл в науку, — поговаривали с тех пор его коллеги. В чём-то оно так и было.

Прошло ещё несколько зим, и люди стали рассказывать друг другу, что вроде бы видели профессора. И был он якобы всего несколько сантиметров ростом, и объезжал верхом на белке заснеженный сад церкви Святого Петра, который находился лишь в паре метров от старинных зданий Университета.

Но ведь подобные утверждения не имеют под собой никакого научного основания, верно?

Исследования Снёжиков.

Учёные записки

Иоганн Снёжикум Бах
(1512–1762)

В исследованиях Снёжиков он по праву занимает почётное место Короля Поэтов, мастера слова и основателя одной из наиболее многочисленных и знаменитых династий музыкантов.

Свой самый замечательный текст он написал для рождественских праздников.

Текст, созданный в лучших снежиковых традициях, звучит так:

— Хм! —

Тем самым он, конечно, хотел сказать вот что:

*Пойте, ликуйте и славьте творенье,
Помня, что сделал Всевышний для вас!
Прочь нерешительность, нет — сожаленьям,
В радости, в счастье возвысьте свой глас.
Вышнему пойте чудесные песни,
Чтоб Его имя прославить всем вместе!*

К слову, в наше время мы знаем эти строки благодаря необыкновенной «Рождественской оратории», которую создал величайший из Бахов, а именно композитор Иоганн Себастьян Бах. Своё произведение он начинает громом барабанов, трубными звуками и именно этим текстом.

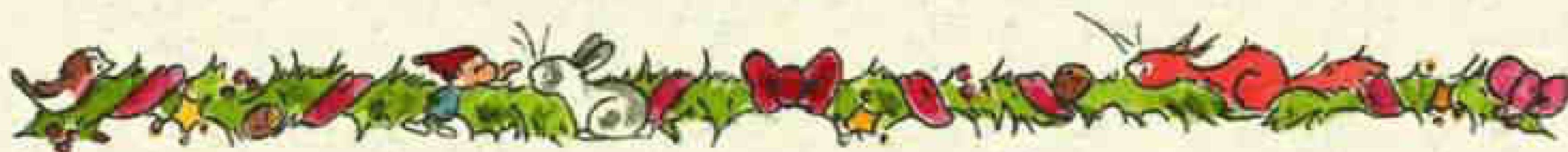
Рождество в Луговой Долине

Глубокоуважаемые читатели,

те из вас, кто следил за моими научными изысканиями последних лет, наверняка знакомы с величайшими приключениями, выпавшими на долю героического и таинственного создания по имени Снёжик. Истории о нём дошли до нас в первозданном виде. Вне всякого сомнения, внимательные читатели давно знакомы с образом жизни этого искателя приключений. Вы знаете, что больше всего на свете он любил тишину и уединение, обретаясь в небольшом жилище под огромным камнем на северном склоне горы, что возвышается возле Луговой Долины. Там он с удовольствием готовил себе на завтрак овсянку, по возможности сдабривая её капелькой козьего молока, — оно, кстати, творит чудеса с любой кашей. Снёжик обожал собирать хворост для своей печки, упражняться в определении разных сортов мха, сладко дремать в ивовой качалке

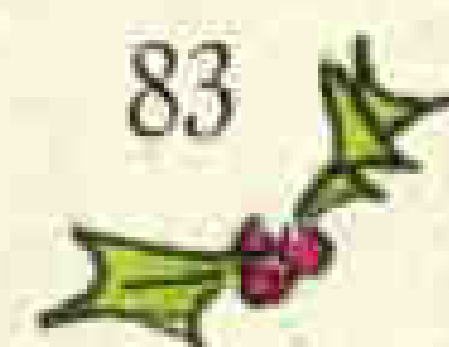

Рождество в Луговой Долине

и размышлять о прошлых своих похождениях. К собственному недоумению, он всё чаще обнаруживал, что размышляет не столько о делах минувших, сколько о новых свершениях, и они манили его сильнее и сильнее. Он мечтал о путешествиях в Неизвестность, о необычных встречах и даже о героических поступках. Хотя бы изредка. Всё это было абсолютно ему несвойственно. Обычно Снёжик не чурался приключений, если они находили его сами, но искать их специально — дело другое, весьма странноватое. Впрочем, чем дальше, тем больше странностей случится в этой истории. Да вы сами почитайте.

А. Х. Ш.

Часть первая, в которой Снёжик якобы случайно знакомится с новым временем года

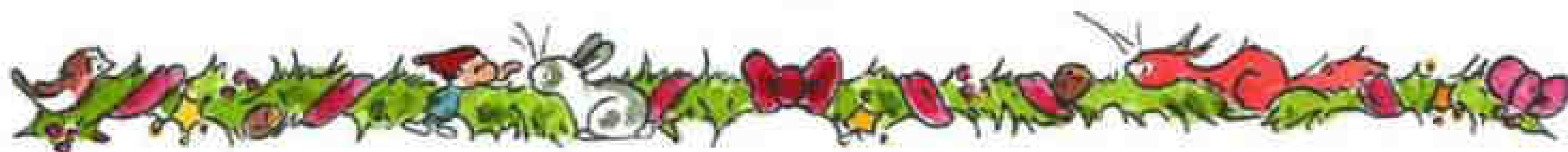
Осень окрасила Луговую Долину чудесными оттенками багряного и золотого, а ещё наполнила её небывалым урожаем лесных ягод, шиповника и орехов. Местным жителям осталось собрать всё это богатство с окрестных кустов, полян и живых изгородей. Все кладовые моментально оказались на-

биты до отказа, и потому настроение у обитателей долины стало прекрасным.

Снёжик радовался предстоящей зиме. Как обычно, он собирался всю её сладко проспать, а потому никакие припасы ему не были нужны.

— Ух-ух, — заметил Бьёрн, крохотный совёнок и лучший друг Снёжика. — А разве для спячки тебе не нужно запастись жирком?

Как раз о жировых запасах Снёжик успел подзабыть.

— Хм, — подумал он вслух. Этим он, разумеется, хотел сказать: «Странно. Как же я так сплеховал?»

— Ух! — ответил Бьёрн. Это, в свою очередь, означало: «Понятия не имею!»

В действительности всё обстояло иначе.

Строго говоря, оба совершенно точно знали, почему Снёжик не потрудился обрасти жирком. Ведь последние несколько недель и Снёжик, и Бьёрн занимались совсем иными делами.

Куда важнее для друзей было поваляться под деревьями на опавшей листве. Они вспоминали Северное Море, Неслышные Леса и все прочие открытия, которые совершили вдвоём. Иногда они отправлялись на прогулку к опушке леса, а порой карабкались на соседние горы. Просто так, чтобы полюбоваться видом сверху. Раньше, когда Снёжик ещё не был опытным путешественником и смелым искателем приключений, такие вылазки казались ему невозможными. В те времена Снёжик отваживался разве что добежать до соснового подлеска, чтобы поискать там хвороста. А теперь он заходил в лес, когда хотел, — иногда, чтобы просто позвать Бьёрна в гости.

Да уж, времена менялись. И Снёжик менялся вместе с ними.

Прежний Снёжик испугался бы до смерти, увидев однажды утром, как на нос к нему приземляются первые снежинки.

Но новый Снёжик лишь проводил взглядом невесомые, крохотные звёздочки и сказал:

— Хм.

Если вам интересно моё мнение, то я считаю, что это его «Хм» могло означать лишь одно: «Смотри-ка, зима пришла. А я ещё не нагулял жирок. Значит, не стану впадать в спячку!»

Глубокоуважаемые читатели! Прошу вас, осознайте важность подобного заявления! Как минимум для Снёжика. Но и для Бьёрна тоже. Ведь это значило, что друзьям не придётся расставаться на бесконечно долгие недели. Напротив, они смогут вместе порадоваться зиме! Как и всюду на далёком Севере, зима в Луговой Долине была по-настоящему сказочной.

— У зимы и правда есть отличные стороны, — уверял взволнованный Бьёрн. — К примеру, все довольно много едят. Люди не хотят сидеть дома в одиночестве и собираются компаниями — то там, то тут. И всякий раз, хм-м, ну, в общем, пируют. Едят печенье, овсянку с корицей. И...

Рождество в Луговой Долине

Снёжик не перебивал друга. Ничего другого ему не оставалось — только слушать. Из-за снега, который теперь валил крупными хлопьями, он уже почти не мог видеть Бьёрна. Ещё немного — и крохотный совёнок совсем потеряется в этой белой круговерти!

Что касается зимних посиделок, к ним Снёжику ещё предстояло привыкнуть. Но ведь было что-то другое... Как же оно называлось? А ведь как раз о нём Снёжик слышал только хорошее...

— Ты имеешь в виду Рождество? — спросил Бьёрн немного сдавленным голосом. Надо было поскорее вытаскивать совёнка из снега!

— Рождество. Да, я про него и говорю, — кивнул Снёжик. — Похоже, стоящая штука.

— Лучшая в мире! — заверил его Бьёрн. Тут-то они и решили: нужно устроить Снёжику особые рождественские каникулы. Чтобы он смог отпраздновать Рождество с Бьёрном. И если получится, обойтись без приключений.

Надо ли говорить, что это условие оказалось невыполнимым? Увы, вскоре стало очевидно: у героев не бывает рождественских каникул.

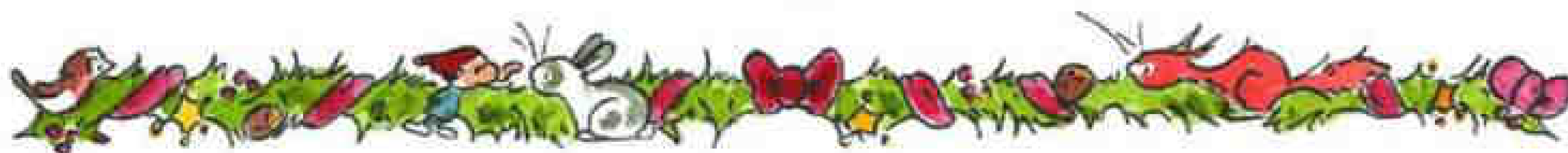

Часть вторая, в которой Снёжика маний приключение

Снёжик в ходе своих героических приключений то и дело встречался со снегом. Причём в больших количествах. Но случилось это далеко-далеко на Севере. Или же в Ледяном Море. А вот смотреть на родную Луговую Долину, которую день за днём заносят метели, было ему в новинку. И здорово осложняло жизнь.

Например, каждое утро Снёжика теперь начиналось с утомительных упражнений по выкапыванию из норки. Возвращаясь с поисков хвороста, не так-то просто было снова найти свой маленький домик возле большого камня. Иногда из снега торчал лишь краешек дымящейся каминной трубы. А там, где Снёжик привык видеть заборы, стены, мосты, деревья и скалы, по которым удобно ориентироваться, всё сверкало ровной, нетронутой белизной.

Тут мне придётся упомянуть, что Снёжик никогда не отличался остротой зрения. Он был ужасно близорук. А потому снежная равнина представлялась ему, в отличие от нас с вами, бескрайней.

Мороз тоже не сулил ничего хорошего. Снёжику пришлось изменить любимой привычке: выйти с утра пораньше к ручью, что протекал прямо за дверью дома, и набрать из него чистой воды для овсянки к завтраку. Ручеёк превратился в длинную ледяную дорожку.

И, наконец, обнаружилась ещё одна проблема. Все прекрасно знали: Снёжик любил, чтобы его не трогали. Но долгими тёмными вечерами, которые он мог бы благополучно проспать, время тянулось ужасно медленно. Когда обе книжки Снёжика были в очередной раз перечитаны, записи по ним сделаны, а овсянка съедена, но ничто из этого не навевало привычный сладкий сон, — в такие вечера он порой говорил себе:

— Хм. — Это должно было означать: «Эх, вот бы сейчас примчалось ко мне на всех парусах хоть какое-то приключение... Так хочется поприключаться».

Да уж, недолго пришлось Снёжику ждать. Как ни заваливал снег его входную дверь, как ни сложно было её найти — однажды утром в дверь кто-то постучал.

Рождество в Луговой Долине

Я вынужден признать, что жители Луговой Долины гномов не жаловали. Вечно те затевали дурацкие розыгрыши, тащили всё, что плохо лежит, шпионили — короче говоря, действовали всем на нервы. Но перед Рождеством у гномов появлялась важная цель. Они доставляли жителям Долины всевозможные лаком-

ства: засахаренные фрукты, сладкую миндальную пасту, а самое главное — кюмла-кухен, особый очень вкусный пирог со специями, который пекли кюмлы и без которого невозможно было представить себе Рождество в Луговой Долине.

— И как раз все эти пироги куда-то пропали! — доложил один из гномов, добравшихся до норы Снёжика.

— Хм? — переспросил Снёжик. Он имел в виду: «Что значит “пропали”?»

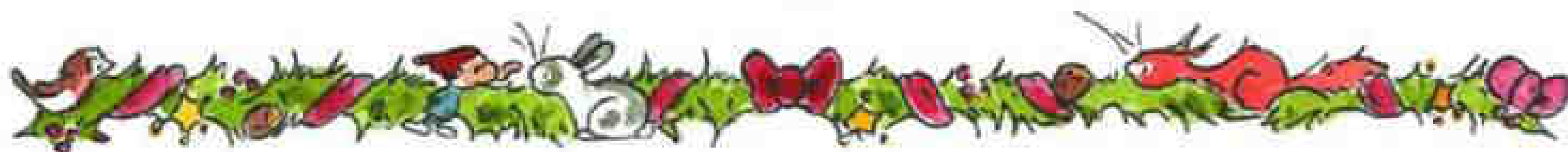
— Ну, кюмлы их давно уже должны были доставить в Луговую Долину, чтобы мы могли начать раздачу, — пояснил второй гном.

— Обычно кюмлы очень пунктуальны во всём, что касается их выпечки, — добавил третий гном. — Что-то пошло не так. И кому-то необходимо узнать, что именно. А раз ты всё равно не спишь...

— Хм, — кивнул Снёжик. Это означало: «Ну, ясное дело. Справляюсь».

Итак, название пирога — кюмла-кухен — восходило к кюмлам. Этот народец был сродни гномам, но внешне кюмлы немного напоминали хомяков. Главное их отличие от гномов, впрочем, состояло в том, что они являлись невероятными мастерами кондитерского дела. Ежегодно кюмлы выпекали столь любимые всеми кюмла-кухены по традиционному рецепту. Никто не держал его в секрете, но печь эти пироги всё равно не приходило в голову никому, кроме кюмлов. Ведь главной приправой кюмла-кухена служила особая трава, по вкусу немного напоминавшая укроп, а росла она только на единственной в мире поляне — в Долине Троллей. То есть именно там, где обитали сами кюмлы.

Долина Троллей располагалась неподалёку от Луговой, но вход туда охранялся старинным заклятьем. Впрочем, и без заклятья искать дорогу в долину никто не собирался. Обитали здесь тролли — огромные существа, с головы до пят покрытые шерстью. Они уцелели со времён ледникового периода и, как полагается ископаемым, вели себя предельно нецивилизованно. Дрались, орали, ковыряли в носу и вытирали козявки друг о друга. Особенно зимой. Летом им было слишком жарко. По счастью, то же самое заклятье, которое скрывало проход в Долину

Рождество в Луговой Долине

Троллей, не выпускало оттуда их самих. Так что никто, кроме кюмлов, с ними даже случайно не мог встретиться.

Но теперь Снёжик должен отправиться именно в эту Долину.

Он рассказал обо всём Бьёрну, и тот забеспокоился:

— Ух-ух! Ты? В Долину Троллей? Сейчас?! Но там же... там же тролли! А они ужасно противные. Особенно зимой.

— Можно подумать, в другое время года они прямо солнышки с лучиками, — безмятежно отозвался Снёжик, собирая дорожную сумку. Как обычно, он упаковал овсянку, спички и тёплый шарф. — Ладно, разберёмся. Хм? — Этим «Хм» он, конечно же, хотел спросить: «Ведь и ты со мной пойдёшь?»

— Ух! — ответил Бьёрн. Это, в свою очередь, означало: «А то!»

Часть третья, в которой Снежик всё же не остаётся без жирка

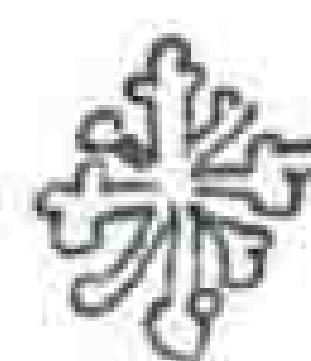
Всё, что Снежик и Бьёрн могли сказать о Долине Троллей с уверенностью, — она точно была не на юге. Поэтому они поплелись на север, по заснеженным лесным тропинкам.

Для Снежика путешествие получилось весьма неприятное: с каждым шагом ему приходилось подтягивать свои коротенькие лапки так высоко, что они почти касались ушей, иначе по снегу было не пройти.

Но друзья всё равно радовались новому приключению.

Лёд разукрасил стволы деревьев волшебными узорами, а с крон то и дело слетали невесомые, искрящиеся снежные вьюжки.

— А как мы вообще собираемся попасть в Долину Троллей, если вход в неё защищён заклятьем? — вдруг поинтересовался Снежик.

— Так заклятье на вход и выход касается только троллей, — ответил Бьёрн. — Меня вот куда больше интересует, как мы найдём вход, если он потайной?

— Ах, уж как-нибудь да отыщем, — заверил его Снёжик.

— Неужели? — засомневался Бьёрн. — И как?

— Хм, — ответил Снёжик. Этим он хотел сказать: «Есть у меня одна идея».

У вас, дорогие читатели, тоже могла бы возникнуть такая идея. Само собой, если бы вы превратились в Снёжика и вздумали поприключаться. Дело в том, что любое из Снёжиковых приключений рано или поздно приводило его к подножию бесконечной лестницы, и нашему герою ничего не оставалось, как, усиленно пыхтя, преодолевать ступеньку за ступенькой.

Так случилось и на сей раз. Снёжик и Бьёрн пришли к грубо вырубленной в скале лестнице, почти скрытой под снегом и льдом. Вскрабкавшись на самый верх, друзья выяснили, что она упирается прямо в стену. Поскольку такое архитектурное решение не поддавалось никаким объяснениям, Снёжик тут же сделал единственно верный вывод:

— Я бы сказал, что мы пришли.

Всякий искатель приключений, не обладающий богатым опытом покорения лестниц, увидев стену, повернул бы назад. Тот, кто приключений не ищет, вообще не стал бы никуда карабкаться. Но Снёжик всего лишь крепко зажмурился, а потом... просто сделал шаг и прошёл стену насквозь.

Конечно же, никакого препятствия на самом деле не существовало: это оказался мираж, который удерживал легкомысленных посетителей от входа в Долину Троллей. Но Снёжик и Бьёрн уже были достаточно опытными путешественниками. Двигались они очень осторожно, хоть и не рассчитывали прямо у входа наткнуться на троллей.

Долиной Троллей называлась глубокая извилистая расселина в окружении массивных отвесных скал. Отовсюду в скалах виднелись водопады, но лишь

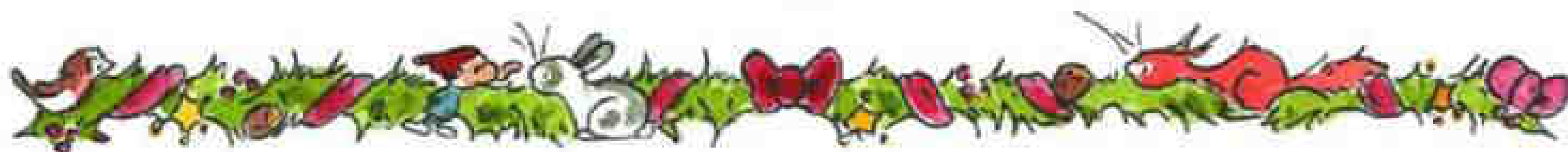

самые мощные из них смогли не поддаться морозу. А вот маленькие водопадики, а также ручейки, которые из них начинались, давно превратились в лёд, и теперь Снёжик и Бьёрн шли меж них, словно среди великолепных стеклянных скульптур. Тропинку окаймляли ясени, кусты остролиста и причудливо изогнутые сосны.

Друзья поднялись на скалу и увидели почти идеально круглую долину, напоминавшую котёл. На самом его дне располагалась центральная площадь крошечной деревушки. А вокруг, на выступах отвесных скал, ютились округлые домики гномьего размера. Каждый из них насчитывал по крайней мере три этажа, увенчанных остроконечной крышей. На крышах, естественно, лежал снег. В сумерках окна домиков светились так ласково, словно приглашали путников зайти и погреться.

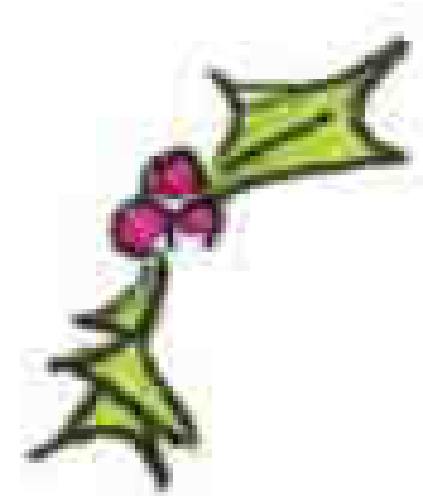
Снёжик и Бьёрн намеревались перейти в деревеньку по каменному мосту, но тут путь им преградила чья-то тень. Сверкнули дикие тролльские глаза!

Не волнуйтесь, дорогие читатели! Эта встреча не закончилась ни руганью, ни дракой, ни чем-то иным, на что обычно способны чудища. Пока ископаемый тролль протирает глаза, пытаюсь понять, что же именно он видит, это «что-то» исчезло.

Снёжика и Бьёрна втащили за шиворот в одну из расщелин. По правде говоря, это была не просто расщелина, а скорее проход между скал, ведущий к поселению кюмлов. Они так давно жили бок о бок с троллями, что прекрасно научились от них прятаться.

— Ох, не заметили мы вас вовремя, — виновато вздохнул кюмла, который их спас. — А то бы забрали у прохода в долину, и дело с концом. Но теперь вы в безопасности. — С этими словами он распахнул дверцу одного из домов.

Снёжик и Бьёрн оказались в огромном зале, посреди которого топилась чугунная печь. Деревянные стены и пол были выкрашены в белый цвет. Вдоль стен висели гирлянды из сосновых веток и остролиста. На многочисленных подоконниках стояли

зажжённые свечи. И повсюду сновали кюмлы, упаковывая знаменитые круглые пироги.

Занятие это было непростое. Сначала пирог надлежало завернуть в бумагу. Потом перевязать ленточкой и сделать бантик. Наконец, уложить в специально сплетённую корзиночку. Целые штабеля таких корзиночек висились по всему залу.

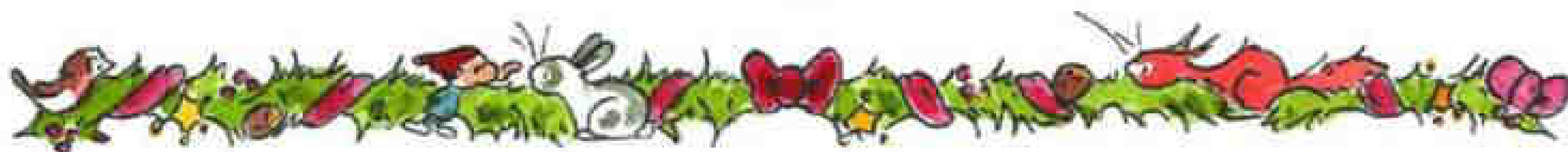

В уютном жилище кюмлов Снёжик и Бьёрн сразу почувствовали себя как дома. Волшебные пироги пахли чудесно! От голода у Снёжика забурчало в животе. По счастью, о еде можно было не беспокоиться: гостеприимные хозяева тут же принесли горячих пирогов и ежевичного сока и усадили гостей на деревянную скамью возле печки, а сами пристроились рядом.

— Ты ведь Снёжик? — спросил один кюмла. Снёжик только кивнул в ответ. Говорить с набитым ртом было сложно.

Рождество в Луговой Долине

— Тебя-то мы и ждали, — пояснил кюмла и вздохнул. — Поможешь? У нас проблемы.

— Хм, — пробормотал Снёжик. Это означало: «Потому-то мы и пришли. Луговая Долина ждёт ваших пирогов. Итак, что случилось?»

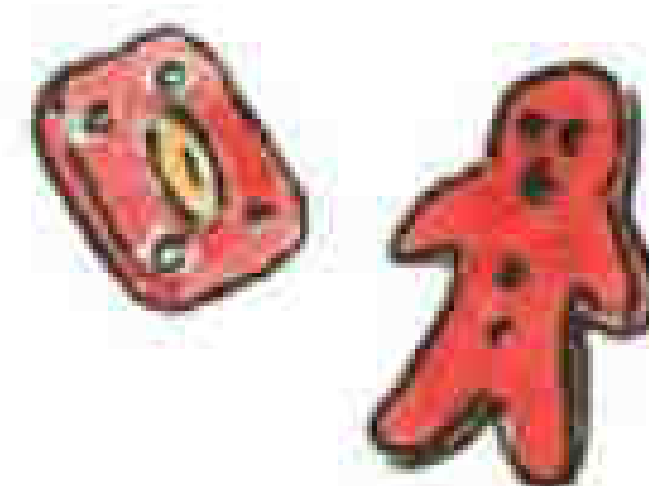
Даже не самый опытный путешественник, и тот бы догадался, что загвоздка на этот раз была в ископаемых троллях.

— Весь год в долине тихо, — начал рассказ другой кюмла, — и тогда живётся нам прекрасно. А вот зимой приходится быть начеку. Но нам это с давних пор известно. В конце концов, с троллями не первый год знакомы. Вот только нынешней зимой они кое-что новенькое придумали. Стали ловить наших зайцев. Потому и прекратилась доставка пирогов в Луговую Долину.

— Ух! — удивился Бьёрн. — А при чём тут зайцы?

— Они корзинки носят, — пояснил кюмла. — А у троллей разыгрался аппетит на жаркое из зайчатины!

— Ого! Нет уж, пора положить этому конец, — решил Снёжик, откусывая очередной кусок кюмла-кухена. — Ваши пироги слишком вкусные. Ни Луговая Долина, ни я сам не готовы от них отказаться. Да и зайцев жалко. Мы вам поможем. И я даже знаю как!

Излишне упоминать, что всё это Снёжик выразил гораздо лаконичнее. Если быть точным, ему потребовалось всего-навсего одно слово:

— Хм!

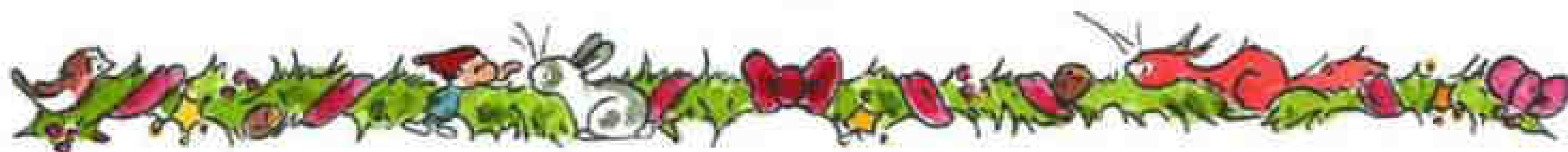

Много-много пирогов спустя (просто удивительно, сколько в него поместилось!) Снёжик отправился к зайцам — в сопровождении Бьёрна и нескольких кюмлов, разумеется. По каменным расщелинам и коридорам они добрались до сарайчика, больше похожего на конюшню.

Внутри располагались окрашенные красным и белым стойла, где стояли или лежали зайцы. На пол были брошены охапки свежего сена.

Бьёрн заметил над дверью необычное украшение. Он уже встречал похожие и в других местах, связанных с кюмлами.

— Это антитролльские кресты, — пояснил кюмла. — Точная форма не важна. Главное, чтобы они были выкованы из железа и хоть где-то да пересекались между собой. Тролли их терпеть не могут.

Эти кресты — надёжная защита наших домов. Вот только зайцам они не помогают, увы.

— Есть одна идея, — протянул Снёжик и повернулся к зайцам. — Привет, приятели! Сейчас покажу вам, как становиться невидимками!

Тем из вас, кто посвящён в подробности жизни Снёжиков, известна их способность к исчезновениям. Снёжик не то чтобы становится невидимкой, но истончается до прозрачности, почти сливаясь с пространством. Иногда без такого умения не обойтись. Теперь важную науку должны были освоить зайцы, чтобы тролли перестали их видеть.

Ну и что мне вам сказать? Снёжик очень старался. Он объяснял, как правильно исчезнуть, всеми возможными способами. И зайцы тоже изо всех сил учились. Но зайцы — это не Снёжики. Поэтому и пару часов спустя ничегошеньки у них не вышло.

— Нет, не получается, — расстроился Снёжик, готовый сдаться.

Но тут Бьёрн заметил кое-что важное. На шкурке одного из зайцев появилось белое пятнышко. Раньше его там точно не было.

— Идите-ка на дворе попробуйте. В снегу, — предложил им совёнок. И несмотря на то, что снаружи к ним в любой момент мог подкрасться ископаемый тролль, все отправились на улицу. Прямо в снегу,

под руководством Снёжика зайцы усердно учились исчезать. Сначала у них по-прежнему не получалось. Но вдруг... Свершилось чудо! Заячьи шкурки из коричневых стали белыми!

Ну хорошо, невидимками они не сделались. Но заметить их на снегу теперь было непросто.

Кстати, самим зайцам этот фокус так понравился, что с тех пор они решили менять окраску каждую зиму. В тот же вечер все убедились, что белой шубки вполне достаточно, чтобы проскользнуть незамеченными мимо подслеповатых троллей.

И вот несколько часов спустя первые кюмлакухены были доставлены в Луговую Долину на радость всем её обитателям. Теперь ничто не мешало праздновать Рождество.

Кюмлы были так благодарны Снёжику и Бьёрну, что тут же подготовили комнаты на чердаке, чтобы гости смогли хорошенько отдохнуть. А потом кюмлы принялись стряпать. В одном домике пекли пироги,

Рождество в Луговой Долине

в другом — варили кашу. Из погребов выкатили бочку с ежевичным соком. Откуда-то уже потянулся дивный аромат печёных яблок. А ещё кюмлы занялись настройкой музыкальных инструментов.

— Видишь? — шепнул Бьёрн Снёжику. — Вот о чём я говорил, когда хвалил тебе зиму.

— Сейчас будет пир? — уточнил Снёжик.

— Да ещё какой! — ответил Бьёрн.

— Такая зима мне нравится, — решил Снёжик.

Вечером, когда все стали петь рождественские песни, Снёжик тоже не остался в стороне и прекрасно выступил. Мотив ему особенно удался. С текстом, правда, оказалось немного сложнее. Просто не хватало правильных слов. И Снёжик спел то, чего от него и так ждали.

Своё любимое:

— Хм!

Сказка про малыша Квиттцалька

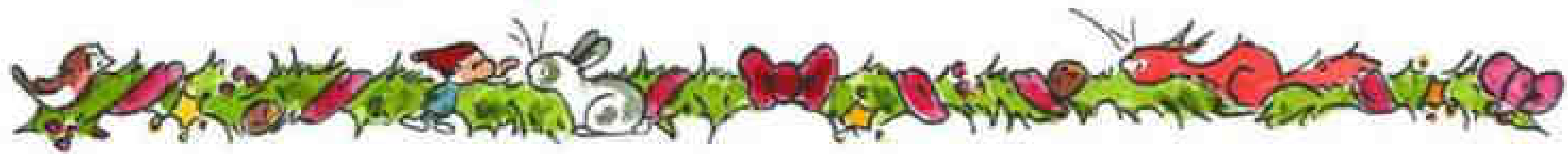
Много лет назад, в незапамятную пору, в тени высоких гор стоял городок. Там жил скрипичных дел мастер по имени Торге.

К началу нашей сказки Торге успел постареть и устать, но раньше слыл он отменным мастером — создавал чудесные скрипки. Люди поговаривали, что звук его скрипок подобен сиянию далёких звёзд. Известнейшие виртуозы играли на них, волнуя до слёз своих слушателей, в том числе королевских особ. Лучшие композиторы старались сотворить шедевры, достойные этих чудесных инструментов.

Так обстояло дело в городах. Но высоко в горах в ту пору обитали моховнички. Были они людьми или зверями — трудно сказать. Скорее всего, моховнички представляли собой нечто среднее. Никто из людей их не встречал — ведь

Сказка про малыша Квиттцалька

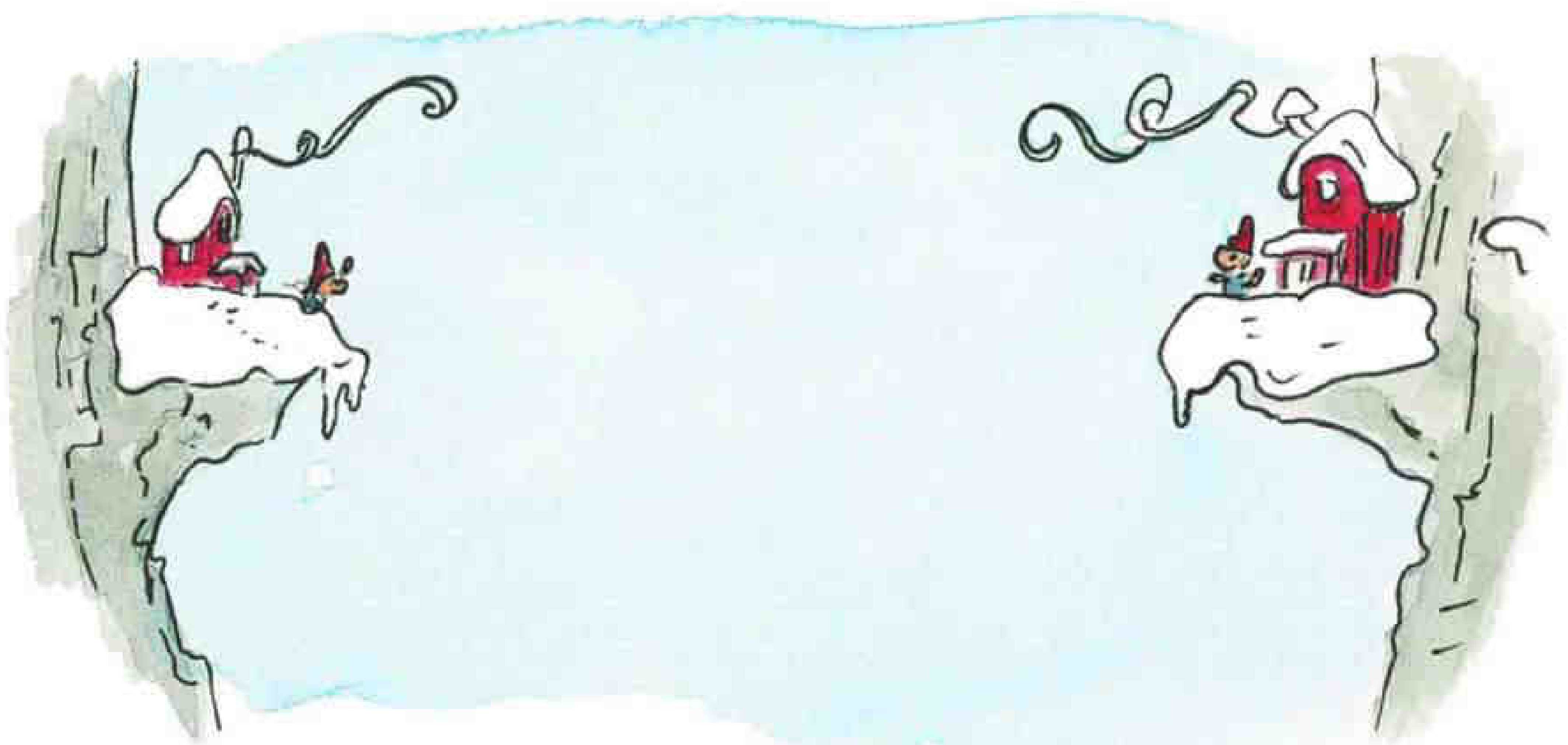

они были такие маленькие! Примерно в половину большого пальца, да и то вместе с колпачком.

Эти создания строили чрезвычайно милые домики в скалах, поросших мхом. Возможно, потому их и прозвали моховничками.

Некоторые считали, что моховнички питались мхом, но на самом деле они предпочитали всевозможные ягоды, а ещё обожали все сорта сыра. Иногда пробавлялись сушёной рыбой, но больше всего на свете любили... кексы с изюмом!

И хотя располагались их домики очень высоко, на скалистых уступах, моховнички путешествовали, когда хотели. В искусстве скалолазания им не было равных. Они умели передвигаться так быстро, что

Сказка про малыша Жвйтцалька

до города добирались буквально в один миг. И это было очень кстати, потому что моховничкам положено еженощно следить, всё ли у людей в порядке.

Моховнички почти всегда находили способ проникнуть в дома или сарай. Им хватало дырки в заборе, приоткрытого окна или узкой щели под дверью.

Попав внутрь, человечки принимались выяснять: не вывалилась ли из камина горящая щепка? не скинул ли малыш во сне одеяло? Если хозяину предстояло с утра важное дело, моховнички оставляли на видном месте полезное напоминание.

Ещё они наливали молоко в кошачьи плошки, а иногда запирали дверцу курятника, которую забыли с вечера закрыть люди. Ночные посетители не мешали домашним животным, которые прекрасно с ними ладили. Лишь люди не замечали моховничков, поскольку ночью крепко спали. Поэтому могли только строить догадки, кто же им помогает.

Сказка про малыша Квиттцалька

Кто-то кивал на духов, кто-то верил в чудеса. А большинство просто радовалось, что о них заботятся. Ведь именно этим и занимались моховнички. Так уж они устроены: всегда готовы помочь и поддержать.

Таким был и малыш Квиттцальк.

А теперь забудем на минутку про мох, потому что в нашем рассказе его нет. Наша история случилась глубокой зимой, когда скалы были надёжно укрыты снегом.

Крохотные домики моховничков почти исчезли за высокими сугробами. Если бы не тёплый свет в окошках да дымящиеся печные трубы, трудно было бы заметить, что на скале спряталась деревенька.

Многие точно так же не замечали малыша Квиттцалька. Я назвал его малышом, потому что даже среди моховничков Квиттцальк считался очень низеньким. Но ему это обычно не мешало. Досадно бывало только, когда другие говорили:

— Для такого дела ты ростом не вышел.

Кстати, никто из его сородичей не утверждал, что Квиттцальк *пока что* низковат. Ведь это означало бы,

Сказка про малыша Квиттцалька

что он мог ещё немного подрасти. Никто не верил, что однажды и Квиттцальку повезёт стать чьим-то помощником. Однако заботиться о людях он умел ничуть не хуже остальных.

— Хотел я вчера заглянуть к скрипичных дел мастеру Торге да посмотреть, всё ли у него в порядке, — рассказал как-то Квиттцальку его друг

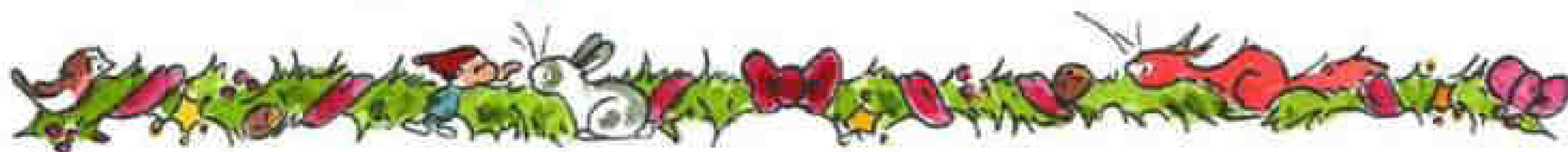
Цвекли, к которому Квиттцальк заскочил на огонёк.

— А что с ним не так? — тут же забеспокоился Квиттцальк. Он даже забыл откусить от ломтика кекса с изюмом. Кекс, кстати, был ужасно сухой.

Больше всего на свете Квиттцальк любил музыку. Он обожал её больше, чем кексы. Ах, до чего же хотелось ему заполучить собственную скрипку! Но таких крохотных музыкальных инструментов, пожалуй, никто не делал. И всё же Квиттцальк с замиранием сердца слушал рассказы про мастера Торге.

— Говорят, что наш Торге чем-то сильно озабочен, — поделился Цвекли. — Только вот попасть к нему в дом я не смог. Очень добротная постройка — щели ужасно узкие, а дырки такие маленькие, что ни один нормальный моховничек в них не протиснется.

Сказка про малыша Квиттцалька

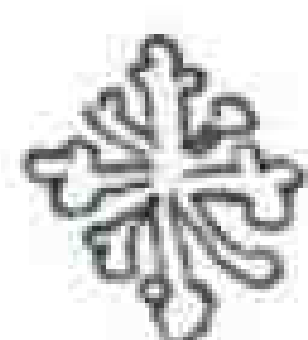

— Может, мне попытаться? — задумался Квиттцальк, внезапно разволновавшись. И тут же решил, что сегодня ночью отправится навестить скрипичных дел мастера.

Та зимняя ночь выдалась на редкость тихой — будто весь мир дышал во сне глубоко и ровно.

Квиттцальк сидел на выступе скалы, с нетерпением вглядываясь в долину. С неба падали снежинки. Ах, как бы и ему хотелось полететь вслед за ними, чтобы поскорее очутиться внизу, возле дома старого Торге! Просто никаких сил не осталось ждать! Как чудесно было бы прогуляться меж его изумительных струнных инструментов, внимательно их рассматривая...

К сожалению, ещё слишком рано. Моховнички всегда дожидались глубокой ночи, чтобы в городе заснули все жители.

Как назло, в тот вечер время будто замерло. Но наконец в долине погас последний огонёк. Лишь тогда Квиттцальк заскользил вниз по склонам скал — так же легко и бесшумно, как самая тихая снежинка.

Дом старого Торге стоял посреди кривоватого переулка сразу за стенами древнего замка.

Сказка про малыша Квиттцалька

Поговаривали, что замок строили великаны, которые наложили какое-то заклятье на его огромные камни. Но Квиттцальк такими вещами не интересовался. Если и говорить о чудесах, то, по мнению Квиттцалька, к ним был скорее причастен старик в мастерской и все его скрипки.

Квиттцальку пришлось долго искать подходящую щель, чтобы протиснуться в дом Торге. А когда он наконец нашёл крошечную дырку в оконной раме и всё же проник внутрь, рот его сам собой раскрылся от удивления.

Вдоль стен стояли и висели дюжины скрипок. В слабых отблесках очага их благородная лакировка светилась, словно мёд и янтарь. О, Квиттцальк уже представлял себе, до чего роскошно они могут звучать...

Он до того увлёкся, что не заметил кое-что важное. Старый Торге, оказывается, вовсе не собирался лечь спать. Он сидел на своём рабо-

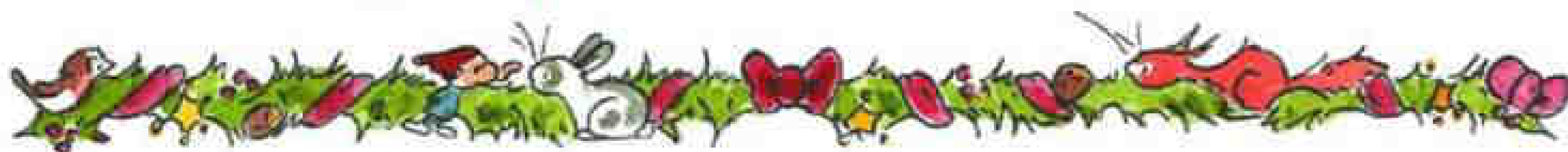
чем месте, моргая за толстыми стёклами очков, и внимательно рассматривал Квиттцалька.

— Кто это ко мне пожаловал? — спросил скрипичных дел мастер.

И Квиттцальк упал в обморок от ужаса.

Сказка про малыша Квиттцалька

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на верстаке. Старый Торге осторожно подложил ему под голову бархатный платочек — из тех, что скрипачи кладут меж подбородком и инструментом, — и теперь рассматривал Квиттцалька, наставив на него гигантскую лупу.

— Я — моховничек! — завопил Квиттцальк. Наверное, чтобы просто объяснить, откуда он взялся.

— Орать-то зачем? — удивился мастер. Он кивнул на свою лупу: — Это глаза у меня с годами подустали. А уши пока в полном порядке. Итак, чем я могу тебе помочь?

Квиттцальк смутился и некоторое время не знал, что сказать.

— Вообще-то я сам собирался узнать, чем могу помочь ТЕБЕ. Мы, моховнички, на то и созданы, чтобы помогать.

— Думаешь, мне нужна помощь? — поднял брови Торге.

— Ну, скажем так: бывали времена, когда ты выглядел куда счастливее, — пояснил Квиттцальк.

Старый Торге кивнул, тяжело поднимаясь с кресла. Он принёс Квиттцальку тарелку с ароматным ломтиком свежего кекса и налил в напёрсток немного горячего чая.

— Да, ты прав, — признался он. — Всю жизнь я только и делал, что мастерил лучшие в мире музыкальные

Сказка про малыша Квиттцалька

инструменты. И постоянно стремился их совершенствовать. Я использовал самые благородные сорта дерева, придумывал собственные рецепты лака и клея, изучал творения старых мастеров, пока наконец не создал... идеальную скрипку.

Он вынул из шкафа кожаный футляр и осторожно достал из него ту самую скрипку. Едва Торге к ней прикоснулся, как воздух вокруг инструмента, казалось, наполнился музыкой.

Квиттцальк в глубочайшем почтении любовался диковинкой.

— Неужели никто не захотел её приобрести? — удивился он.

Торге улыбнулся:

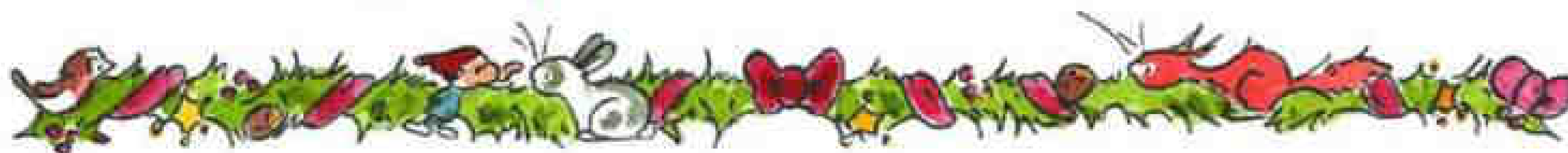

— Мне сулили за неё целые королевства. Увы, я просто не могу с ней расстаться.

— Но ведь если она так и будет лежать у тебя в шкафу, никто не услышит, до чего идеален её звук, — возразил Квиттцальк.

— Я знаю, как она звучит. И мне этого достаточно, — ответил Торге, любовно поглаживая скрипку по деревянному боку. — Она — мой главный шедевр. Всю жизнь я хотел создать именно такой инструмент. Долгие годы мне пришлось набираться опыта. А теперь я достиг цели. Исполнилось моё самое заветное желание. И никогда, никогда больше не удастся

Сказка про малыша Квиттцалька

мне создать инструмент, превосходящий эту скрипку хоть в чём-то. Понимаешь меня?

Квиттцальк долго сидел в раздумье. Да, похоже, он понял старого Торге. Когда работа завершена, когда все желания исполнились — что же остаётся? К чему теперь стремиться? Этот мастер действительно сотворил шедевр. Он не может создать нечто большее при всём мастерстве и желании. Значит, ему нужна новая цель.

— Послушай, но ведь ты можешь создать нечто меньшее, — осенило Квиттцалька. — Нечто ГОРАЗДО меньшее, если уж быть точным.

Старый Торге внимательно посмотрел на моховничка. И Квиттцальк рассказал ему, что всю жизнь мечтал о скрипке.

— Но такая маленькая скрипочка, скорее всего, и звучать-то как следует не сможет. Если, конечно, за дело не возьмётся опытный и мудрый мастер, которому вдруг захочется сделать самую крохотную скрипку в мире.

Вот когда настала очередь старого Торге сидеть в раздумье! Долго молчал он, сдвинув брови. Но наконец уголки его губ снова дрогнули в улыбке, и он сказал Квиттцальку:

— Смотри-ка, а ведь ты мне и впрямь помог.

Сказка про малыша Квиттцалька

Чтобы создать самую крохотную скрипку в мире, старому Торге понадобились все его умения и безграничный запас терпения. Ах, вы и представить себе не можете, до чего кропотливая это была работа! Он использовал сразу две лупы, чтобы разглядеть свой будущий шедевр. А Квиттцальку приходилось частенько к нему заглядывать — примерять, подходит ли скрипка по росту. И он был этому очень рад.

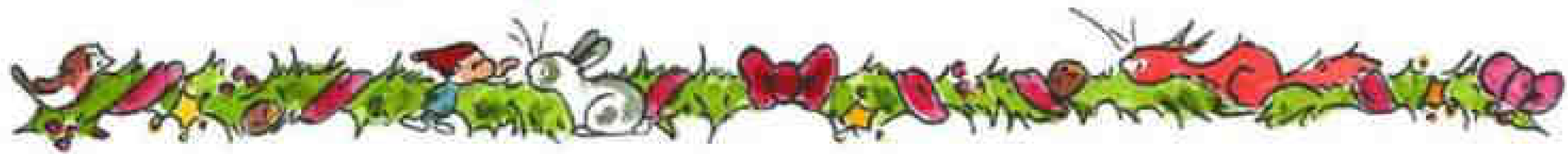
Когда речь заходит о высоком искусстве или о настоящем волшебстве (что, в общем, почти одно и то же), мы не можем с точностью представить, как оно создаётся. Никто не знает, что творилось в мастерской старого Торге. По ночам в его окнах горел яркий свет, а днём он почти перестал показываться на людях, и вскоре соседи начали шушукаться, будто бы старик выжил из ума.

Но вот наступил сочельник.

В полночь, когда жители городка потянулись к церкви, в тёмном-тёмном небе вдруг закружились первые снежинки. А с ними полилась над крышами негромкая, но бесконечно дивная мелодия. Мы-то с вами сразу поняли, кто именно стоял высоко над городом, на горном уступе, и так чудесно играл на крохотной скрипке. Но люди в долине не могли

Сказка про малыша Квиттцалька

этого знать. Поэтому они решили, что слышат музыку ангелов, и благоговейно подняли головы, оглядывая высокие горы.

— Что же, мастер Торге, — сказал один из них старому волшебнику скрипичных дел, — пожалуй, даже величайший из твоих инструментов не мог бы звучать настолько прекрасно!

— Нет-нет, не мог бы, твоя правда! — ответил довольный Торге, загадочно улыбаясь.

С той самой зимы Квиттцальк стал по ночам наведываться в гости к старому Торге. Они беседовали о музыке и о горах, делились мечтами — и теми, которые уже исполнились, и теми, которым ещё предстояло сбыться. Так и подружились старый мастер и маленький моховничек. Всей душой полюбили они посиделки при свечах, за чашкой горячего чая и ломтиком вкуснейшего кекса с изюмом.

Совсем как мы

Идёшь себе порой по улице морозным вечером, а тут раз — и кролик. Тоже гуляет на заснеженном газоне за старой ратушей. Или даже не один кролик, а сразу несколько. Выскочат из-под кустов, чтобы пробежать через лужайку.

А ты стоишь и думаешь: «Куда же они так спешат?»

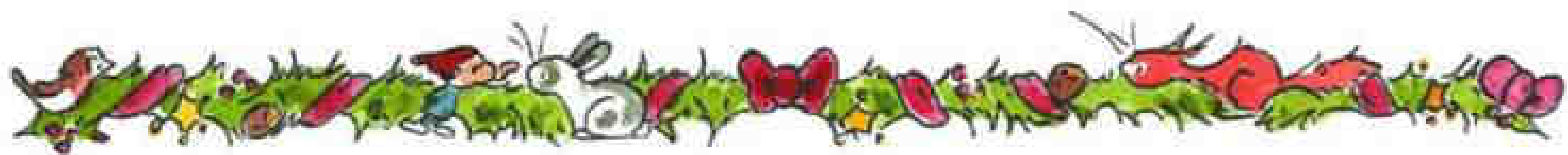

Понятное дело, куда. На спевку кроличьего хора! В конце концов, сегодня же среда!

И что это значит? А то, что кролики со всех уголков города торопятся на площадь перед церковью, ведь репетиция начнётся ровно в 19 часов.

Если очень повезёт — можно услышать, как они расппеваются под ежевичным кустом. Только нужно наострить уши.

Кролики прекрасно поют хором.

Возможно, потому, что им нравится собираться вместе и находить себе компанию для любого дела.

По пятницам, например, кроликов можно увидеть на общей пробежке их спортивной группы. Как правило, они делают пару кругов по парку.

Во вторник, четверг и субботу кролики встречаются на зелёном рынке, болтают и сплетничают. А покупки? Да это так, предлог. Впрочем, они и еду там покупают, и тут же обедают. Всем скопом, конечно.

Неудивительно, что и праздники у них отмечают большой компанией.

Отличный пример тому — Новый год. И, конечно, Рождество. Обычно кролики находят для своего торжества самый красивый куст остролиста. Его блестящие листья и алые ягоды выглядят очень празднично. Ну а если люди наряжают на улице ёлку, кролики и против неё ничего не имеют.

Когда в сочельник из всех домов раздаётся рождественское пение, кругом горят свечи, а дети не могут

Совсем как мы

усидеть на месте, подпрыгивая от волнения в ожидании подарков, — у кроликов на лужайке творится примерно то же самое! Крольчата даже прыгают почти так же, да ещё и носятся вокруг ёлки.

А их родители, бабушки, дедушки и прочая родня, а также друзья и приятели, которых чуть ли не больше, чем членов семьи, сидят в сугробе и хором поют песенку. Ну и потом начинается пир. Да-да, так оно и есть!

Конечно, вы можете прямо сейчас решить, что всё это сказки, и не поверить в мою историю. Но ведь с тем же успехом вы можете и поверить в неё!

В любом случае отнеситесь к кроликам уважительно. Кролики тоже люди! Ну, в смысле, они очень похожи на нас с вами.

И от всего кроличьего сердца они желают нам счастливого Нового года и поздравляют с Рождеством!

Ёлочка

Вся эта история приключилась прямо перед Новым годом.

Как раз на той неделе у нас разрушили дом. Точнее сказать, спилили ель, на которой мы жили.

Люди так и раньше делали. Каждый раз перед Новым годом какие-то мужчины приходили в лес, валяли самую красивую ель и увозили с собой. Зачем она им нужна, мы понятия не имели.

Папа предупреждал, что однажды и с нами такое может случиться. Поэтому точнёхонько к первому декабря мама с папой сложили все наши пожитки в большой мешок и два чемодана. Так что мы были готовы — на случай, если одним ненастным утром к нам заявятся рабочие с пилами.

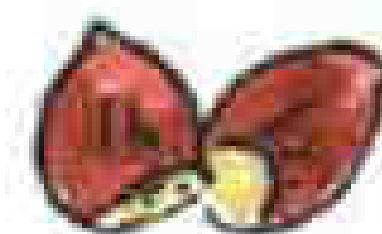
Они и правда пришли. Вчера. Сразу завоняло бензином! Жутко зашумела пила. Папа тут же схватил оба чемодана и мешок, а мама — меня, и мы быстренько перескочили с нашей ели на соседнюю.

Там жил мой друг Симон с родителями и новенькой сестрёнкой.

Наша высокая ель тем временем заскрипела, закачалась — и упала на землю! Рабочие тут же утащили её куда-то.

— А как же мы? — спросила мама.

— Поживите пока у нас, — предложила мама Симона.

Но дом у них всё же маловат для такой компании. Хотя мы и не очень большие зверьки.

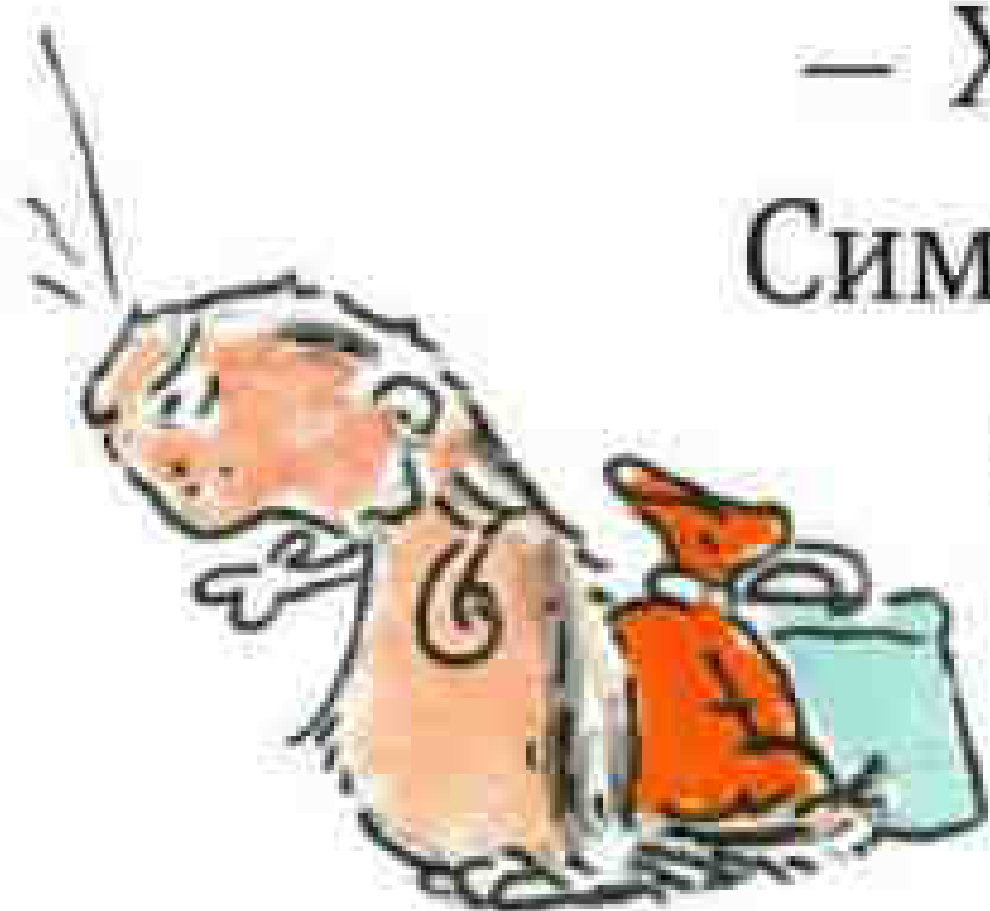
— Придумаем что-нибудь! — отозвался папа. И звучало это так, будто он твёрдо уверен: найти новое жильё проще простого. По крайней мере, он тут же выскочил из дома, чтобы подыскать нам местечко.

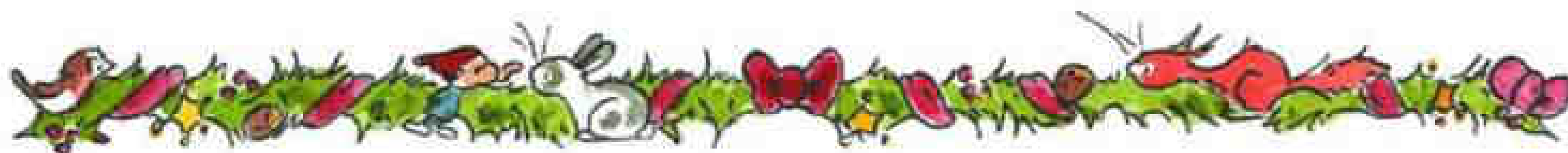
А мы с мамой пока остались у Симона и перекусили орехами.

— Просто невозможное нахальство! — возмущалась мама. — Ох уж эти люди... Могли бы хоть подождать, пока мы позавтракаем, и только потом нас выселять!

— Им до нас и дела нет, — отвечала ей мама Симона. — У людей ужасно скверные манеры. Надеюсь, вам повезёт, и скоро у вас будет новый дом. Не так-то просто его найти, особенно перед самым Новым годом.

— Хорошо бы дом был к нам поближе, — сказал Симон и грустно посмотрел на меня. Мне тоже очень жаль, что мы больше не можем жить по соседству. Но я верил в то, что папа отыщет отличное дупло.

Так оно и вышло. Не успели мы сгрызть по три орешка, как он вернулся. Немного запыхавшийся, но довольный.

— Нашёл тут кое-что. Прямо за углом, — гордо сообщил он. — Роскошное дерево! Вы удивитесь...

— До скорого, Симон, — сказал я.

А Симон ответил:

— Пока, Фрэнки. Увидимся.

— Конечно, увидите, мальчики, — подтвердил папа. — Наш новый дом недалеко.

И мы умчались.

Пронеслись мы по всему парку. Там, кстати, стояло ещё много больших елей. Так что рабочим с пилами хватило бы надолго. Даже если бы они каждый год возвращались. Правда, они взамен спленного дерева сажали одно новое. Но все новые ели были пока низковаты, чтобы на них жить.

Мы с трудом добежали до нового дома по глубоким сугробам. Лишь за высоким забором снега оказалось поменьше, потому что там жили люди.

Мама на всякий случай покрепче ухватила меня за лапку. Там, где есть люди, нужно глядеть в оба. Они заводят собак, которые на нас вечно лают. А люди сами по себе громадные и ездят на каких-то

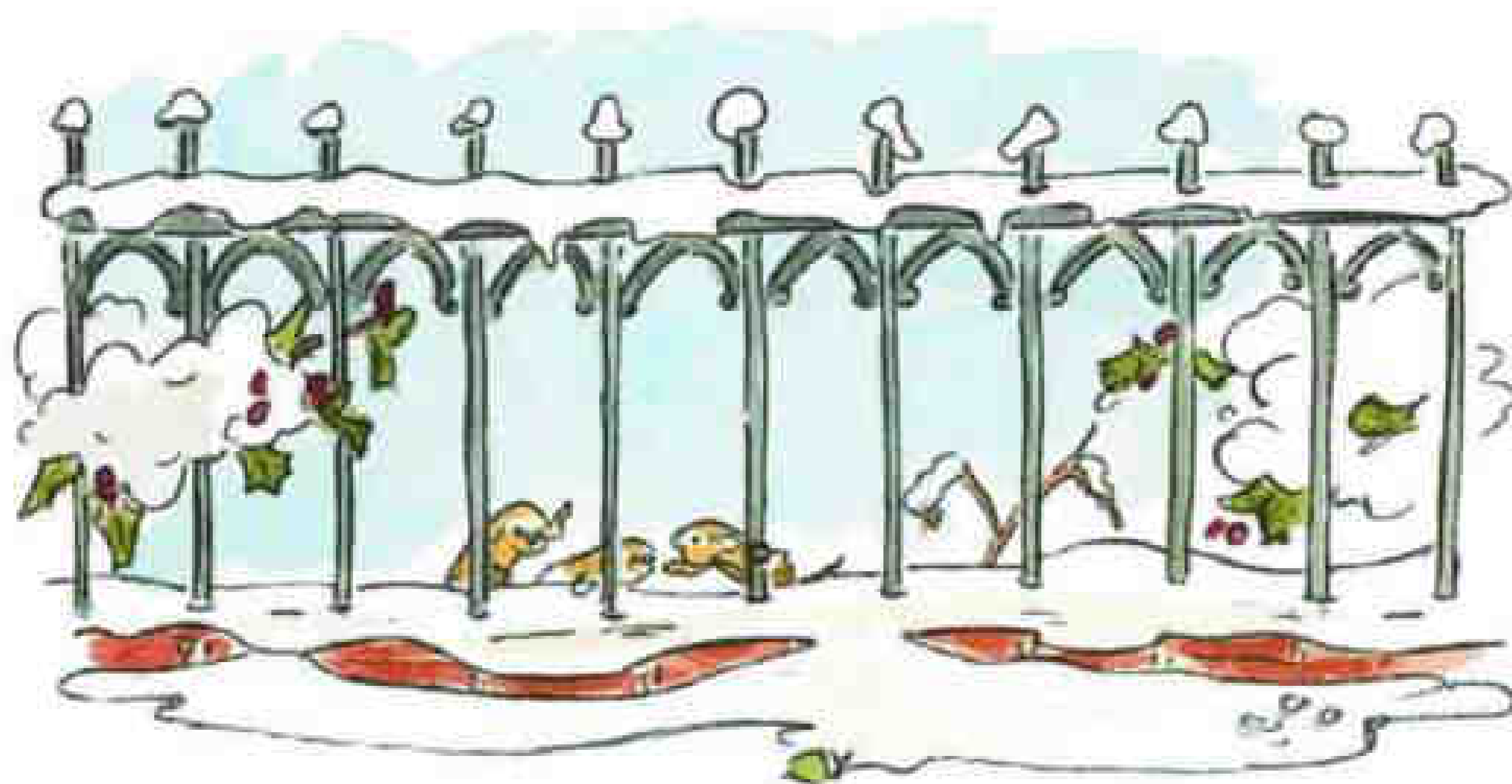
дурацких вонючих штуках по улицам. А какие у людей дома огромные! Некоторые даже выше нашей ели. Никак не могу понять, нравится мне это или нет.

Папа решил нас приободрить:

— Не волнуйтесь, мы почти на месте!

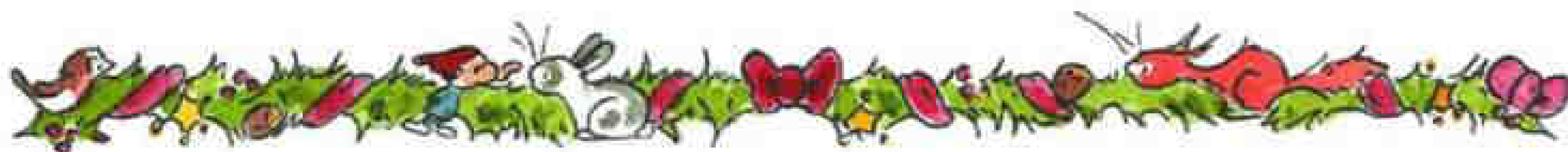
И снова перед нами вырос забор. А за ним стоял особенно высокий дом. Для одного человека он был явно великоват.

— Кажется, у них это называется дворец, — пояснила мама.

Папа помог нам перебраться через забор, и мы оказались на заснеженной площади перед дворцом. А посреди площади, точнёхонько в середине, действительно стояла ель! Она была такая же огромная, как наш поваленный дом. И такая же высокая.

— А самое замечательное, — мечтательно произнёс папа, — что кто-то там уже обустроил дупло в стволе. Нам осталось только заселиться!

Мы пулей пронеслись по стволу, чтобы скорее заглянуть в дупло.

— Оно абсолютно чудесное! — обрадовалась мама. — Прямо как наше старое. Спорим, сюда отлично впишутся наши вещи?

— Я рад, что вам тут нравится, — заметил папа.

И мы распаковали мешок. Потому что в нём лежало постельное бельё. С ним мы за пару минут управились. Честно говоря, наш новый дом удивительно напоминал старый. В нём даже пахло так же. И главное, нам тут было уютно.

— Давайте чемоданы распакуем, — предложила мама. В чемоданах лежали орехи.

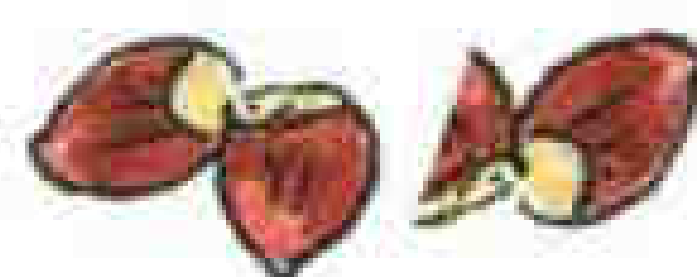
Мы успели их не только достать, но и съесть по парочке, как вдруг услышали скрип снега под чьими-то шагами.

— Ну а теперь-то что происходит? — удивилась мама.

Папа осторожно высунул голову из дупла и пробежался вниз по стволу.

— Там стоят какие-то люди и рассматривают наше дерево, — доложил он.

— Ох вы ж грецкие орешки! — воскликнула мама. — У них, может, и пилы с собой?

— Они что, и это дерево забрать хотят? — спросил я. Ни малейшего желания снова переезжать я не испытывал.

— Не думаю, — отозвался папа. — Скорее, они собираются что-то к нему принести.

Так оно и вышло. Из дупла мы наблюдали, как люди прислоняют длинные лестницы к дереву, ставшему нашим новым домом. Некоторые из людей забрались по этим лестницам почти до нашего жилья.

Мама сначала подумала, не предложить ли гостям парочку орешков, но люди нас вообще не заметили. Они были слишком заняты: вешали непонятные штуки на еловые ветви и закрепляли их понадежнее. Перед входом в наше дупло, к примеру, повесили что-то похожее на большое яблоко. Но яблоки золотыми не бывают. А на другие ветки они прищипили какие-то светящиеся штуки. Как фонари в парке, только маленькие. А ещё у них оказалось полно алых ленточек, которые они протянули между ветками, и теперь это всё болталось на ветру.

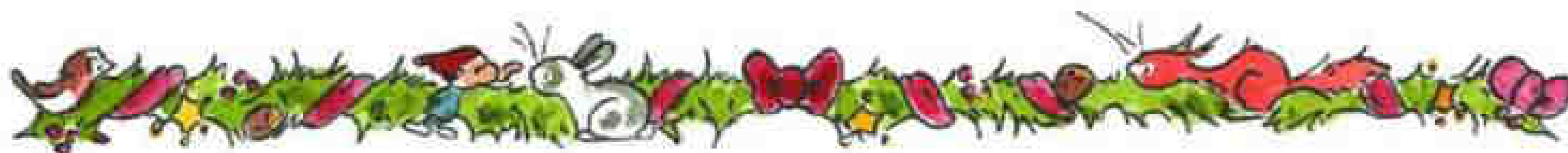

— Миленько, — решила мама, когда люди наконец закончили работу.

— Но что это значит? — спросил я.

— Скоро, наверное, и узнаем, — предположил папа.

Когда стемнело, на улице вновь слышались голоса. На этот раз их стало много. Наверное, там собрались сотни людей!

Папа осторожно высунулся из дупла, а потом сказал:

— Да там весь город! По крайней мере, по ту сторону забора.

— А что им нужно? — не поняла мама.

Теперь уже мы втроём высунулись наружу.

— Мне кажется, они смотрят на дворец, — заметил я.

Как раз в это мгновение на балкон дворца вышло несколько человек. А те, кто за забором, принялись радостно вопить.

— Ах, что же они теперь делают? — спросила мама.

Люди ликовали, смеялись и махали руками. Те, что на балконе, махали им в ответ. А потом вдруг всё стихло. Какая-то женщина на балконе сказала несколько слов, только мы их не очень поняли. Но в конце она крикнула:

— С Новым годом!

И тут началось. Штуки типа фонариков на нашем новом жилище как загорелись! В их свете ярко заблистали золотые яблоки. Алые ленточки качались на ветру, словно в танце. Это было очень красиво!

Ёлочка

— Ничего себе! — опять удивилась мама. Правда, сначала ей пришлось немного прийти в себя от испуга.

Папа, кстати, тоже испугался, только решил виду не подавать.

— А можно побегать по веточкам, а? — попросил я. Очень уж мне хотелось самому всё это разглядеть.

— Ну конечно! — отозвался папа. — В конце концов, мы же тут теперь живём.

И мы запрыгали по веткам вокруг нашего нового жилища, а люди тем временем начали петь.

Правда, их песни я тоже не очень понимал. Но они точно пели про ёлочку, в этом я был абсолютно уверен.

— Папа, а мы тут теперь всегда будем жить? — интересовался я.

— Хм, посмотрим, — ответил папа. — С ёлками зимой, сам понимаешь, непросто. Только не спрашивай меня почему, но они то приходят, то уходят. Может, и эта ель когда-то исчезнет.

— Но точно не сегодня, — добавила мама. — Сегодня у нас Новый год.

Вот именно. Ели, они такие. Только на Новый год с места не сдвинутся, а в другое время — кто их знает...

Первый снег Типсика

Видите вот тот дом из красного кирпича, в самом конце Синичного переулка? Мы там живём. Да-да, вон в том доме, где сад совсем одичал и зарос.

Упс, а я вообще-то уже сказал, как меня зовут? Нет? Я — кот по имени Гипсик. Потому что у меня белая лапка. Она выглядит так, словно я ношу гипсовую повязку. А три остальные лапки у меня, между прочим, очень даже рыжие. Как и весь я.

Конечно же, я не сам выбрал себе такое имя. Имя меня наградил Фабиан. Люди говорят, что Фабиан — мой «хозяин», но я считаю, что это глупое слово. И ещё оно неправильное. Потому что никакой мне Фабиан не хозяин, а настоящий друг. И значит куда больше, чем тот, кто тебя подкармливает.

Фабиан всегда готов со мной поиграть. Даже если мне вдруг захочется этого в пять утра. Честное кошачье! Всего-то и нужно — правильно прыгнуть на подушку, как можно ближе к его макушке. И вот

уже он выкапывает откуда-то свёрнутый носок и швыряет его подальше. Я, разумеется, тут же спрыгиваю и бегу ловить носок, чтобы поскорей доставить его обратно. Фабиан всякий раз этому очень радуется. Так прямо и бурчит в подушку:

— Вот веселье!

Временами мы вместе сидим на диване. А иногда делим пудинг на двоих. Мне достаётся слизать столько пудинга, сколько уместится на пальце Фабиана, а ему — всё остальное. Это даже справедливо: он ведь гораздо больше меня.

Летом, когда я сюда только переехал, мы с ним вдвоём в гамаке качались. Но это давно было. А сейчас зима, и я уже почти взрослый.

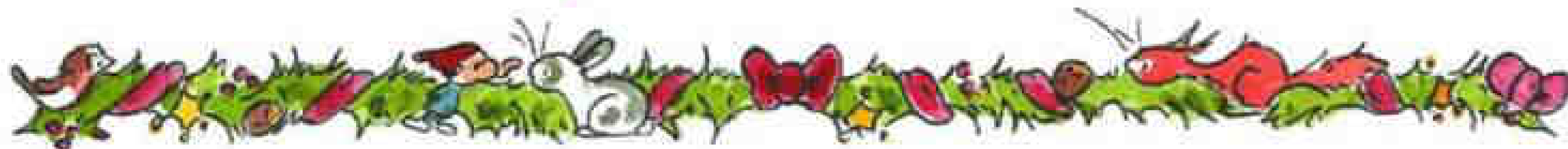
Когда Фабиан играет на пианино, я ему ноты перелистываю.

Фабиан мне помогает слезть со шкафа, если я сам не могу. А я ему за это из дома пауков выгоняю. Да уж, у нас с ним хорошая жизнь.

Но чудеснее всего бывает, когда мы вместе истории пишем. Садимся за большой письменный стол у окна. Это одно из лучших мест в доме. Отсюда весь Синичный переулок виден как на ладони, а ещё тут можно прямо у батареи разлечься. Впрочем, Фабиан почти всегда ленится, поэтому я за него работаю

Первый снег Тинсика

лежальщиком. Изредка перево-
рачиваюсь — то на спину, то
на живот, пока вся шёрстка
не станет тёплой, даже горя-
чей. Как же приятно...

Днём солнце иногда светит на широкий подо-
конник. Тогда я прямо здесь и засыпаю. А вот ве-
чером, когда горит лампа, а Фабиан прилежно сту-
чит по клавиатуре компьютера, я всегда бодрствую.
Именно вечером начинается всё самое интересное.
Господин Быстрицкий идёт мусор выкидывать, на-
пример. Или госпожа Умницкая решает пройти ещё
кружочек по двору со своей таксой Фидо. Интересно,
а что случится сегодня?

Вечером, когда мы уже поделили на двоих пудинг,
Фабиан отодвигает рабочее кресло от стола и говорит:

— Залезай пока, дружок, я скоро приду.

Два прыжка — и я уже на столе. Пробираюсь меж
чашкой с чаем и стаканчиком с карандашами, ни-
чего не опрокидывая. Кстати, кошки вообще очень
грациозные. И аккуратные. А пока Фабиан включает
компьютер, я жду, когда же зажгут уличные фонари.
Это всегда происходит одинаково. Сначала короткая

вспышка, потом немного помигает... И вот уже свет заливает весь Синичный переулок, а вокруг каждого из фонарей образуется жёлтый круг посреди тёмно-синей ночи.

Летом в этих кругах ещё мотыльки порхают. Да и сейчас там что-то такое мельтешит. Но вряд ли мотыльки. На улице такой холод, что пробирает до костей, по выражению Фабиана. Хотя я и не очень понимаю, как это. Зато знаю, что для мотыльков сейчас холодновато.

Может, я и ошибаюсь. Прижимаюсь к окну так плотно, что нос касается ледяного стекла. Щурю глаза: вот теперь мне всё видно. В воздухе под фонарём летит, кувыркаясь, маленькая точка. За ней — вторая. А вот и ещё одна. Ой! Точки заполнили собой весь воздух! Я пока не знаю, куда смотреть в первую очередь, но сердце от радостного волнения стучит всё быстрее. Нельзя, чтобы Фабиан такое пропустил!

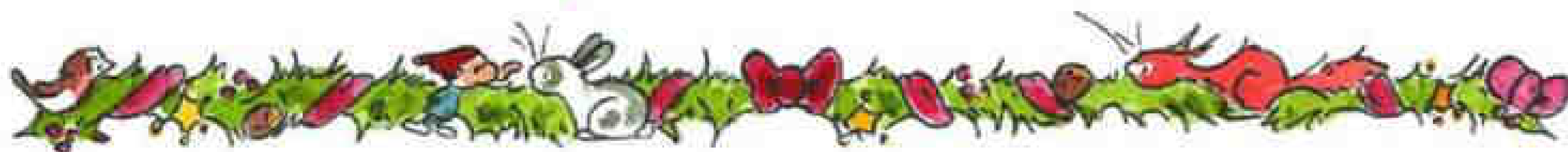
Вот пойду и сразу ему так и скажу.

Как обычно, требуется некоторое время, чтобы он меня понял. Но вот и он тоже глядит в окно.

— Ничего себе, — улыбается он. — Там же снег, Гипсик. Ты пока не знаешь, что это такое, да? Ну, это мы сейчас исправим.

Первый снег Тинсика

Фабиан надевает куртку. На мгновение я замираю в ужасе: неужели он оставит меня тут в одиночестве? Но нет, он немедленно подхватывает меня на руки, запихивает под куртку, и мы вместе выходим в ночь.

И правда, холодина ужасная. Особенно если за минуту до этого ты уютно валялся у тёплой батареи. Я осторожно выглядываю из куртки Фабиана — только кончик носа торчит. И тут одна из этих точек летит прямо на меня! Ой-ой-ой, лучше спрячусь обратно!

— Это же снежинки, — смеётся Фабиан. — Они тебе ничего плохого не сделают.

Ко второй из точек я отношусь смелее. А третью вообще ловлю лапой. Раз — и поймал. Я очень быстрый. Она такая крохотная и лёгкая, что я её почти не чувствую.

Ловить снежинки так весело, что я даже прошусь наружу. Фабиан сажает меня на землю, и я смотрю вверх. С неба на меня сыплются тысячи снежинок. Ах, как бы мне хотелось поймать их все до единой!

Фабиан пытается ловить снежинки языком. Тоже неплохо.

Но вот снежинок становится так много, что точно уже не поймать даже малой части. Снег такой глубокий, что при каждом прыжке я

Первый снег Тинсика

в него проваливаюсь. Это очень забавно, но холодно... и мокро.

— На сегодня всё, — решает Фабиан, снова пряча меня за пазухой. — Не хватало ещё, чтобы ты простудился.

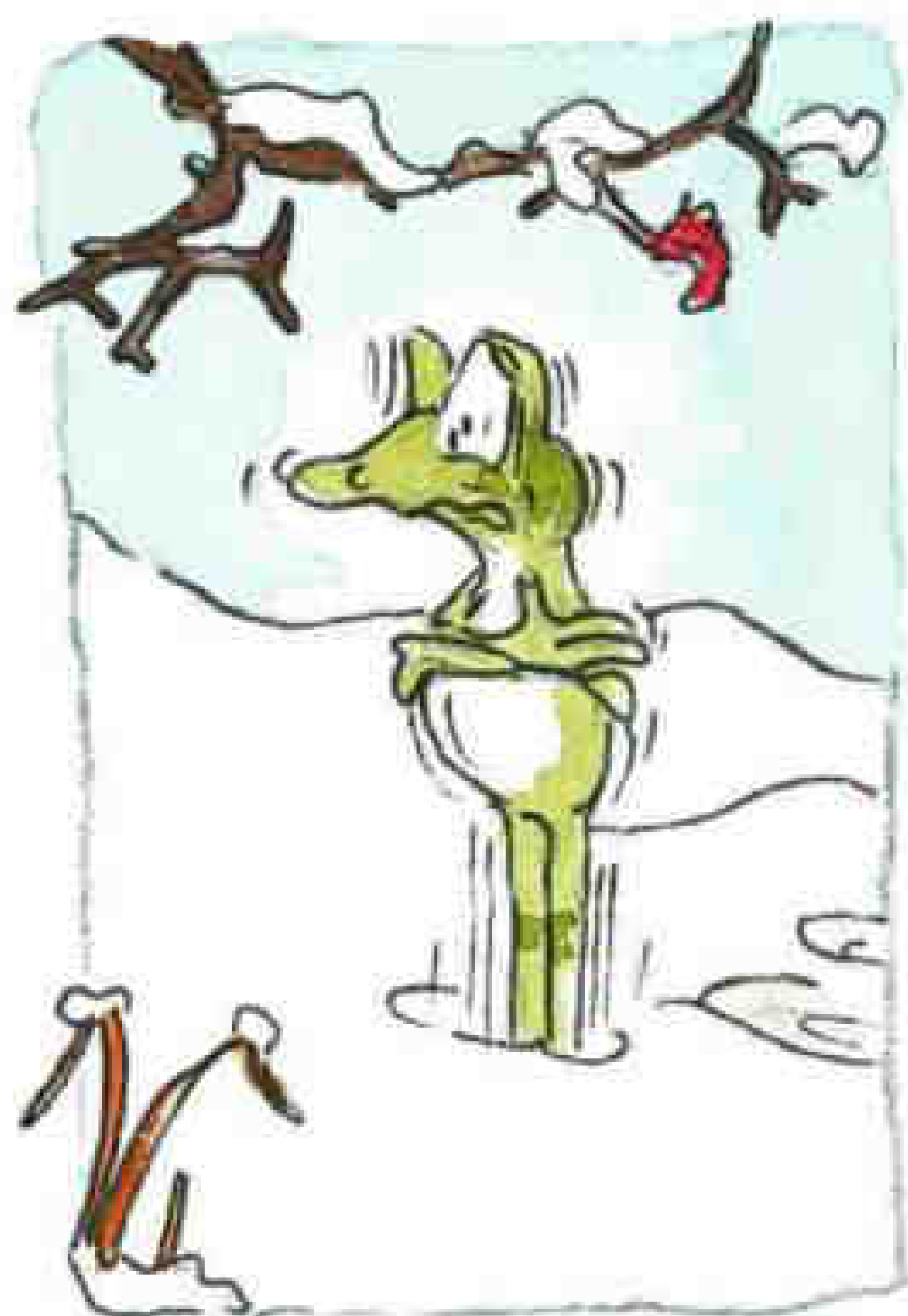
Он возится с замком входной двери, а я трюсь головой о его ухо.

Все остальные проспали этот первый снег. А мы — нет. Мы его со всех сторон обсмотрели, понюхали и потрогали.

Интересно, какие приключения ждут нас завтра? Что и говорить, нам вдвоём хорошо.

Ох уж этот холод!

В Плющёвом переулке было холодно. А поскольку сад Пампушек располагался именно там, разумеется, и в саду было так же холодно.

Правда, если поверить доносившемуся из сада громкому стенанию, как раз здесь должно было быть не просто холодно, а ужасно, непереносимо, мертвецки мёрзло, временами до обледенелости. Свински студёно, в общем.

По крайней мере, так утверждал сам Иеронимус Жаб. Строго говоря, он выражался куда менее вежливо, чем я описал выше. Но повторять это здесь и сейчас я совсем не готов. Встречались среди его многословных описаний, впрочем, такие понятия, как «Морозилка» или «Кубики льда». К тому же он проклинал всё на свете, жалуясь, что нос у него вот-вот замёрзнет и отвалится с секунды на секунду. А это вообще неправда, потому что у жаб и лягушек и носов-то нет. То есть чем-то они, конечно, дышат.

Ох уж этот холод!

В конце концов, две дырки на морде у них имеются. Но настоящих носов, как у нас с вами или как у муравьеда, у них отродясь не бывало.

В этом могли убедиться и четверо малышей из семейства Славнокогтиков, проживавших вместе с матушкой Эмми под большим кустом чёрной смородины.

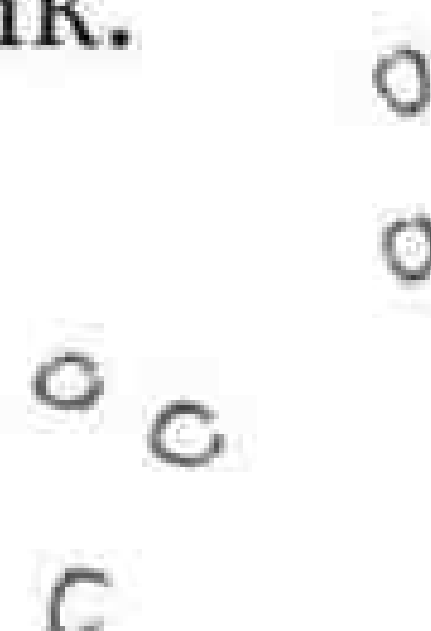
Куст этот располагался рядышком с резиденцией Иеронимуса Жаба.

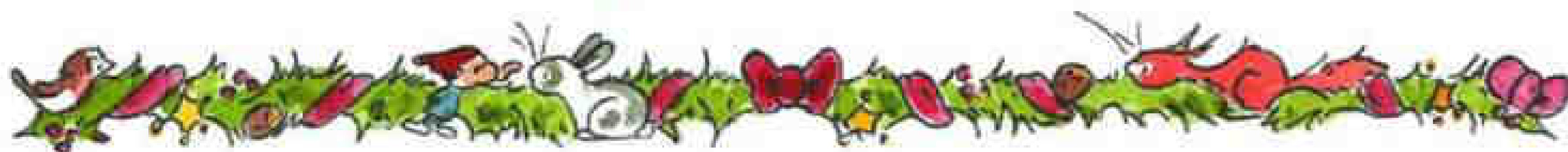
Уж кто-кто, а Славнокогтики в носах отлично разбирались. Ведь они были землеройками, и потому их мордочки украшали особенно длинные, изысканные носы. И они не отвалились от мороза. Хотя было и правда очень холодно. В этом Жаб был всё-таки прав.

Но, в конце концов, погода вполне соответствовала времени года. Как сказали в новостях, с приходом зимы начались заморозки. И уже маячил на горизонте Новый год, а там и Рождество было не за горами — со всеми его обязательными признаками: золотыми огоньками, звонкими колокольчиками, запахом жареного миндаля и предчувствием праздника. А какие же зимние праздники без снега? Но для снега нужен холод. Ясное дело!

— Слушай, хватит уже ныть, — потребовала от Иеронимуса Эмми Славнокогтик.

— Вам-то ха-а-а... — Вообще-то Иеронимус соби-
рался сказать: «Вам-то хорошо», но вместо этого вы-
дал такое громкое «Ааапчхи!», от которого уши могли
запросто отлететь. Правда, с ушами у лягушек дело
обстояло примерно так же, как с носами. Они у них
были. Но не снаружи. Так что отлететь при всём же-
лании не могли.

Славнокогтиki между тем поняли, что хотел им
сказать Жаб, потому что тут же спросили:

— А чего это нам хорошо-то?

— Ду, вы не абфибии, — слегка гнусаво пояснил Жаб.

Я забыл вам рассказать, что Иеронимус Жаб при-
надлежал к племени исследователей, изобретате-
лей, первооткрывателей и мастеров на все руки

и даже состоял в КОПе — Королевском Обществе Познавателей — в качестве действительного его члена. Практически ни одна из тайн природы или науки не могла от него укрыться.

Поэтому Иеронимус тут же приступил к докладу о холоднокровных индивидуумах, к которым относились и амфибии, и сообщил, что их температура тела, в отличие от теплокровных собратьев, зависит от температуры окружающей среды. Из чего, в свою очередь, следует, что при сильных морозах такие индивидуумы постепенно теряют способность к передвижению и вскоре начинают выглядеть достаточно отвратительно.

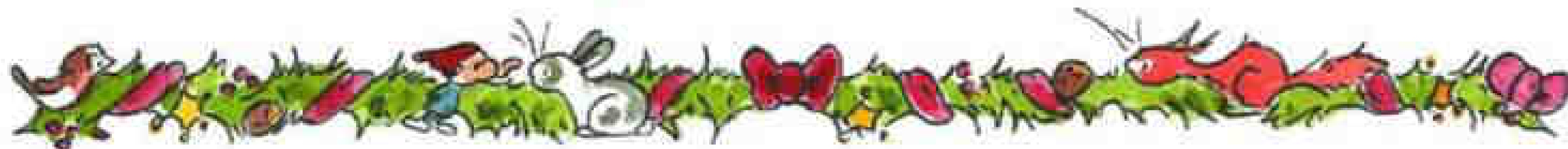
Тут Славнокогти и сами обратили внимание, что их сосед, обычно такой зелёный, торчал в снегу, будто голубоватая сосулька. Между прочим, вообще не двигаясь. После второго своего громового «Ааапчхи!» он рухнул в сугроб, как подрубленное дерево.

Славнокогти подхватили Жаба, словно скатанный для выбивания ковёр, и поскорее потащили в тепло, а он продолжал ругаться:

— И как прикажете обеспечивать бесперебойное функционирование при таких температурах? Совершенно невозможно!

— О чём это он бормочет? — спросил один из Славнокогтиков.

— Понятия не имею, — ответил другой.

— Я ничего не понял, — отозвался третий. А четвёртый сказал:

— Странности какие-то талдычит.

— Я бы очень вас попросил, — оскорбился Иеронимус, как только оттаял ровно настолько, чтобы начать оскорбляться. Он сидел на тёплой кухне землероек, лапки его плескались в тазу с горячей водой, а хилые плечики обнимал плед, который притащила заботливая Эмми. Постепенно кожа Жаба принимала привычный, здоровый, зелёный цвет, что не могло не радовать всех присутствующих.

— Я никогда не талдычу странности, — возгласил Иеронимус, принимая от одного из Славнокогтиков чашку горячего бузинного чая с мёдом. — Я, напротив, постоянно забывая о себе, забочусь лишь о том, чтобы ставить полученные мной духовные богатства на службу всеобщему прогрессу... Ой, это у вас там пирог, что ли?

Ох уж этот холод!

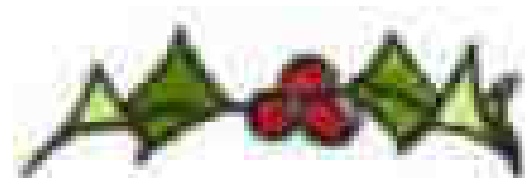

— Яблочный, — кивнула Эмми. — Я подумала, он сейчас будет кстати. Ну, если только это не помешает твоим научным размышлениям. На всякий случай, ты его лучше не ешь, а то мало ли что.

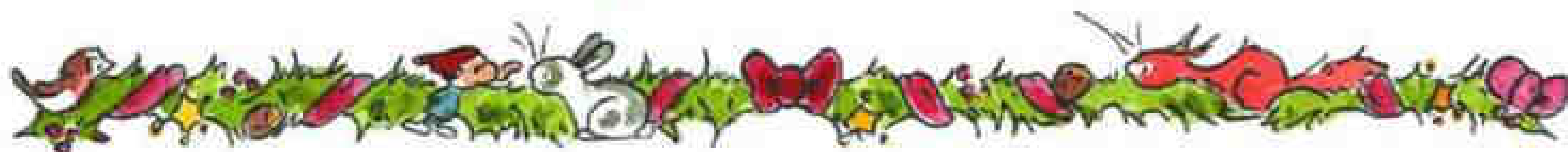
— Хм, да ничего, выдержу, — заверил её Иеронимус.

Впрочем, Эмми не имела в виду ничего плохого. Просто все давно знали, что Иеронимус Жаб то и дело погружается в размышления. Да так глубоко, что даже забывает про окружающих. Вот и теперь случилось именно так. Сначала Жаб подумал про смену времён года и причины постепенного похолодания. Потом на ум ему пришли наклон земной оси и всякие ужасно сложные взаимосвязи природных законов, которые вам любая энциклопедия объяснит куда лучше, чем я.

— Зима, конечно, прекрасна и удивительна, но как бы мне хотелось навсегда забыть про этот противный холод, — сам себе сказал Иеронимус. И тут же решил: — Надо с этим что-то делать. Думай, Жаб. Думай, думай!

Дорогу домой — два больших прыжка — Иеронимус перенёс хорошо, так что не пришлось тратить время на оттаивание. И тут же принялся за дело.

Дом Жаба по большей части состоял из огромной мастерской. Чего только он в ней не делал, каких только исследований не проводил, а уж сколько закрутил шурупов! Правда, эта самая мастерская с завидной регулярностью и громким «БУММ!» то и дело взлетала на воздух, потому что некоторые из великолепных изобретений Иеронимуса порой оказывались не вполне великолепны в плане безопасности.

Иногда из окон мастерской вырывались клубы розоватого дыма. А когда Иеронимус в очередной раз попадал молотком себе по пальцам, вместо дыма летели клубящиеся ругательства, совершенно не годящиеся для детских ушей. Эмми очень быстро научилась затыкать уши всем четырём младшим Славнокогтикам одновременно и достигла в этом подлинного мастерства.

Но сейчас можно было не опасаться потока ругательств. Иеронимус уселся за стол на кухне, зажёл свечу и принялся рисовать подробный план своей новой задумки.

Да, но над чем именно он работал? Пока что Иеронимус держал всё в тайне. Ясно было лишь одно: он больше не собирался становиться жертвой зимней стужи.

— Как же можно, скажите на милость, служить миру всей своей гениальностью, если на морозе за пару

Ох уж этот холод!

минут из учёного ты превращаешься в эскимо на палочке? Так жить нельзя! — решил Иеронимус.

В ту ночь из мастерской не донеслось ни одного стука или вжиканья шуруповёрта, не вылетело ни единого ругательства и даже ни разу не раздавалось оттуда никакого «БУММ!». Правда, как раз «БУММ!» не заставил себя долго ждать.

Соседи, увы, страдали от изобретений Жаба. Больше других доставалось Эмми, но она всегда старалась уменьшить масштаб разрушений.

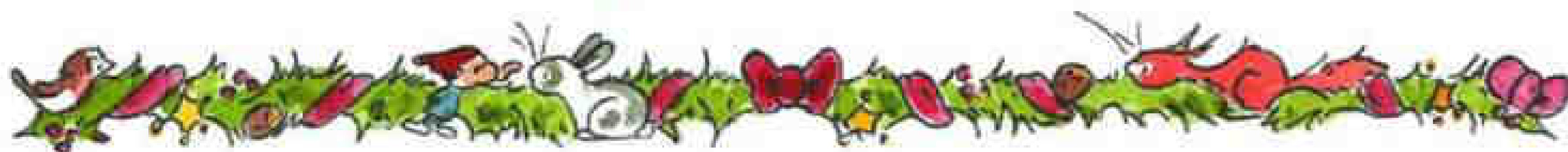
На следующее утро, ко всеобщему изумлению, Иеронимус Жаб снова копошился в заснеженном саду. Причём «копошился» — это мягко сказано! Он то прыгал, то бегал, то скакал, то даже разгонялся и плюхался в сугроб.

Славнокогти, не веря своим глазам, смотрели в окно. Из-под Иеронимуса бежали тонкие ручейки талого снега. А ещё...

— Мама! — пискнул наконец один из Славнокогтиков. — А что, Иеронимус у нас красного цвета?

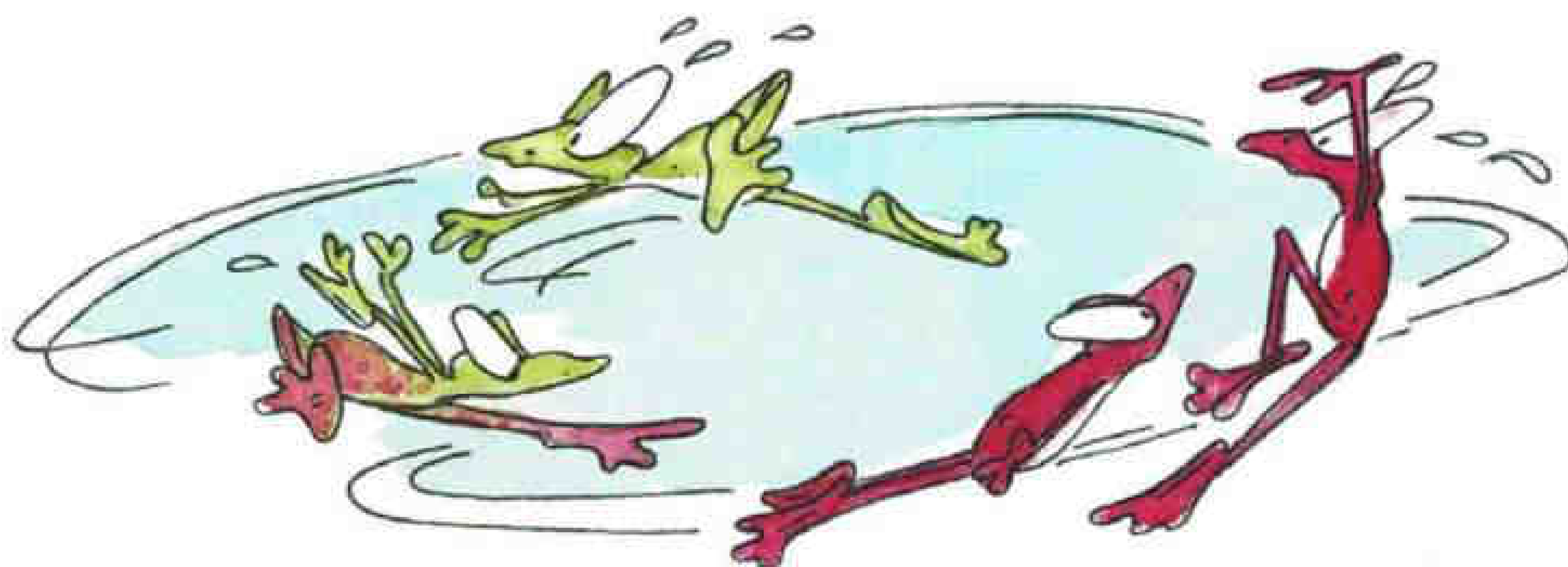
— Да вроде бы нет, — ответила Эмми. Пришлось ей отвлечься от дел на кухне и присмотреться к соседу.

Едва взглянув в окно, Эмми помчалась на улицу. Все Славнокогтики, разумеется, увязались за ней. Впятером они принялись бегать за прытким Жабом. От его вчерашней замороженности и следа не осталось.

— Быстрый ты сегодня, Иеронимус! — вопили младшие Славнокогтики.

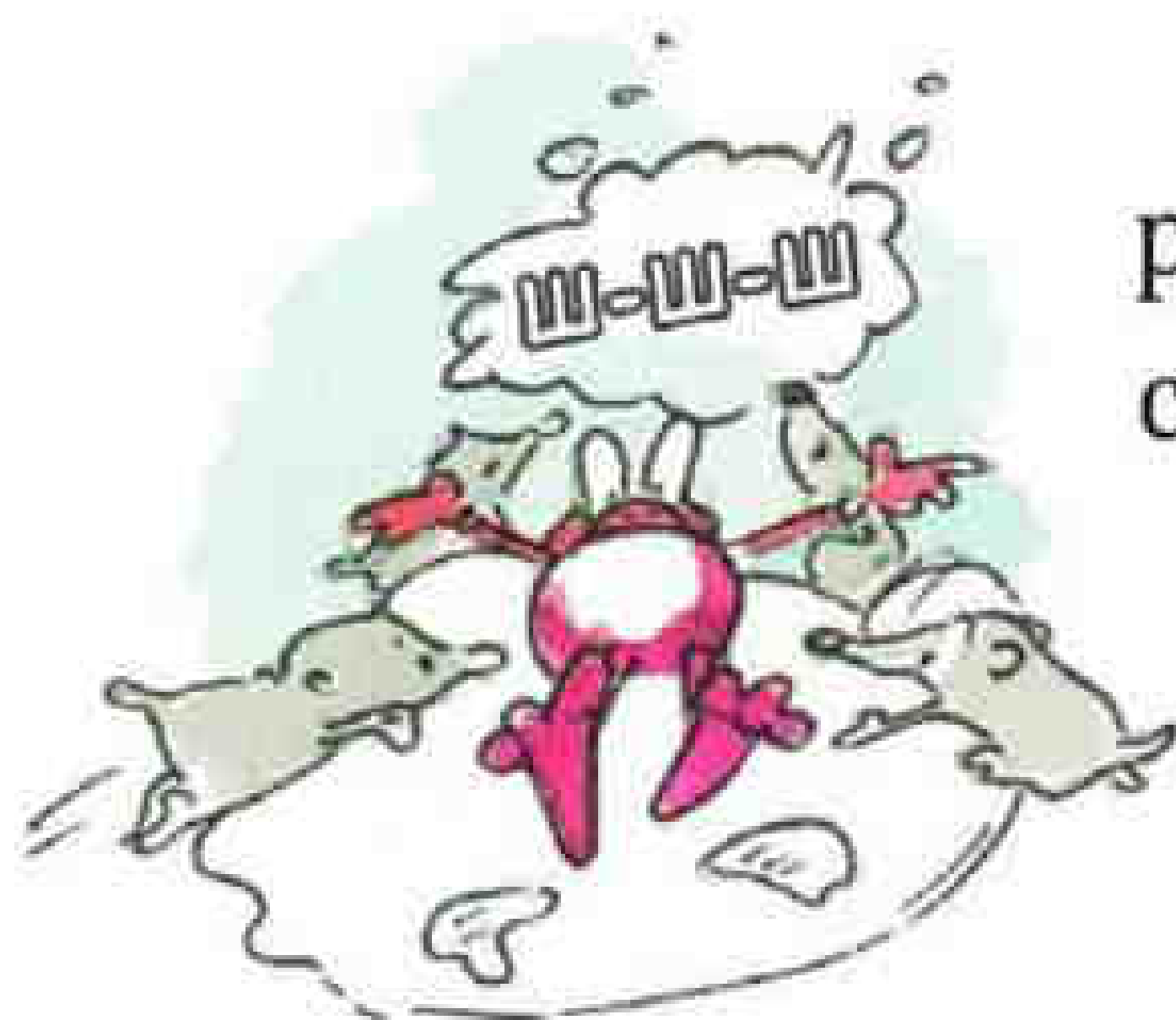

— Так мне теперь не холодно, — ответил Иеронимус, бросаясь прямо в сугроб. При этом раздалось громкое «Ш-ш-ш-ши!». Да, сомнений быть не могло: снег просто таял под Жабом. Тем временем Иеронимус снова поднялся, запрыгал дальше и нырнул в очередной сугроб. Опять раздалось «Ш-ш-ш-ши!». И снова снег растаял. А Жаб ринулся вперёд, и следом за ним понеслись землеройки.

Скоро все окончательно выдохлись. И Эмми решила, что на такой скорости разумного разговора не получится.

Ох уж этот холод!

Славнокогтики ухватили Жаба кто за переднюю лапу, кто за заднюю и только так сумели его остановить.

Эмми внимательно изучила Жаба, лежащего на тающем и шипящем снегу.

— Что ты там снова натворил? — поинтересовалась она.

— Я? Натво?.. А что? Ничего... — запинаясь, произнёс Иеронимус.

— Иеронимус — ты же весь красный! Как огонь! — заявила Эмми.

— Ах, это. Ну. Ха-ха. Это такая странная история, — смутился Иеронимус.

— И пахнет от тебя тоже странно, — заявил один из Славнокогтиков и чихнул.

Тут уж Иеронимус не выдержал и тихонько сознался:

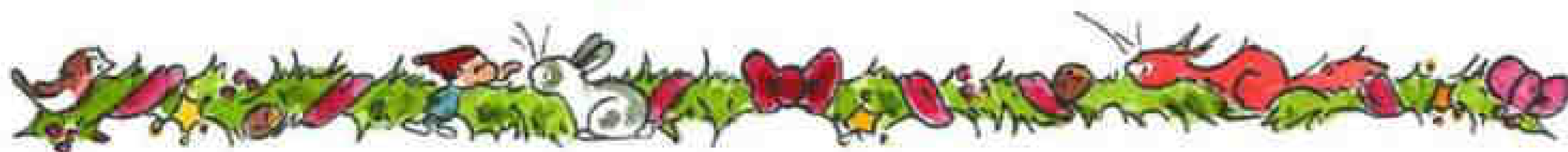

— Это от перца. Точнее говоря, от чили.

— Но ты же им не мазался? — спросил один Славнокогтик.

— Само собой, мазался, — пошёл в атаку Жаб. — Это была гениальнейшая мысль. Новое слово в термоисследованиях! Я слышал, что госпожа Пампушка применяет перцовый крем против ревматизма. От него кожу просто огнём жжёт, как она говорит.

— Что, жжёт? — уточнил второй Славнокогтик.

— Да-а! Ну отпустите же меня! — умоляюще заверещал Жаб. Едва малыши его отпустили, он сразу нырнул в снег. Снег снова сказал «Ш-ш-ш-ши!».

А Эмми опять покачала головой и вздохнула:

— Ах, Жаб!

Для таких экспериментов шкурка её соседа была слишком чувствительна. Об этом догадался, увы, и сам Иеронимус. Но учёному приходится приносить себя в жертву науке.

Когда Жаб наконец избавился от перца на коже, он вновь стал зелёным. Но теперь он замёрз, и ему пришлось вернуться в мастерскую.

На следующее утро Славнокогти зачарованно таращились в окно.

Иеронимус опять бродил по саду.

— Мама! — вопили малыши. — А сегодня Иеронимус вообще малиновый!

— В белую полосочку! — добавил кто-то из них.

— С ума я с ним сойду, — вздохнула Эмми и выбежала из дома. Славнокогти устремились за ней.

— Иеронимус! — крикнула Эмми.

— Да-да? — отозвался малиново-белый Жаб.

— Это что ещё за глупости? — возмущённо спросила Эмми.

Ох уж этот холод!

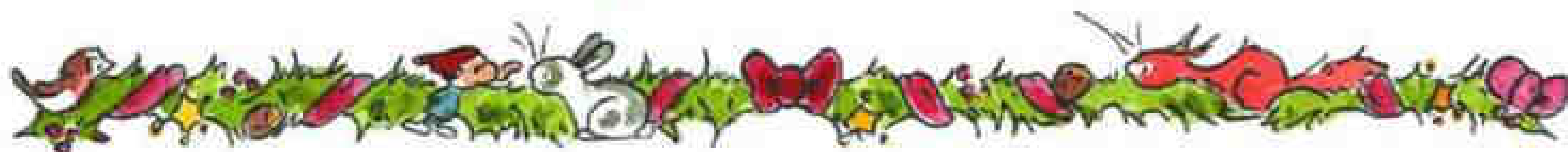
— Дикакие это де глубости, — возразил Иеронимус, шмыгая носом. На этот раз температура была тут ни при чём, просто он обиделся. Однако объяснил: — Перед вами, дорогие мои, первый и потому не запатентованный, но крайне многообещающий «ТЕРМИ 01»! Костюм, защищающий от холода. Новое слово в науке.

Эмми решила повнимательнее при-
смотреться к «ТЕРМИ 01». Она его и по-
тянула, и потыкала, и пощипала. От этого
Иеронимус принялся хихикать и подскакивать.
Его изобретение неплохо защищало от холода, а вот
против щекотки было бессильно.

— Эта твоя термоштука слишком узкая. В ней не хватает прослойки воздуха, которая нужна для изоляции. Так что рано или поздно ты в ней всё равно замёрзнешь. И вообще это попросту вязаный костюм, — подвела итоги Эмми.

— Конечно, можно его и так мерзко обозвать, — фыркнул в ответ Иеронимус. Я ведь уже говорил, что он немного обиделся. В конце концов, для создания своего «ТЕРМИ 01» он применил особую, крайне сложную технику: специальный умный станок, который позволял плести вязаные жгуты любой длины. Такой жгут как нельзя лучше подходил худющему Жабу с его фигурой, похожей на веретено.

— Ты использовал вязание шнура на куколке? — уточнила Эмми. — Славнокогти тоже это любят. У них такая есть. На ней вязать легко, даже ребёнок справится.

— То есть это... кхм... всем давно известно? — спросил Жаб, смущённо шаркая малиново-белой лапкой по снегу.

— Ага, — заверили его Славнокогти.

— Значит, вы не считаете, что мой «ТЕРМИ 01» — мировая сенсация? — поинтересовался Иеронимус.

— Ну, не совсем, — сказали землеройки. В конце концов, честные ответы — это тоже часть любой крепкой дружбы.

— Всё ясно, — отозвался Иеронимус. — Прошу меня простить, — с достоинством добавил он, направляясь к себе в мастерскую. Впрочем, о каком достоинстве могла идти речь для того, кто выглядел как шлагбаум на железнодорожном переезде!

В мастерской Иеронимус с огромным трудом освободился из своего «ТЕРМИ 01». Сидела на нём эта штука и впрямь туговато. Да и выглядела не очень.

Но важнее всего было то, что согревало его изобретение не слишком хорошо. И тут Эмми снова оказалась права. Защитный слой воздуха между пря-

Ох уж этот холод!

жей и Жабом был недостаточно толстым. Об этом Иеронимус не подумал.

Тем не менее Жаб не собирался списывать со счетов «ТЕРМИ 01». В конце концов, неудачный эксперимент — тоже результат, и без поражений в науке не обойтись. Это совершенно нормальное явление.

— Продолжу-ка я разработку «ТЕРМИ 01», — решил Иеронимус. — Выпущу «версию 02», так сказать. И я даже знаю, как это сделать.

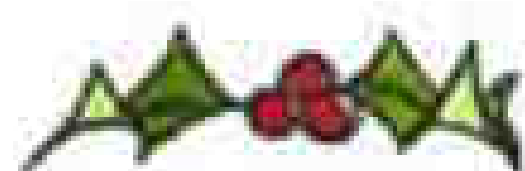

В ту ночь в мастерской Иеронимуса свет всё горел и никак не хотел выключаться. Сначала оттуда доносились всплески, потом что-то забулькало и забурлило. Потом слышались проклятия, изрыгаемые Иеронимусом.

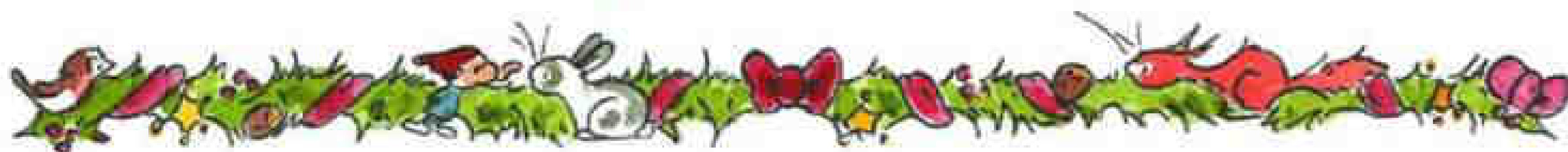
— Ай, ай, горячо! — вопил он.

А потом воцарилась неприятная, томящая тишина.

Не будь Эмми по уши занята предрождественскими хлопотами, она бы точно поискала, куда подевался Жаб. Но завтра наступал сочельник. А ей столько всего ещё нужно было доделать! Нет уж, пусть Иеронимус хоть раз в жизни обойдётся без неё.

И вот в Плющёвом переулке настало утро. Утро Рождества. Малыши Славнокогтиki уже ни о чём,

кроме подарков и прочих приятностей этого дня, и думать не могли. Но всё же решили быстренько проверить, не стоит ли Иеронимус посреди сада.

Ага. Там он и стоял как миленький. В своём новом «ТЕРМИ 02». И, похоже, на сей раз дело кончилось замерзанием всего Жаба!

— Мама! — тут же завопили Славнокогти.

— Ох, не хочу ничего слышать, — заворчала Эмми, выбегая в сад.

Иеронимус не шевелился. Он действительно полностью замёрз. Если уж говорить точнее, весь его костюм обратился в лёд.

— Похоже, эта штука села и стала ещё теснее? — уточнила Эмми.

— Похоже на то, — признал Иеронимус. Говорить он пока что мог. — Я тут подумал, а не окунуть ли мне «ТЕРМИ 02» в кипяток. Ведь тогда он меня сможет согревать куда дольше.

— Получается, что «ТЕРМИ 02» — это «ТЕРМИ 01», который постирали в слишком горячей воде? — догадались Славнокогти.

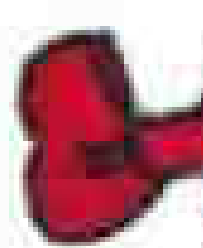
— Можно и так сказать, — ответил Жаб горестно. — И это был провал. Потому что даже кипяток когда-то остывает. И остывает, и остывает, пока...

— ...не превратится в лёд, — захихикали Славнокогти.

Ох уж этот холод!

— Смейтесь, смейтесь. Когда надоест, может догадаетесь мне помочь, — проворчал Иеронимус. Держаться дольше он уже не мог. Поэтому просто рухнул в снег, словно длинная полосатая сосулька.

Наконец-то раздался тот самый «БУММ», которого все давно ждали. Ну а что случилось дальше, вы и сами догадаетесь.

Иеронимуса притащили в дом, где он постепенно оттаял, и напоили чаем. Но вот потом...

Иеронимус ничего подобного не ожидал. Эмми и Славнокогтики принесли ему сразу несколько красиво запакованных пакетов.

— Вообще-то подарки для всех будут только к вечеру, — объяснила Эмми. — Но, похоже, тебе они нужны прямо сейчас.

Путаясь в бантиках, Иеронимус сорвал упаковку с первого подарка и обнаружил замечательный вязаный свитер. И тот ему, кстати, пришёлся впору. А ещё там были шарф, шапка и перчатки. Всё — из лучшей шерсти.

— Теперь-то ты перестанешь мёрзнуть, — рассмеялись Славнокогтики. — Счастливого Рождества!

Иеронимус с трудом удержался от слёз — так тронул его подарок землероек.

— Ах, знаете... честное слово, это ваше Рождество — гениальнейшее изобретение. Даже я вряд ли смогу его как-то улучшить.

Старый дом

«Новая Англия» — так называется одна из самых прекрасных частей США. Располагается она на Атлантическом побережье и знаменита своими потрясающими маяками. Кроме того, в Новой Англии имеются покатые холмы, густые леса, огромные города и уютные старые фермы. Этот край славен яблоками, пирожными, морскими гребешками, омарами и кленовым сиропом. Но есть у Новой Англии и ещё одна особенность, про которую тут же вспомнит любой, кто здесь побывал. Это — снежные бури, или, как тут говорят, бураны.

Ох уж эти бури... Так и стараются оправдать своё грозное имя. Частенько их приносят к берегу ледяные океанские штормы. Порывы ветра бывают настолько сильны, что трудно устоять на ногах. А ещё они тянут за собой снежные тучи. Во время бурана снег так быстро залепляет всё вокруг, что люди, не успев оглянуться, вдруг оказываются заперты в домах.

Часто во время снежной бури ломаются опоры линий электропередачи, замерзают трубы и перестаёт работать отопление.

Жители Новой Англии зимой очень внимательно слушают прогноз погоды, особенно когда по радио объявляют о приближении снежной бури. Нам трудно представить себе, как выживали тут люди в давнее время, когда ещё не изобрели радио. Но мы всё же попробуем.

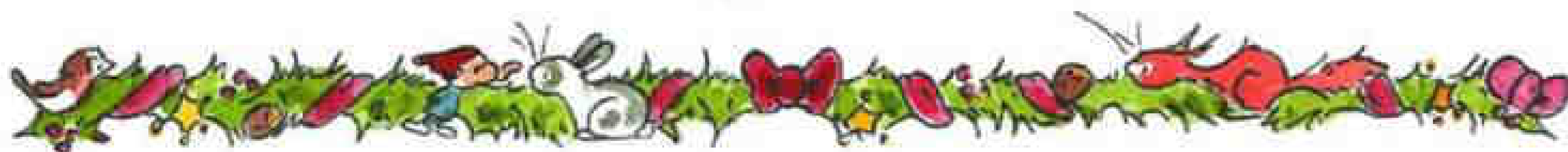

Поля и луга, принадлежавшие ферме Пемброков, раскинулись между мягких холмов. На востоке за холмами темнел густой лес, а за ним блестело морское побережье. Бывали даже дни, когда в старом домике фермера слышалось, как бьются волны Атлантики.

По осени хозяева решили обновить сарай, и теперь он сиял свежей краской. Тёмно-красные стены были издалека видны на фоне заснеженного пейзажа.

Старый дом

Что касается самого дома, он просто искрился белизной. Такая окраска была типична для этой местности. Дому исполнилась сотня лет, но стены его оставались прочны, окна и двери хорошо закрывались, да и крыша лежала так же ровно, как в первый день постройки. Да, это был славный дом! Не зря в нём счастливо прожили уже целых три поколения.

Сначала в эти края пришёл первый из Пемброков. Он и построил дом. Потом появился Пемброк-второй. И, наконец, ферму принял Пемброк-третий. С тех пор он успел состариться и теперь почти не вспоминал о давних временах.

А вот старый дом помнил всё. Каждую мелочь. Он не забыл, как однажды молодой ещё господин Пемброк подхватил на руки юную невесту, чтобы перенести её через порог. И как потом один за другим у них родились трое мальчишек. Сыновья-то, конечно, давно выросли, сами обзавелись детишками и переехали в город. А этой весной бедная госпожа Пемброк умерла. Так уж заведено в жизни, но всё равно это было ужасно грустно. Старому дому стало казаться, что он опустел. Дом знал: никто не должен этого заметить, и сейчас было особенно важно, чтобы жилище господина Пемброка оставалось таким же привычно-уютным, как раньше. Особенно сегодня. Ведь это было

первое Рождество господина Пемброка, которое ему предстояло провести в одиночестве.

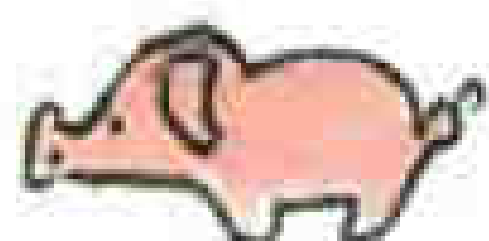

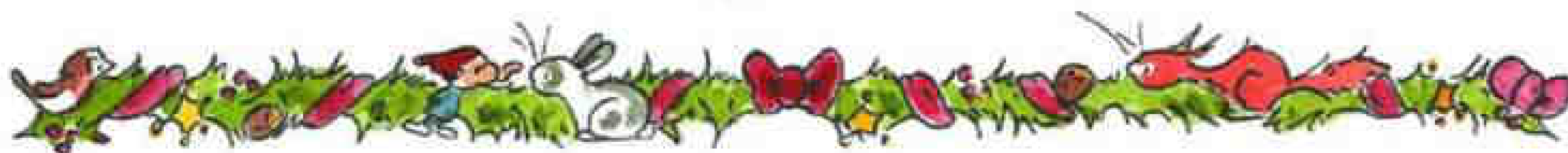
Неделю назад начались снегопады. Вся работа на полях временно прекратилась, но теперь приходилось ежедневно приносить в хлев свежее сено и выгребать навоз. Хорошо хоть овцы могли оставаться на поле всю зиму.

Холод их не пугал. По крайней мере, пока не случалась настоящая буря и температура совсем уж не падала.

Господин Пемброк стоял перед домом, почёсывая голову под шапкой, и поглядывал на небо. За свою долгую жизнь он научился внимательно слушать природу и правильно толковать её явления. Он наблюдал за формой облаков и направлением ветра. Отслеживал, когда птицы замолкают и прячутся в лесу. Это вполне определённо означало ухудшение погоды. Если летом лошади вдруг поворачивались задом в одну и ту же сто-

рону, именно оттуда мог прийти проливной дождь. А когда морские птицы отправлялись с моря на побережье и косяком пролетали над старой фермой, значит, с океана двигалась буря. Однако сейчас, судя по всему, непогоды не предвиделось.

Поэтому господин Пемброк решил никуда не торопиться. Только заглянул к свиньям в хлев да посмотрел, как куры устраиваются на шесте подремать.

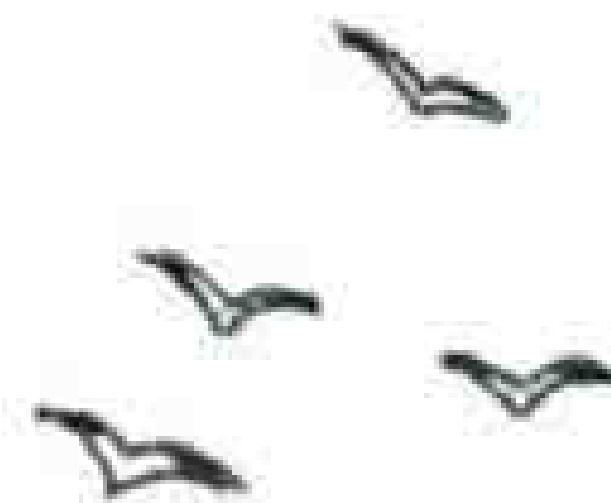
Господину Пемброку тоже не помешал бы небольшой перерыв.

Может, даже за чашкой доброго чая, подумал старый дом. Он постарался как следует закрыть все окна и двери, чтобы ни капельки драгоценного тепла от камина не утекло наружу.

Но господин Пемброк, похоже, совсем не думал про отдых. Вместо этого он прилежно трудился над большими санями, в которые можно было впрягать лошадей.

За работой фермер не заметил, как над его головой пролетели чайки.

Они не кричали громкими голосами, как обычно, а летели совсем бесшумно. Да и остальные птицы почему-то притихли.

Как мы уже сказали, господин Пемброк отлично умел распознавать знаки природы. И он точно обратил бы внимание на необычную тишину, если бы не работал так усердно и если бы на уши ему не съехала шапка.

Однако от старого дома не укрылась ни одна из примет непогоды. Любое дуновение ветерка чуть-чуть да приподнимало черепицу на его крыше. При каждом перепаде температуры деревянная обшивка стен поскрипывала и пощёлкивала. Ну а если внезапно падало атмосферное давление — дом чувствовал это всеми своими перекрытиями. Вот как сейчас.

Не осталось ни малейшего сомнения: надвигалась

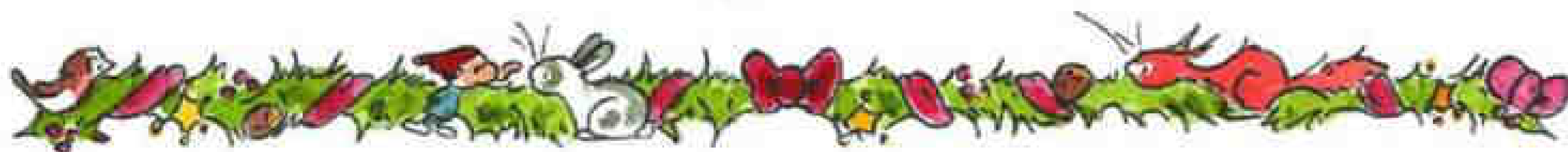

снежная буря! Но что же делать? Как предупредить господина Пемброка? В таких случаях старый дом обычно скрипел дверями или плевался искрами из камина. Тогда господин Пемброк говорил:

— Тише-тише, старина.

Но никогда не понимал намёков старого дома.

К несчастью, так вышло и на этот раз.

Заскрипела входная дверь. Господин Пемброк обернулся. Неужели позабыл запереть как следует? Нет же. Дверь была закрыта, как полагается.

Господин Пемброк удивился, откуда мог раздаться скрип. Подняв голову, он разглядел чаек, пролетающих по небу всё бóльшими стаями. И тут господин Пемброк внезапно понял, как тихо стало вокруг.

За этой огромной, почти удушающей тишиной он вдруг услышал грозный шёпот океана. А потом над полями и лугами стеной встал ледяной холод.

Теперь и у господина Пемброка не осталось сомнений: приближалась снежная буря!

В следующее мгновение лес, укрытый снегом, содрогнулся от первого порыва ветра.

— Овечки! — воскликнул господин Пемброк.

«Лучше бы хозяину укрыться за моими прочными стенами, там безопасно», — подумал старый дом. Закрыл бы он ставни да протопил бы камин хорошенько. А уж дом позаботится, чтобы оба они пережили эту бурю не хуже всех прошлых.

Увы, дому пришлось лишь беспомощно наблюдать, как старик бредёт по заснеженной тропинке к овечьему пастбищу.

Между тем ветер усиливался. С берега доносились его завывания, грозящие бедой. Вот-вот пелена сне-

гопада окутает мир, а невообразимый холод заморозит его навсегда...

Может, господину Пемброку и удалось бы вместе с овцами добраться домой. Но овечки были такие пугливые! Даже скрип деревьев приводил их в ужас.

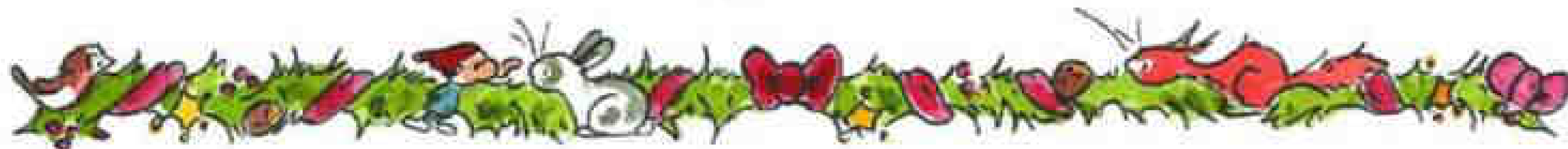
А уж когда господин Пемброк попытался погнать овец в сторону фермы, бедняжки и вовсе спятили от страха и разбежались по лугу.

В то же мгновение началась настоящая буря. Воздух наполнился колючим снегом. За секунду стемнело так, словно наступила глубокая ночь.

Неистовая буря ревела, завывала и хохотала. Господин Пемброк и его овцы совсем растерялись. Они знали, что ферма где-то рядом, но не понимали, как её найти. Последнюю надежду, казалось, уносило ветром всё дальше... Но тут в темноте зажёгся огонёк.

Тёплый свет разлился над лугом, обещая близкое спасение.

Овечки тут же поспешили в нужную сторону. А за ними, облегчённо выдохнув, поплёлся и господин Пемброк. Снег забивался ему в нос, мешая дышать, а холод пронизывал до костей. С большим трудом, шаг за шагом двигался он вперёд и в конце концов добрался до фермы со всем своим стадом.

Овечки тут же скрылись в хлеву, а господин Пемброк из последних сил закрыл за ними во-

рота. И только потом двинулся к дому. Как странно: он совсем не помнил, чтобы перед выходом оставлял столько света! Но в доме горели все лампы, все свечи и даже фонарь перед входной дверью, указывая ему безопасный путь.

С каким облегчением шагнул господин Пемброк за дверь! Там его сразу же окружили тишина и блаженное тепло. Теперь он был в безопасности — пусть себе завывает выюга на улице, пусть пугает на все го-

лоса. Стягивая насквозь промокшие сапоги, господин Пемброк внимательно посмотрел по сторонам. Увидел деревянный пол, старенькие обои в цветочек, кривые ступеньки лестницы и бушующий в камине огонь. А ещё он

увидел всё то, что напоминало ему о счастливых временах, проведённых

Старый дом

здесь с семьёй. На миг ему показалось: в доме вот-вот зазвучат голоса сыновей, а из кухни выйдет с чашкой чая его жена.

И всё это наполнило господина Пемброка таким внутренним теплом, которому были не страшны никакие холода — пусть бы и целый мир окоченел навеки.

— Молодец, старина, — с благодарностью шепнул господин Пемброк.

И старый дом тихо скрипнул в ответ всеми своими стропилами.

Тишайшая ночь

В городе царила суeta. Бесконечный поток автомобилей, такси и автобусов медленно двигался по забитым улицам.

Сотни, тысячи людей торопились по своим делам. Они не замечали ни мерцающих огней витрин, ни ярко горящих над их головами фонарей.

Почти у каждого были с собой кульки, пакеты или коробки. Завёрнутые в разноцветную обёрточную бумагу, они выглядели ярко и радостно. А вот людям было не до веселья. Уставшие, суетливые, они смотрели друг на друга пустыми глазами.

Перед входом в большой универмаг, непрерывно трезвоня колокольчиком, стоял Санта-Клаус. На углу уличные музыканты исполняли рождественские песни.

Только вот чудесные мелодии были совсем не слышны. Их заглушали автомобильные гудки, окрики и разговоры.

А потом пошёл снег.

Сначала из глубокой синевы неба упало несколько снежинок. Их никто не заметил. За ними слетело ещё несколько. И ещё. Всё больше и больше.

На тротуарах и улицах снегу сначала приходилось несладко: лечь было некуда, отовсюду на него наступали и наезжали. Но снежинок прибывало и прибывало...

Водители то и дело библикали, если автомобили не двигались достаточно быстро. Пешеходы раздражённо стряхивали снег с одежды и смахивали с носов. Все очень спешили. Было ясно, что Туда они точно опоздали, да и Сюда не доберутся вовремя. А ведь им предстояло ещё ужасно много покупок, неотложных дел и важных поступков!

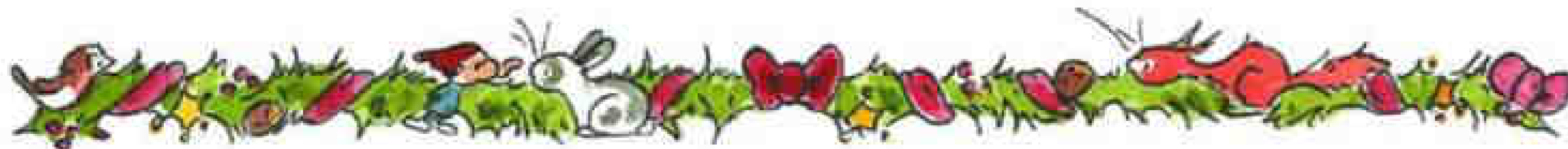
Но снежинок становилось всё больше и больше. Они опускались на крыши, карнизы, фонари и деревья, и вот уже повсюду выросли снежные подушки.

Тут же показались первые дворники, вооружённые метлами и лопатами. Но очень скоро они сдались. Слишком густо валил снег.

И вот — медленно, но неуклонно — автомобили на улицах города начали останавливаться. Водители не видели, куда ехать, и заглушали моторы.

Тихайшая ночь

Люди старались как можно скорее добраться домой. Всё, что недавно казалось таким важным, пришлось отложить.

Снежинки падали всё гуще. И всё тише становилось вокруг.

Суэта и беготня, шум и ворчанье понемногу стихли.

Какое-то время ещё были слышны песни уличных музыкантов, но потом смолкли и они.

На город наконец-то опустилась блаженная тишина. Та самая, которую приносит лишь первый снег.

Ночь стала светлой, самой кроткой из всех ночей.

И такое безмолвие воцарилось кругом, что даже Младенец мог спокойно уснуть в яслях.

Высоко в небе запели ангелы.

Ведь сегодня был сочельник. Тихий канун Рождества.

А люди в шуме и суете чуть не забыли об этом...

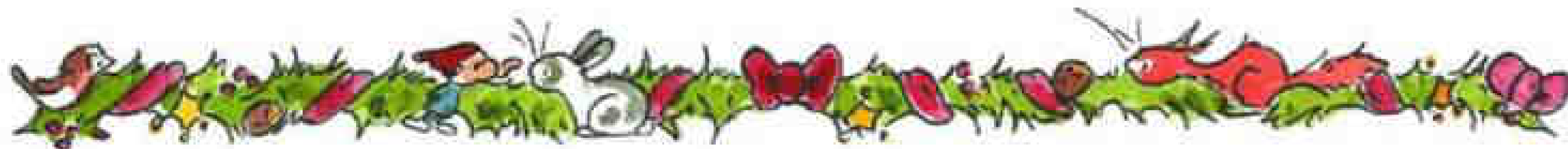
Когда всем хюггельно

«Хюгге» — так говорят в Дании о чём-то особенно уютном, домашнем, приятном. Хюггельно может быть всё что угодно. Например, когда в комнате горит камин, у тебя есть интересная книжка, а рядом мама и можно вместе залезть под плед и прижаться друг к другу. И, конечно же, Новый год и Рождество — это тоже хюггельно.

Впрочем, в нынешнем году праздники у нас не хюггельные совсем. А кто такие «мы», кстати? Да семейство Ханзенов. Томас, Бритта и мальчишки. Свенни и Бен. Ну, и я. Кнут меня зовут. А по породе — такса.

Мы живём в Гамбурге. Тут всегда что-то происходит. Иногда даже слишком много всего творится. Временами на дорогах возникают пробки, переполненные автобусы и трамваи трещат по швам, и тогда люди становятся ужасно нервными. И собаки их, кстати, тоже. Как ни странно, это всегда начинается за пару недель до зимних праздников.

Точно вам говорю: если ничто не изменится и над городом продолжит висеть это ужасное настроение, то вся хюггельность из праздников испарится. Ведь сочельник уже на носу, пара дней осталась. А за суетой о нём совсем забыли.

Корзинка моя стоит в коридоре. Чудесное у меня местечко! Отсюда всю квартиру отлично видно. Свенни вон играет у себя в комнате. Бен домашку доделывает.

А вот и Бритта. Заходит в дом, нагруженная покупками. Ей тяжело.

— Я ещё не все пакеты из багажника достала! Не поможете? — ворчит она.

Хотел бы я знать, кому нужно столько еды. Немножко собачьих сухариков, пара сосисок — этого же достаточно, правда?

— Хоть кто-нибудь возьмёт у меня сумки?! — вопит Бритта.

Лично я очень хочу Бритте помочь. И покупки бы ей донёс. Но тут она об меня спотыкается и от этого начинает ругаться ещё сильнее. Так что я уныло плетусь обратно в свою корзинку.

Потом домой приходит Томас. Понятия не имею, что у него случилось, но он ворчит себе под нос:

— И ведь прямо под Рождество, это просто смешно... Все садятся ужинать. В отвратительном настроении. А про меня совсем забыли! Приходится гавкнуть. Два раза даже! Целых два раза!

Наконец Томас даёт мне еду. Но за ухом почему-то не чешет.

— Вот как всё к праздникам приготовим, так и поспокойнее станет, — вздыхает Бритта.

Но мы знаем, что это совсем не так.

Даже на сочельник ещё уйма дел наверняка останется. В первый день Рождества к нам приедут дедушка и бабушка номер Один. Меня куда-нибудь запрут, потому что бабушка номер Один меня терпеть не может.

А на второй день Рождества мы поедем к бабушке и дедушке номер Два. И мне придётся почти всё время сидеть в машине, потому что бабушка номер Два вечно ворчит, что я в дом грязь таскаю. Так что скажу ещё раз: это всё очень даже не хюггельно!

Но вдруг Томас говорит:

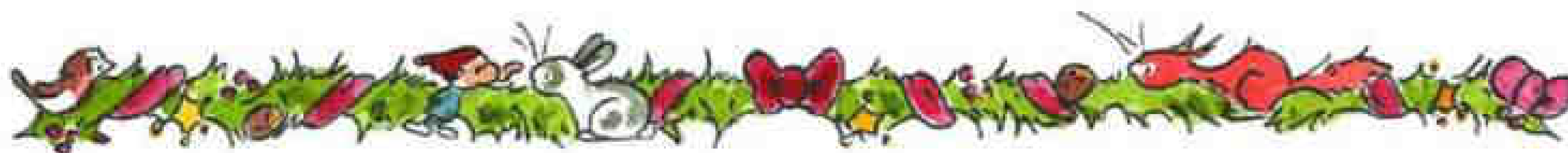
— Знаете что? Хватит этой суеты! Давайте сбежим!

— Класс! — ликуют мальчишки. Хотя и не знают пока, что задумал Томас.

— Снимем домик в Дании. Прямо на берегу моря, — объявляет Томас.

Бритта смеётся:

— Домик на побережье снимают летом. На Рождество там пусто, кругом ни души!

— То-то и оно! Поехали! — предлагает Томас.

На всякий случай я ему на ногу лапой наступаю. Он наклоняется ко мне под стол, наконец-то чешет меня за ухом и обещает:

— Ты, конечно, тоже едешь, старик!

И тут я заливаюсь восторженным лаем.

Хорошо, что у нас машина такая большая. Потому что снова начинается кутерьма. Все таскают туда-сюда уйму вещей. Ох, как же я рад, что хоть мне ничего не нужно, кроме любимого одеялка! Но на всякий случай несу к машине ещё и свой теннисный мячик.

И вот мы выезжаем из города.

Свенни, Бен и я дремлем на заднем сиденье. Ну вот, это уже чуточку хюггельнее. А когда наконец просыпаемся, то оказывается, что мы приехали. Домик стоит рядом с морем. А оно бушует, шумит и ревёт и совсем не похоже на море летом. Но это изумительно!

Наш домик прикрыт дюнами. Он словно пытается спрятаться за ними от ветра. По небу летают чайки, а за стеклом террасы на заднем дворе я различаю двух кроликов. Кроме них, в такую погоду никто на улицу выходить не осмеливается.

Кроме Томаса.

— Нам нужны дрова для печки, — говорит он. — Хочешь со мной, Кнут?

Конечно, хочу. Я, между прочим, терпеть не могу, если кто-то уходит гулять один.

Мы возвращаемся с полным багажником дров. Я тащу самые тяжёлые поленья прямо в дом. Хорошо, что у Томаса есть я!

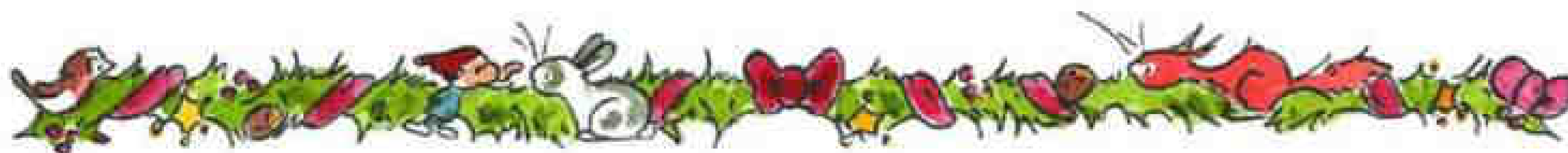

Бритта, Свенни и Бен тем временем поделили комнаты, застелили постели и разложили по полкам припасы. На плите варится какао, а сейчас мы ещё и печку растопим.

Разумеется, место перед самой печкой принадлежит только таксам. То есть мне.

— Мама, снег пошёл! — взволнованно кричит Свен. И в самом деле: белые хлопья почти мгновенно укутывают плотным ковром дюны и крыши соседних домиков. Это и впрямь очень красиво.

— В отличие от Гамбурга, здесь снег не тает, — улыбается Томас.

— Какая прекрасная идея — провести Рождество в Дании! — радуется Свенни.

— Только жалко, что тут печенья не приготовить, — сетует Бен.

— У нас с собой мука, масло, яйца и сахар, — возражает ему Бритта. — В одном из кухонных шкафов ты наверняка отыщешь противень. Если хочешь, можешь начать прямо сейчас.

— Ещё как хочу! — ликует Бен.

А Бритта закатывает глаза. Честно говоря, когда Бен готовит, на кухне всё вверх дном. Что в Гамбурге, что в Дании. Поэтому я тут же вызываюсь помочь Бену. Наверняка кусочек масла на пол упадёт или ложка-другая теста, а я тут как тут, сразу же устраню беспорядок!

Вскоре по дому разносится аромат печенья. А за окном утихает ветер и тихо падает снег.

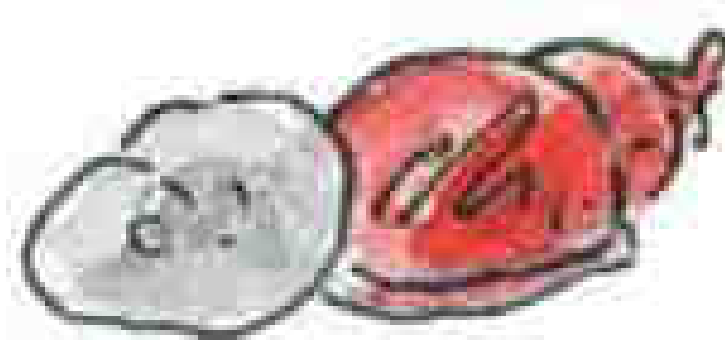
Свенни и Бен хотят пойти на улицу. Бритта и Томас предпочитают сидеть дома у печки. Мне, понятное дело, ничего не остаётся, кроме как прогуляться с мальчишками по берегу моря.

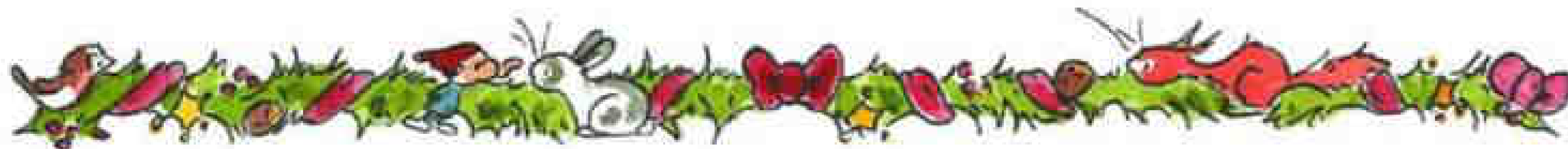
Пляж, покрытый снегом, выглядит немного забавно. А ещё у меня подмерзает пузико. Да уж, не всегда приятно, если ты рождён коротколапым.

Бен прихватил мой теннисный мячик и теперь старается зашвырнуть его подальше. По-моему, ещё ни одна такса с такой скоростью не носилась по пляжу. Так только я умею!

Бен находит красивый камушек, Свенни — раковину Тритонов рог, а я — хорошую палку. Все свои находки мы, разумеется, забираем в домик. Уже темнеет, но тёплый свет из его окон освещает нам дорогу.

На следующий день наступает сочельник. Наконец-то. Вот оно, Рождество.

В Гамбурге все вскочили бы ни свет ни заря и в панике бегали по квартире. А тут каждый встаёт, когда ему вздумается.

Свенни, к примеру, вообще вставать не желает, но и пропускать ничего не хочет. Так что из кровати он выполз, но ходит по дому в пижаме.

За завтраком Бритта говорит:

— В Гамбурге я бы сейчас только-только управилась с последними покупками. Боже мой, а нам ничего купить не надо? Думайте давайте!

— Обойдёмся, — заявляет Бен с набитым ртом. — Тут всё равно никаких магазинов нет.

— За-ме-ча-тель-но, — улыбается довольный Томас. — Всё, как я себе и представлял.

Но Бритта продолжает волноваться:

— А если мы всё-таки что-то забыли? Например, красную капусту?

— Ну, значит, сосисками наедемся, — отвечает Свенни.

А потом мы все вместе идём гулять по пляжу. Томас то и дело берёт меня на руки, чтобы мои лапы немного согрелись.

Скоро совсем стемнеет. Поэтому, вернувшись с прогулки, мы тут же принимаемся украшать наш

домик. Потом мы расставляем свечи, а один из нас, точнее я, красиво укладывает любимое одеялко, чтобы и оно выглядело по-рождественски.

И лишь когда Томас приносит коробку с ёлочными игрушками, мы понимаем, что кое-что всё же упустили.

— У нас же ёлки нет, — говорит Свенни, и голос у него немножко дрожит. Бен тоже погрузнел.

Но тут, к счастью, меня осеняет! С громким лаем я кидаюсь к задней двери. Ну почему им иногда так трудно меня понять?

Во дворе, прямо у крыльца, растёт невысокая ель. Она вся засыпана снегом. Деревце и мечтать не могло, что когда-нибудь станет настоящей нарядной ёлочкой. С каждым новым шариком, который мы вешаем на ветви, с каждой свечкой, которая озаряет ночную тьму, деревце всё краше и праздничнее.

Немного погода по домику разносятся аппетитные ароматы, Бритта накрывает на стол, а мальчишки спрашивают, когда уже будут подарки.

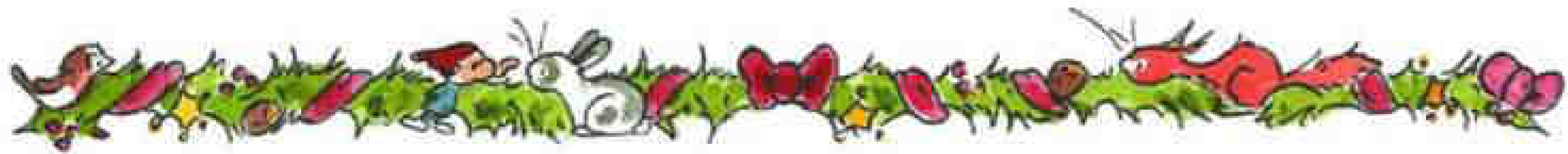
— Чуть попозже, — говорит Томас. — Сначала песню споём.

Пусть поют. А я не буду.

Потому что я лежу себе по-лёживаю на любимом одеялке

Когда всем хюггельно

у печки, смотрю то за окно на ёлочку, то на них на всех...

Вот теперь у нас действительно уютно, тепло, радостно и вообще приятно. Одним словом, хюггельно, как говорят в Дании.

А если вы вдруг забудете, что значит это слово, просто спросите таксу. То есть меня.

Лиза и бельчонок

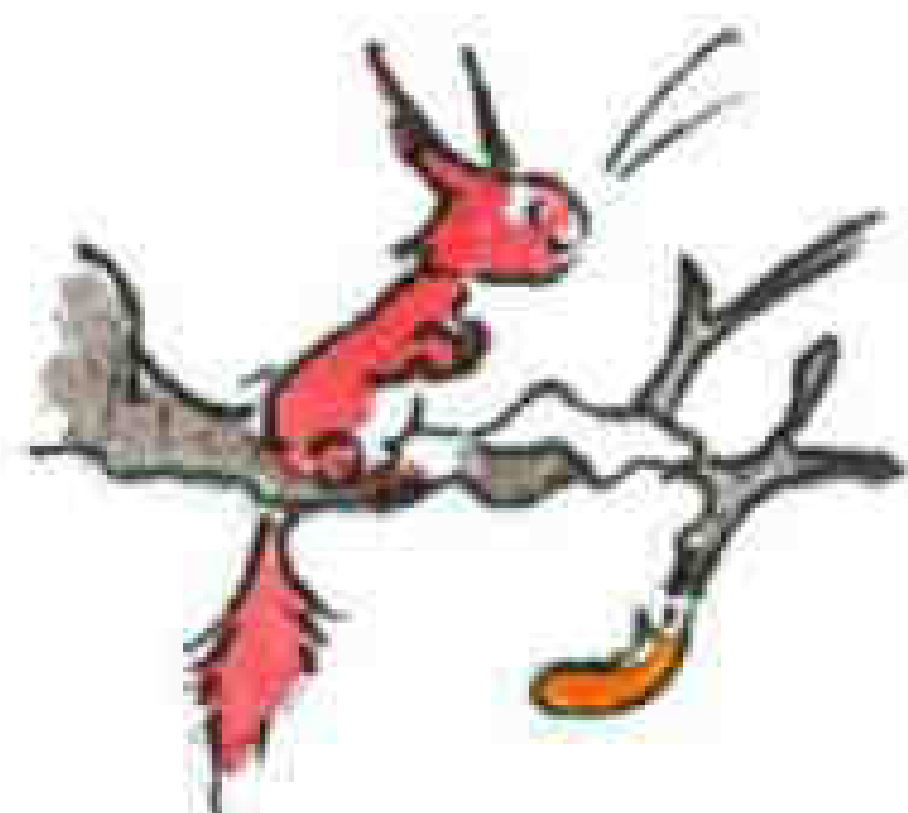
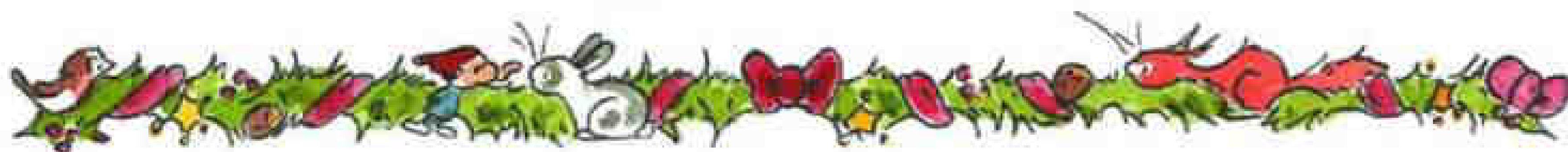
Лиза жила на улице Дубовой. Это название удивительно подходило улице: рядом с каждым домом рос большой дуб. Почти все деревья были очень старыми, гораздо старше самих домов. Дубы высились над крышами, защищая дома от ветра, дождя и снега, а летом и от слишком яркого солнца.

Там, где много дубов, обычно обитают белки. Во всяком случае, на Дубовой улице их было великое множество.

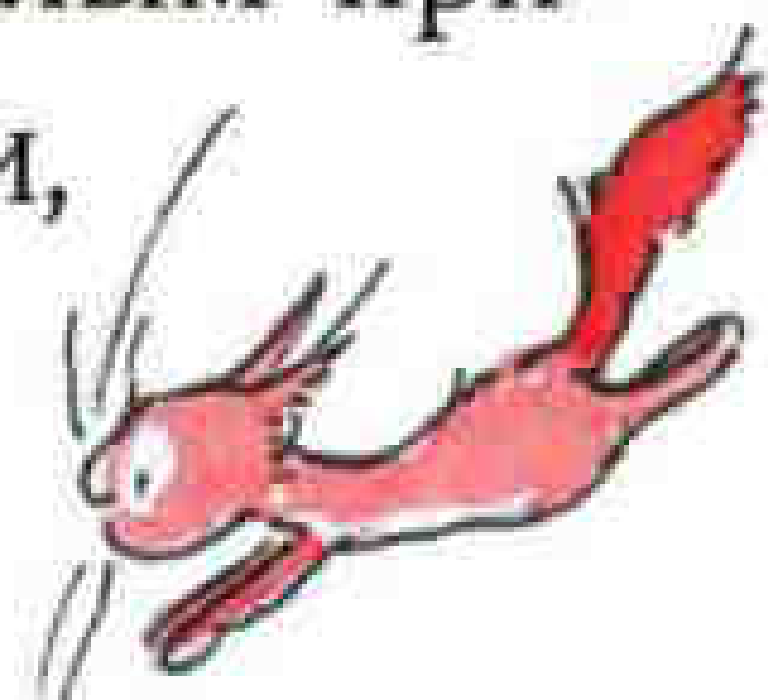
Каждое утро, когда Лиза выезжала в школу на велосипеде, навстречу ей попадалась хотя бы одна белка. И Лиза всегда очень радовалась, потому что белок она обожала.

Лизина комната находилась на втором этаже, первая слева. Окно её выходило на улицу. Большой дуб раскинул ветви совсем рядом с этим углом дома, и Лизе казалось, что она живёт прямо в густой кроне. Летом это было особенно удобно. Сквозь зелень проникал

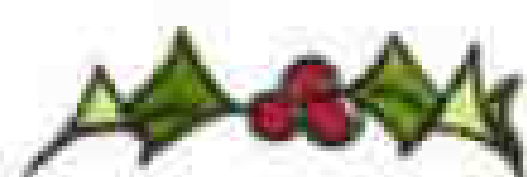

солнечный свет, а тени было ровно столько, чтобы комната никогда не перегревалась. Осенью дуб наряжался и радовал глаз всевозможными оттенками охры и золота. Ну и, конечно же, на нём росли сотни, а то и тысячи желудей, которыми так любили лакомиться белки.

Лиза наблюдала за белками из окна. Они то прихорашивались, то дремали, но чаще с весёлым прищёлкиванием или писком прыгали, бегали, играли друг с другом в догонялки. Если Лиза оставляла окно открытым, белки порой заглядывали в её комнату.

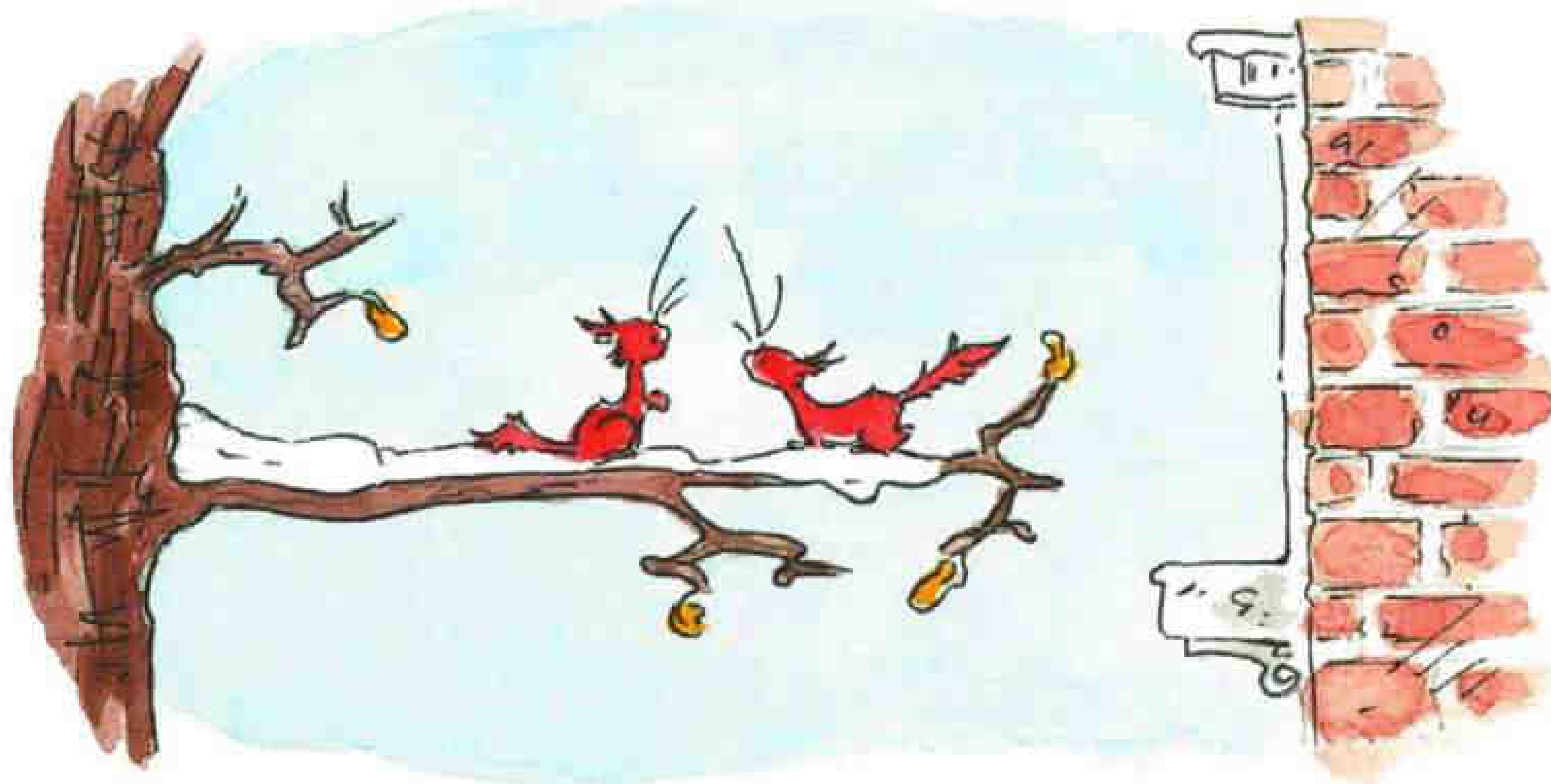

Был среди них один очень любопытный бельчонок. Он то и дело оказывался возле раскрытого окна. Похоже, не очень-то он Лизу и боялся. Особенно ему нравилось её навещать, когда она сидела за письменным столом. Так что ей частенько доводилось учить уроки в приятной беличьей компании.

Этой осенью жёлуди покрыли землю плотным ковром. В энциклопедии про природу Лиза как раз прочла, что большой урожай желудей обещает суровую зиму, со снегопадами и морозами.

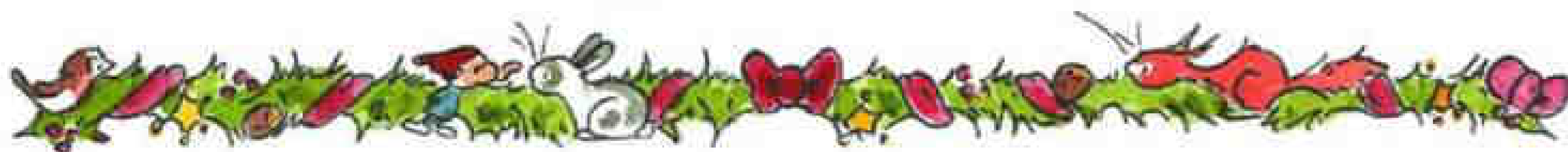

Так и вышло. До Нового года было ещё далеко, а ночи уже стояли отчаянно холодные. Дважды случался такой гололёд, что в школе отменяли занятия.

Перед каникулами снова пошёл снег. Да ещё какой! Вся Дубовая улица стала белым-бела. Можно было даже не подметать дорожки — снег шёл так густо и ложился так плотно, что убирать его не имело смысла. Заснеженная улица выглядела очень красиво, но Лиза подумала: каково сейчас бедным белочкам?

Она знала, что осенью белки запасли себе много желудей. Интересно, а как они вспомнят, куда именно зарыли припасы? Впрочем, земля всё равно застыла, сделалась твёрже камня, и выкопать из неё жёлуди стало невозможно.

Соседка, госпожа Всезнайка, сказала, что белкам запасы не нужны, потому что зимой они впадают в спячку.

Но Лиза сомневалась, что это правда. Когда становилось слишком холодно, белки на часок-другой засыпали у себя в дуплах или гнёздах.

В такие дни им не требовалось много еды, потому что сил на сон тратилось мало. Но в настоящую спячку, как, например, ежи, они не впадали.

Наверное, сегодня у белок как раз случился сонный день. Или им было слишком холодно, чтобы высунуться из дупла? Потому что Лиза пока не видела своего знакомого бельчонка.

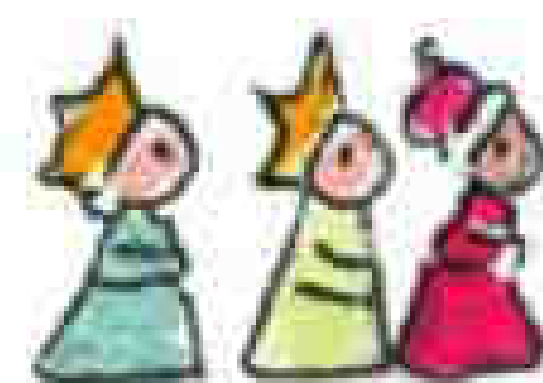
Лиза впервые подумала: а где он живёт? Круглые беличьи гнёзда выделялись на ветках дубов, особенно сейчас, когда опали почти все листья. Но вот на дубе рядом с Лизиным домом ни одного гнезда видно не было. А она верила, что её бельчонок не может жить нигде, кроме как на её дубе. Только вот где именно?

В первый день каникул Лиза как следует выспалась. Потом позавтракала вместе с мамой. У мамы — ура! — тоже начался отпуск. И вдобавок в газете напечатали новенький каталог игрушек. Так что можно было не сомневаться: праздники совсем близко.

Но каталог Лизу не заинтересовал. Тем более что его тут же схватил Лассе, Лизин младший братишка. А она стала смотреть в окно. Потому что её дуб отлично было видно даже из окна кухни.

На дубовом стволе, как раз под самой толстой веткой, Лиза вдруг обнаружила небольшое отверстие. Конечно, оно не напоминало маленькую дверцу с круглым стёклышком-глазком и замочной скважиной, и рядом с ним не висело ни таблички, ни крохотного фонарика. Но Лиза была уверена: именно тут находился вход в квартирку её бельчонка.

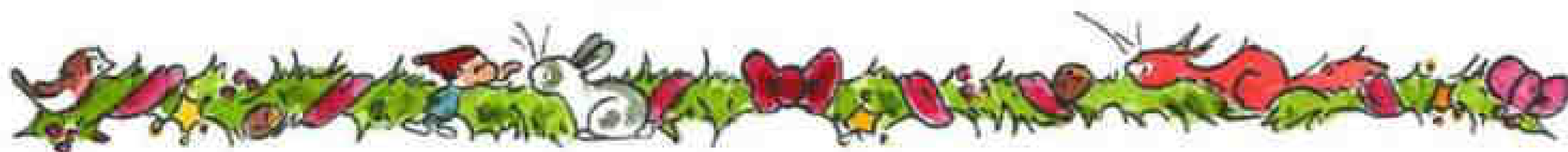

Чуть позже, когда меж снежных туч проглянуло солнце, бельчонок высунул свой любопытный нос из дупла. Он понюхал холодный воздух и осторожно запрыгал по снегу, который лежал на всех ветках,

словно пышные подушки и одеяла. А потом бельчонок заглянул в окно к Лизе.

Увидел уже знакомые ему кровать с нарядным покрывалом, изящную тумбочку с ночником. В изголовье Лиза

повесила яркую картинку. Ах, как хотелось бельчонку, чтобы и у него в дупле было так же красиво! Он прижал нос к стеклу, словно ребёнок, стоящий перед витриной с игрушками. Вздохать бельчонок, правда, не вздыхал, потому что белки редко вздыхают, но зато он грустно думал, что его желанию не суждено сбыться. Откуда, скажите на милость, возьмутся у бельчонка кровать, тумбочка и всё прочее?

— Ах вот ты где! — обрадовалась Лиза, увидев за окном острые беличьи ушки.

А потом... Может, зимний холод был тому виной. Может, в воздухе уже немного пахло рождественскими чудесами. Или, может, дело в том, что Лиза наконец-то обнаружила, где живёт бельчонок?

В общем, она и сама не знала, как это вышло, но вдруг ей пришла в голову замечательная идея. Лиза взяла с полки кукольную кроватку. Сама она уже давно с ней не играла, но была уверена, что бельчонку кроватка пригодится.

Осторожно и очень медленно Лиза открыла окно и выставила подарок на широкий подоконник. Прямо перед носом бельчонка.

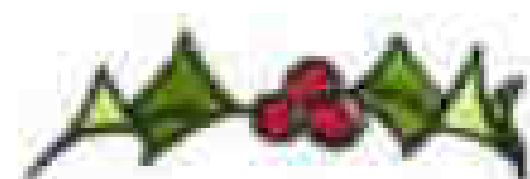

Тут что-то завопил Лассе — ему срочно понадобилась старшая сестра. Поэтому Лиза не узнала, что же случилось дальше. Но когда она вернулась, кровати уже не было.

На следующий день то же самое произошло с кукольным постельным бельём. А ещё через день на подоконник отправились игрушечная тумбочка и настольная лампа.

Ни разу не удалось Лизе увидеть, куда исчезали её вещи. Она не знала, бельчонок ли их забирал или кто-то ещё.

Настал сочельник. В этот день предстояло много дел, и все немного волновались. Хотя хлопоты были очень приятные: зажечь свечи на ёлке, спеть хором несколько рождественских песен, а потом приняться за распаковку подарков. Лиза ходила и думала, знают ли белки о Рождестве, и если да, то как они его празднуют.

И тут она заметила: на подоконнике что-то есть. Что-то такое, чего вчера точно не было.

Там лежал жёлудь. Очень большой и красивый, в желудёвой плетёной шапочке. А на нём — и это

Лиза и бельчонок

было самое удивительное — виднелось маленькое сердечко. Такое сердечко мог выгрызть на жёлуде только тот, кто имел очень острые зубки и верный глаз. Тот, кто, наверное, сейчас праздновал Рождество в своём тёплом дупле. И у кого теперь были и кроватка, и мягкая перинка, и тумбочка с ночником. Тот, у кого вместо яркой картинки в изголовье кровати висел сейчас, возможно, самый красивый дубовый лист.

Как я уже сказал, Лиза не могла знать наверняка. Но ей нравилось об этом думать. Очень-преочень.

Ладно уж, вам я скажу по секрету: бельчонку новая обстановка у него дома тоже очень нравилась.

Без снега

Оле в который раз высунулся из окна и грустно повторил:
— Да ничего не будет.

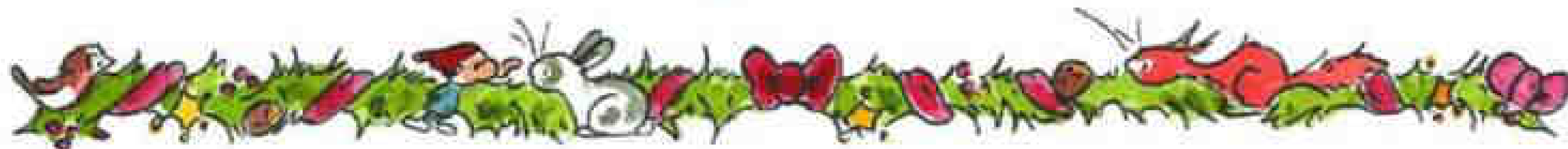
Он имел в виду белое Рождество. Потому что снегом, увы, даже не пахло. Если что и падало временами с неба, так только дождевые капли. Для снега было слишком тепло. А ведь уже наступил сочельник...

К празднику всё готово. В любой момент могли появиться бабушка с дедушкой. Как приедут — все сядут за стол. Так заведено. А потом будут подарки. Но до них ещё часа два, наверное. И если над их домом не пролетит внезапная сильная метель, про белое Рождество можно забыть.

— Да какая разница! Всё равно на улице темно, — сказала Йоханна.

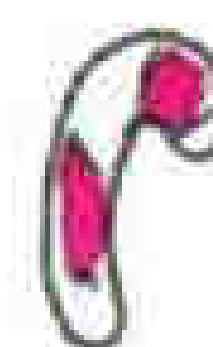
Оле решил ей не отвечать. Старшие сёстры в таких делах ничего не смыслят. Белое Рождество или не белое, им всё равно. А ведь разница есть,

да ещё какая. И поэтому Оле основательно подготовился.

План мальчика был гениально прост. Единственная сложность заключалась в одном — незаметно проскользнуть мимо мамы с папой. По счастью, папа готовил праздничный ужин, и его интересовали лишь еда и ещё примерно тысяча дел, с ней связанных.

С мамой оказалось куда труднее. Она всегда знала, что там у Оле за планы, даже когда он их только обдумывал.

А вот Оле никак не мог взять в толк, почему мама в сочельник то и дело бегает вверх-вниз по лестнице, то исчезая в гостиной, то возвращаясь обратно. Им с Йоханной туда вот уже пару дней не разрешали заглядывать! Мама, казалось, успевает во все места в доме одновременно. К тому же она, в отличие от папы, никогда не бывала настолько занята, чтобы не спросить у Оле:

— А куда это ты собрался?

— Пойду посмотрю, не идут ли бабушка с дедушкой, — сказал Оле, нажимая на дверную ручку.

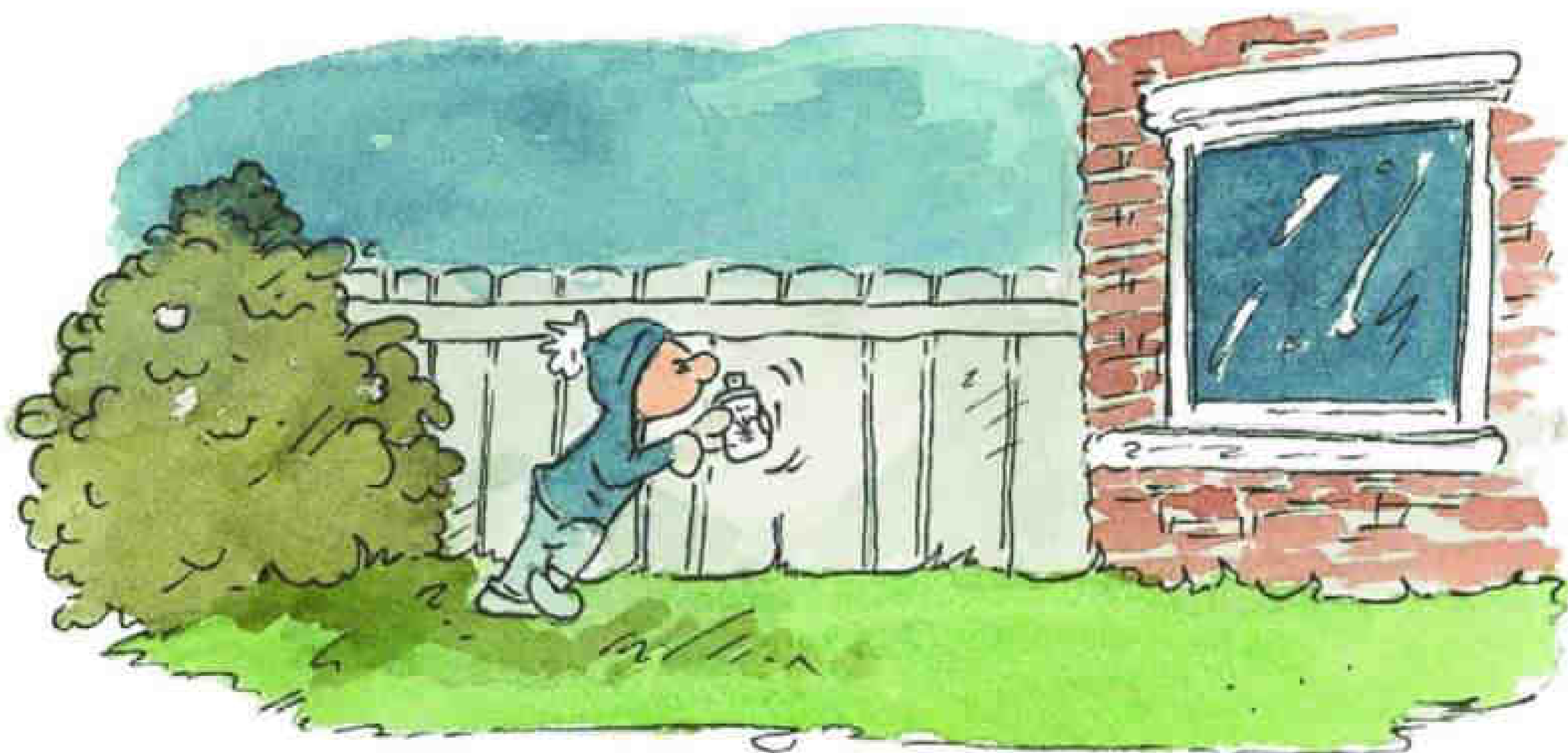

— Надень куртку, — велела мама. — Там холодно.

— Да ну, ни капельки, — возразил Оле.

Уф! Наконец-то он выскочил из дома! Первым делом Оле проверил, точно ли не идёт снег. Увы! Было так тепло, что даже зимняя куртка оказалась ему не нужна. Значит, настало время решительных действий.

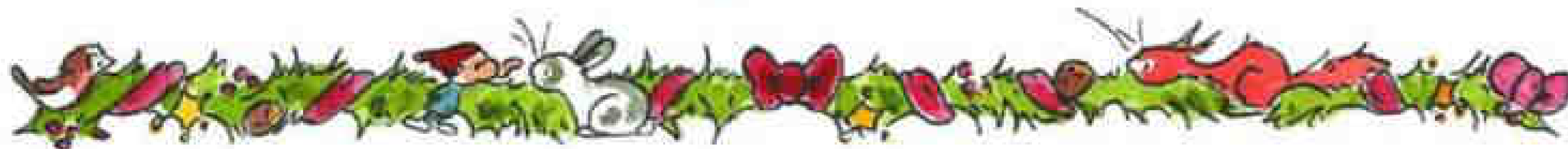
Ужин удался на славу. Папа, как обычно, подробно рассказал о рецептах, и это заняло порядочно времени.

Но всё равно его внимательно слушали, не перебивали. Рты-то у всех были набиты едой.

За десертом взрослые принялись обсуждать погоду.

— Это самый тёплый декабрь за последние сто лет, — рассказывал дедушка. — Так по радио передали.

— Ужасно, — вздохнула бабушка. — Вот раньше зимы у нас были холодные да снежные. Было сразу видно, что зима наступила.

Понемногу все наелись, и тарелки переко-
чевали с праздничного стола в посудомойку.

Настала пора идти в гостиную за подарками.

Оле волновался, пожалуй, даже немножко больше обычного.

Все любовались прекрасной наряженной ёлкой. Пели рождественские песни. А потом не спеша и с удовольствием начали распаковывать подарки. Между прочим, это было даже лучше праздничного ужина. Нарядную обёрточную бумагу дедушка аккуратно разглаживал и складывал про запас.

— Жалко такую красоту выкидывать, — объяснял он.

Оле подумал, что некоторые из обёрток уже явно примелькались с прошлых праздников. Правда, с каждым годом они становились всё более мятыми.

— Ах, как у нас хорошо, — улыбнулась бабушка. — Вот только жаль, что не судьба нам полюбоваться белым Рождеством.

— Ха, как бы не так! — воскликнул Оле и резко раздвинул шторы. — Сюрприз!

Все замерли, глядя на окна гостиной. Они были белым-белёхоньки. Ни пятнышка, ни щёлочки не нашлось бы в той белизне.

Без снега

- Ч-что это такое? — спросила мама, недоумевающая.
- Пшикалка со снежной пеной, — объяснил Оле. — Консервированный снег. Как вам, нравится?
- Ну... наверное... скорее нравится... — промямлил папа.
- По крайней мере, всё теперь белое, — рассмеялся дедушка.

А Йоханна не удержалась от ехидного замечания:

- Этой штукой обычно не все окна запшикивают. Смотри, стёкла-то как перепачкал. Ужасно выглядит.

Но Оле её не слушал. Старшие сёстры в таких делах ничего не смыслят. А сам Оле был в восторге от собственной задумки. И потом, дедушка же сказал: по крайней мере, теперь Рождество и в самом деле побелело!

Самый шмыгательный праздник

Был канун Нового года, и вся большая семья Одуванчиков суежилась, как могла.

Суежа перекинулась даже на бабушку и дедушку, которые жили по соседству. Они были ужасно заняты, потому что готовили всевозможные лакомства. Дедушка что-то чистил, резал, мешал, месил и даже раскатывал тесто, а бабушка Одуванчик им командовала.

Ну а как же обстояли дела в самом семействе Одуванчиков? Папа спешил за покупками с длинным списком в лапах: в последнюю минуту ему предстояло обзавестись ещё Тем, Этим и особенно важным и неотложным Вот Таким. С собой за компанию папа прихватил Матти, самого младшего из Одуванчиков.

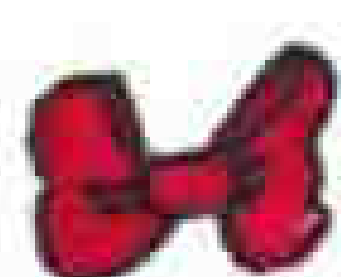
Его многочисленные сёстры были этому очень рады. Они упаковывали подарки. А это непростое занятие,

Самый шмыгательный праздник

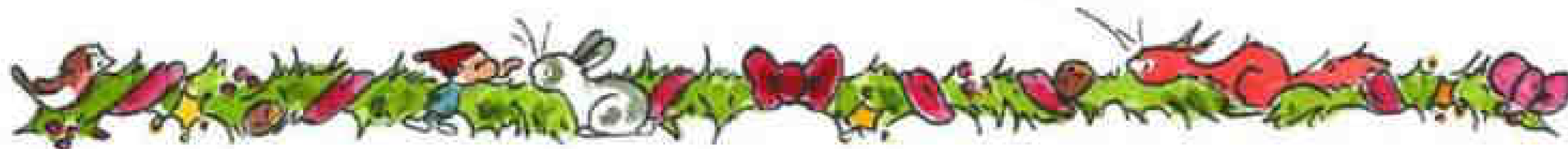
ведь важно не испортить друг другу сюрприз. Так что и без младших братишек у них хватало забот.

Братишек? Ну да! Только куда запропастился Юлик Одуванчик?

Юлик сидел в своей комнате и даже прикрыл дверь, чтобы ему никто не мешал. У него дел было по горло, а старшие сёстры постоянно отвлекали! Они звали его то прижать лапкой бант на подарке, то раскатать обёрточную бумагу и подержать её, чтобы не закрутилась обратно. Но когда Юлик обнаружил на своих ушах сразу несколько золотых звёздочек-наклеек, он не выдержал. Кроличьи уши нельзя обклеивать картинками! Даже золотыми. Даже звёздами. И вообще. Юлик пообещал маме, что подпишет карточки с именами гостей для праздничного стола. Он уже умел писать. Но для этого ему требовалось сосредоточиться. Тем более что имён оказалось очень много.

Самый мигающий праздник

А кроме того, каждая из карточек с именем должна была выглядеть по-новому.

Юлик вытащил все свои цветные карандаши. Даже такого редкого цвета, как тёмно-красный и небесно-голубой. Он сидел на полу возле кровати, писал имена, раскрашивал их карандашами, а потом и красками. Тряпичный лягушонок Оскар ему помогал чем мог. Правда, тряпичные лягушата не очень-то разбираются в правописании, рисовании и раскрашивании. Вот и Оскар: откуда ему было знать, не ошибся ли Юлик?

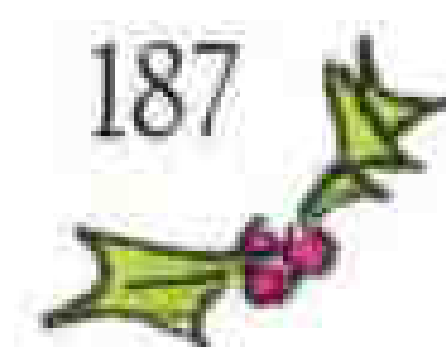
— Пойду лучше маму спрошу, — решил наконец Юлик и поплёлся на кухню со всеми своими карточками.

Но мамы там не оказалось. Может, она ушла гостиную украшать?

Но и в гостиной мамы не было.

Юлик проверил ещё пару каморок. Чего-чего, а уж этого добра у них было полным-полно, как и в любой приличной кроличьей норе.

Но как ни искал Юлик, маму так и не обнаружил. Кто же мог подумать, что она вздумает прилечь посреди белого дня? А в спальню Юлик, конечно, заглянул в последнюю очередь.

Из-под одеяла высовывался только мамин нос. И был он довольно-таки красный. У бедной мамочки приключился жуткий насморк!

— Тучки-колючки, ничего себе! — ужаснулся Юлик, осторожно глянув на маму.

— Да не то слово. — Она хлюпнула носом. — Ближе ко мне лучше не подходи. Не хватало ещё тебе заразиться.

— Может, я могу чем-то помочь? — спросил Юлик. Помогать он точно умел лучше всех.

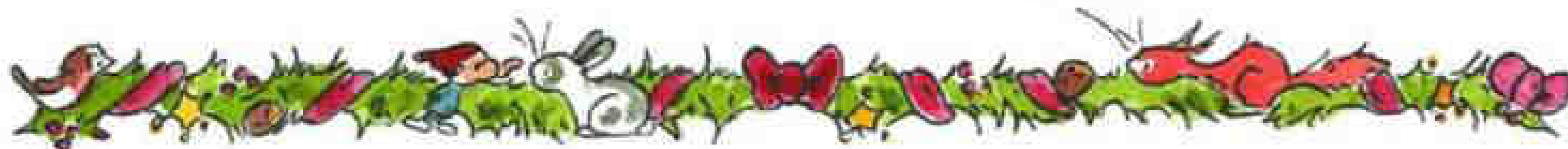
— Это очень мило с твоей стороны, — ответила мама и тут же закашлялась. — Но помогать мне не стоит. Я немножко отдохну и встану. Как там твои карточки с именами?

— Лучше не бывает, — ответил Юлик, показывая, что он уже написал.

— Да, выглядят прекрасно, — оценила мама. — Вот только тут чуть-чуть подотри, «бабушка» через одно «к» пишется.

— Как-то странно с одним «к» выглядит. Ты уверена? — усомнился Юлик.

— Абсолютно, — ответила мама. То есть сначала она чихнула, а потом уже ответила.

А потом разразилась ужасным кашлем.

Так решительно не могло продолжаться. Что бы мама ни говорила, Юлик решил, что всё равно ей поможет.

Начать он хотел с чая. Ромашковый чай всегда пьют при больном горле. Лучше всего было бы заварить свежую ромашку. Но как Юлик ни искал по всей их большой кроличьей кухне, найти ромашку не смог. Он отщипнул пару метёлок орегано из горшка, стоявшего на подоконнике. Наверняка и орегано так же хорошо поможет.

— Теперь нужна ложечка мёда, — решил Юлик. Мёд лечит от кашля, это дедушка говорил. Но и мёда нигде не нашлось. Ближе всего к мёду по цвету оказалось сливочное масло.

Увы, получившееся зелье выглядело не очень аппетитно. Даже сам Юлик это признал. И потому добавил клубничного варенья.

Ну а дальше возникла новая проблема. Юлику пока не разрешали самому включать плиту.

Это было опасно. Тогда он заварил чай просто горячей водой из-под крана.

Честно говоря, она не очень-то годилась для заваривания. Но ничего не поделаешь.

Самый шмыгательный праздник

Юлик осторожно понёс чашку в спальню. Пролилось при этом всего-то чуть больше половины.

— Пей давай. Чай тебе поможет, — решительно потребовал Юлик.

Мама покосилась на чашку.

— А из чего он? — поинтересовалась она.

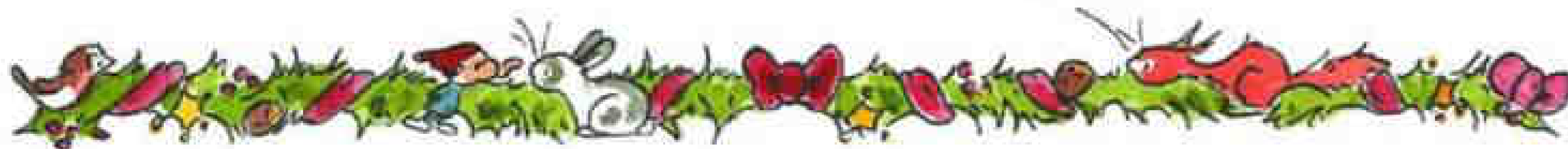
— Из одних полезностей, — пояснил Юлик. — А что-нибудь ещё тебе нужно?

— Нет! То есть — спасибо! — ответила мама как раз между двумя приступами чиха. — А впрочем, сходи-ка посмотри, не вернулся ли папа.

Юлик тут же слетел по лестнице на первый этаж. Он промчался по кухне и как раз добежал до коридора, когда в дверях показались папа и Матти, нагруженные покупками.

— Мама у нас заболела, — поведал Юлик, забирая у папы сумку. А потом прибавил: — У неё ужасный насморк.

Самый шмыгательный праздник

— Ох, нет, — вздохнул папа. — Как нарочно, под самый Новый год.

«Вот-вот, — подумал Юлик. — Если мама вскоре не поднимется, как обещала, то пропустит все праздники. А это никуда не годится. Бедная мама».

— Я что-нибудь придумаю, — решил Юлик по пути к себе в комнату. Матти он тоже взял с собой. Братишка был, пожалуй, ещё маловат, но в такой ситуации важна любая помощь.

К величайшей досаде всей семьи, мамин насморк за целый день ничуть не улучшился, а стал ещё хуже. А всё потому, что она так и не прикоснулась к помогательному чаю. Вот в чём дело было, совершенно точно!

Пришлось признать: праздники мама проведёт в постели.

Юлик сидел у себя в комнате и думал, что теперь делать. То есть сначала он спросил папу, не нужна ли ему помощь. Может, полы на кухне помыть. Или гостиную украсить. Но папа сказал, что, пожалуй, он сам со всем справится.

— Могу поспорить, что твоя помощь очень и очень нужна дедушке, — заявил папа.

Поэтому Юлик уложил Матти на послеобеденный сон, что и в самом деле было отличной помощью, а потом помчался через двор к бабушке.

У бабушки дома чудесно пахло — морковным тортом, кексом с грецкими орехами, овощами, пудингом и много чем ещё. Он сидел на табуретке под окном, шинкуя То, очищая и раскалывая Это, и конца-краю его работе не было видно.

Бабушка что-то мешала сразу в трёх кастрюльках, то и дело поглядывая на духовку, из которой тоже доносились абсолютно восхитительные ароматы.

— Ну, хоть угощение будет, — сказал довольный Юлик.

— А с чего бы это ему не быть? — удивился дедушка.

— Ну, просто весь остальной праздник, считай, пропал, — вздохнул Юлик и пояснил, очень волнуясь: — У мамы ужасный насморк! Она даже в постель легла.

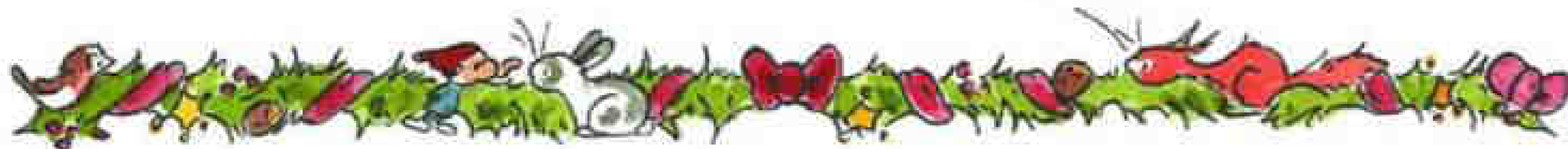
— Ох, пойду-ка я за ней присмотрю, — отозвалась бабушка, вытирая лапки о передник, и тут же скрылась за дверью.

— Думаешь, придётся отменить праздник? — уточнил дедушка.

— Понятия не имею, — признался Юлик. Но тут ему в голову пришла отличнейшая идея. Успев лишь крикнуть: «Пока, дедушка!» — он вылетел на улицу.

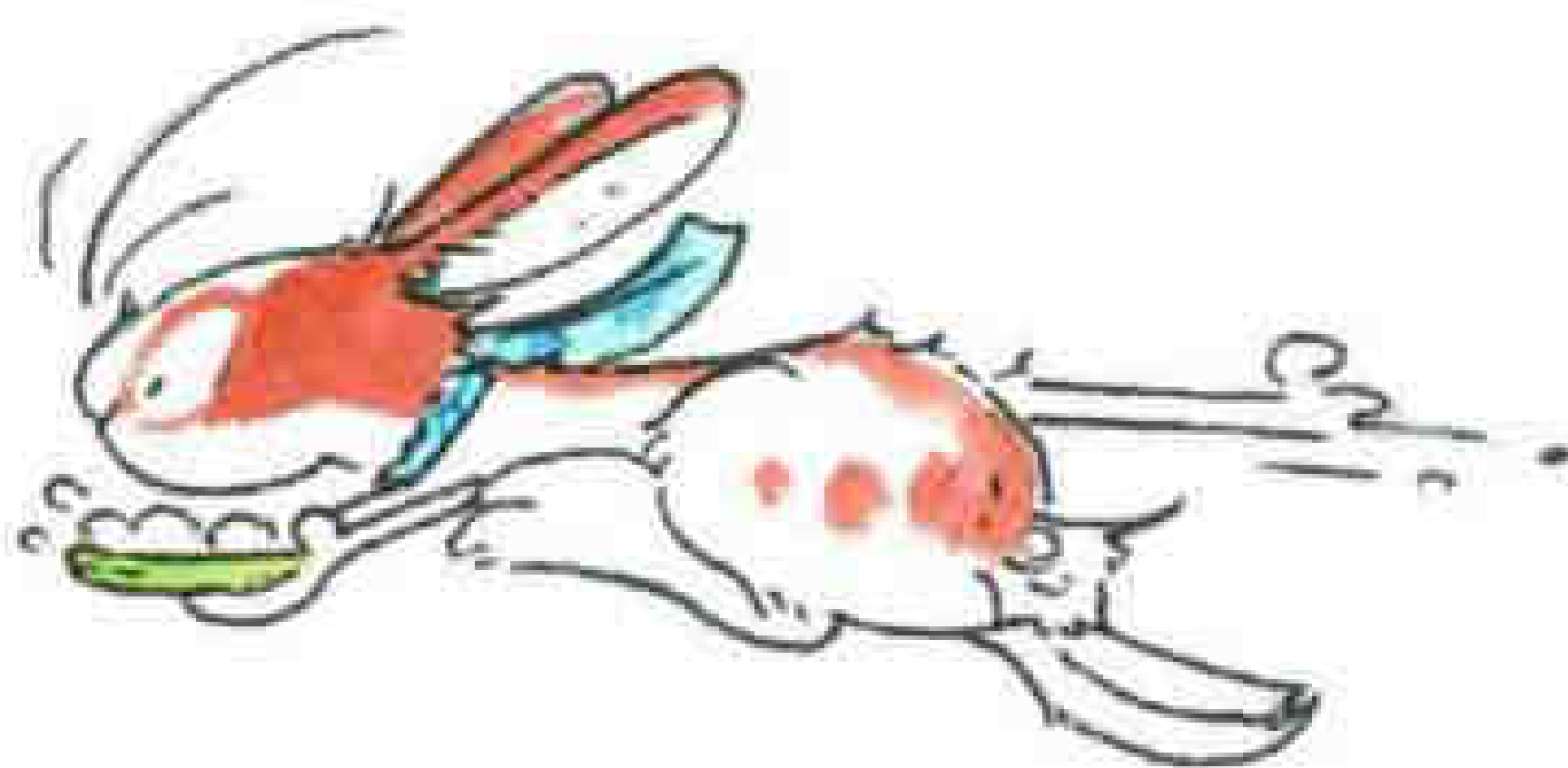
Самый мигающий праздник

Вот же оно, решение! Раз мама не сможет спуститься на праздник в гостиную, всем придётся подняться к ней. И Юлик даже знал, как именно он это устроит.

День прошёл в предпраздничных хлопотах. Папа вихрем носился по всей норе и вообще очень старался.

С наступлением темноты их длиннющий кухонный стол оказался сервирован со всей тщательностью. Бабушка с дедушкой обещали принести разные угощения. Сестрицы-крольчата украсили ёлку. По ветвям развесили расписные деревянные шарики и красные яблоки, а между ними — маленьких золочёных крольчат и звёздочки из соломы. Не забыли они, конечно, и свечи. Ёлка смотрелась очень красиво.

Одно было странно: с обратной стороны, там, где это не сразу бросалось в глаза, вдруг не оказалось нескольких шариков, звёздочек, яблок, золочёных кроликов и свечей.

Верхушки ёлки тоже никто не хватился. И даже того, что гора подарков в ярких обёртках понемногу уменьшается, никто не увидел.

Самый шмыгательный праздник

А ещё пропали Юлик и Матти. И очень долго их не могли найти.

Вечером все уселись за стол. Семейство принарядилось. Папа Одуванчик повязал на шею праздничный галстук, сестрёнки нацепили новые бантики между ушами. Юлик и Матти надели голубенькие свитера. Ну а бабушка с дедушкой всегда были одеты нарядно и аккуратно.

Только бедная мама Одуванчик не вставала с постели. У неё так першило в горле, что ни о какой еде она и думать не могла. Да ещё и кашель этот ужасный...

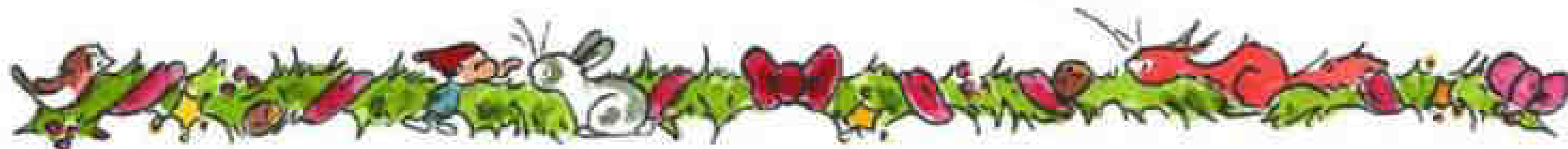
Зато все остальные Одуванчики с удовольствием набросились на еду.

А потом настала пора открывать подарки.

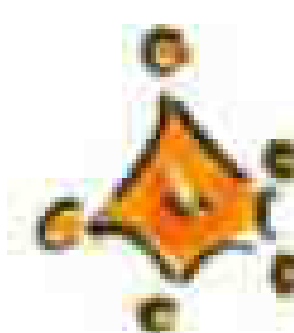
Обычно это происходило в гостиной, потому что там стояла ёлка. Под её ветви целыми стопками складывались нарядные свёртки. Так оно и было всегда. Но вот сегодня...

— Сегодня всё будет иначе, — объявил Юлик. — Не расходитесь, пожалуйста, сейчас такое начнётся!

С этими словами он исчез в чулане, увлекая за собой Матти. Из чулана донеслись хихиканье и шуршание. А потом оба крольчонка снова появились перед семейством. Они нарядились маленькими ёлочками. На обоих были теперь зелёные свитера, украшенные яблоками, шариками, золочёными крольчатами и соломенными звёздочками, незаметно утащенными с большой ёлки. Юлик держал в каждой лапке по свечке. Конечно же, в подсвечниках, чтобы не обжечься.

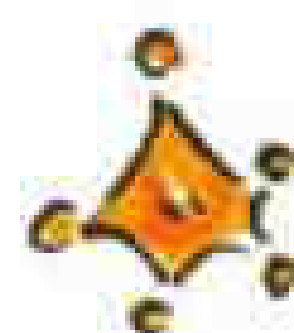
Для свечей Матти был пока маловат. Зато ему позволили держать ушами красивую верхушку для ёлки. И он этим ужасно гордился.

— Сегодня мы будем праздновать этажом выше, — объявил Юлик и первым пошёл вверх по лестнице. Все ступеньки были завалены подарками. Пришлось каждому искать свои.

Ещё на лестнице Юлик запел любимую новогоднюю песню про ёлочку. И все тут же принялись ему подпевать. А когда они наконец добрались до дверей спальни и распахнули их, мама уже сидела в постели и сияла от радости.

— Мы бы ни за что не стали праздновать без тебя! — крикнула громче всех ёлочка, вернее Юлик.

Самый шмыгательный праздник

Если раньше красным был только мамин нос, потому что насморк и не думал проходить, то теперь у неё покраснелись даже уши. И тут уж простуда была совершенно ни при чём.

— Ах, Юлик! — засмеялась мама.

А потом начался праздник. Ведь на самом деле не так важно, где именно его отмечать — сидя всей семьёй на диване в зале или же тут, в тесной спальне, на кровати у мамы. Главное — быть вместе.

Позже, когда семейство Одуванчиков вспоминало этот Новый год, все они улыбались. И думали про толкотню в крохотной спальне, громкие голоса, распевавшие песни, про поиск подарков и про Матти с Юликом в их сверкавших костюмах. И особенно любили они вспоминать, как замечательно Юлик помог маме и остальным. Ведь помогать он и правда умел лучше всех!

Чудо о бельчонке

Величественный собор поднимался в ночном небе над окрестными домами, словно желая своей красотой оградить их жителей от всего плохого.

Подумать только: много веков назад горожане сумели разрушить огромную гору, чтобы на этом самом месте возвести её снова. Конечно же, вытесан-

ные из горы камни им оченьгодились. Из них они создали прекрасное здание!

Стены собора с их огромными разноцветными витражами выглядели настолько воздушно и изящно, словно и не давила на них тяжесть крыши. Переплетение арок и колонн было подобно густому лесу. А гигантский фасад, тоже целиком вытесанный из камня, походил на тончайшие кружева.

И только если приглядеться как следует, можно было заметить, что вокруг порталов, меж колоннами и под каждым из деревянных и каменных балдахинов располагались многочисленные фигуры.

Чудо о бельчонке

Были среди них и святые, и ангелы, и мифические существа, и герои евангельских притч, и даже несколько демонов.

А если быть особо внимательным, то совсем наверху, между апостолами, можно было заметить фигурку бельчонка.

Весь город любил этого зверька. И каждый ребёнок знал его историю.

Её-то я и хочу вам сегодня рассказать.

Год 1280-й. Мы перенеслись в Средневековье, которое, кстати сказать, было не таким уж тёмным, как иногда принято думать.

Во всяком случае, жители города в общем и целом были довольны своей жизнью.

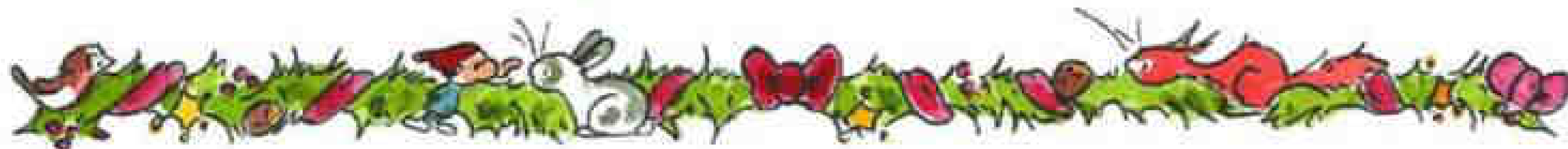
Люди трудились, никто не голодал, и городские дома здесь строили на совесть.

Да что там: некоторые из множества улиц, переулков и кривых проулочков были даже вымощены камнем.

Неприступные городские стены охраняли крепкий, спокойный сон всех, кто жил внутри.

Епископ и король владели огромнейшими дворцами, слухи о красоте которых разлетелись далеко за пределы страны.

Но самым знаменитым сооружением считался собор. Он был огромен — куда больше всего, что люди видели прежде.

Более ста лет его строили: возводили стены, изготавливали драгоценные витражи, вырезали из дерева кафедру, устанавливали над ней балдахин, высокий, почти как небо.

Наконец собор был готов. Две башни придавали его фасаду особое величие. А над так называемым средокрестием — местом соединения длинной и короткой частей собора, образующих крест, — возвышалась третья, ещё более высокая башня.

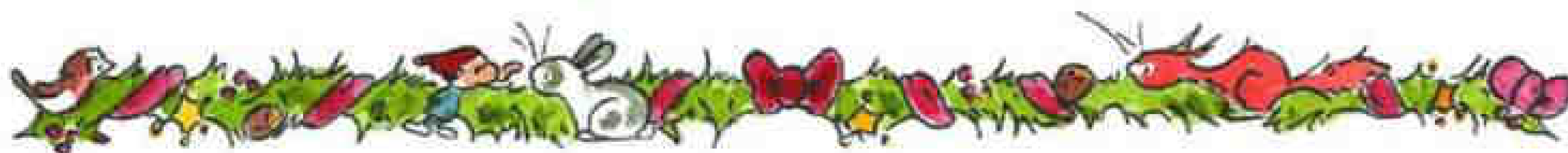
Искусно обработанные камни стен казались почти белыми, а вот отдельные фигуры и колонны были ярко расписаны. Люди, открыв от удивления рты, стояли на главной площади, стараясь разглядеть самые мелкие детали. Они моментально узнавали истории и притчи, описанные в Библии, — так и задумывалось создателями собора. Водостоки в виде огромных чудовищ, грозно взирающих с крыши, пугали людей до мурашек. Впрочем, и это было задумкой строителей.

Возведение собора растянулось на долгие годы, и почти всю жизнь многие горожане провели возле гигантской стройки.

За это время многие успели состариться, в том числе перчаточник.

Но он ещё помнил, как мальчиком смотрел на строящиеся башни, рядом с которыми возвышались деревянные подъёмные краны.

Хозяйка гостиницы «Жареный миндаль» была даже старше перчаточника. Её дедушка в давнее время помогал установить фигуры апостолов, о чём она не без гордости любила рассказывать.

Впрочем, любой горожанин мог поведать свою историю, связанную с собором. В этом были единодушны все: и старый, и малый, и даже животные.

Голуби, к примеру, первыми выяснили, что можно поселиться в укромных уголках собора.

Галки крикливыми стаями кружили над средней башней.

В северной башне уютно устроилась пустельга. А в каком-то потайном местечке днями напролёт, говорят, дремала небольшая сова-сипуха.

Само собой разумеется, что мыши — и летучие, и обычные — тоже там поселились.

Но не забудем и про бельчонка. Жил он на одном из деревьев, которые росли на соборной площади. Так что из его дома открывался лучший вид на собор.

Правда, бельчонок никогда в жизни не пробовал перебежать площадь, чтобы вблизи рассмотреть это каменное чудо. Лес из опор здания был такой густой, что, похоже, бельчонку ничего не стоило бы забраться наверх. Да и колонны соблазнительно напоминали стволы деревьев. Но шум стройки пугал бельчонка, и он держался подальше. А уж когда на главной площади разворачивалась шумная ярмарка, маленькому зверьку тем более не хотелось туда соваться.

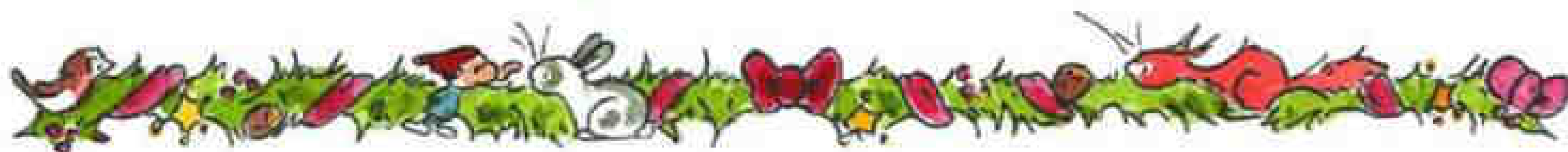
Так и жил бельчонок на своём дереве, боясь приблизиться к собору хоть на прыжок. Но, как это часто случается в почти не выдуманных историях, всё изменилось в один прекрасный день. Точнее, в одну прекрасную ночь.

Наступил первый сочельник, который наконец-то можно было отпраздновать в новом соборе. В полночь епископ соби-
рался начать торжественное богослужение. А поскольку даже сам король объявил о своём появлении в соборе, его верные гвардейцы с самого утра и до поздней ночи охраняли главную площадь.

На город опустилась синяя ночь, снег укрыл всё вокруг, приглушив звуки.

— Сейчас или никогда! — сказал себе бельчонок. — Более удобного случая не представится.

С этими словами он быстро-быстро слез со своего любимого дуба, напоследок огляделся по сторонам — и со всех лап поскакал к собору через заснеженную площадь.

Несколько прыжков — и вот он уже у подножия величественного здания. Мигом бельчонок взлетел по ближайшей колонне — белок всегда тянет забраться повыше. Наконец он уселся между апостолами, сам удивляясь, как же сюда попал. Апостолы выглядели как люди и были с ними примерно одного роста. Но, в отличие от людей, они казались блёклыми. А ещё они были совсем холодные и не дышали. Да и ничем не пахло от них, а самое главное — они не издавали ни звука. Бельчонок такого ещё не встречал. Обычно люди всегда о чём-то трещали без умолку.

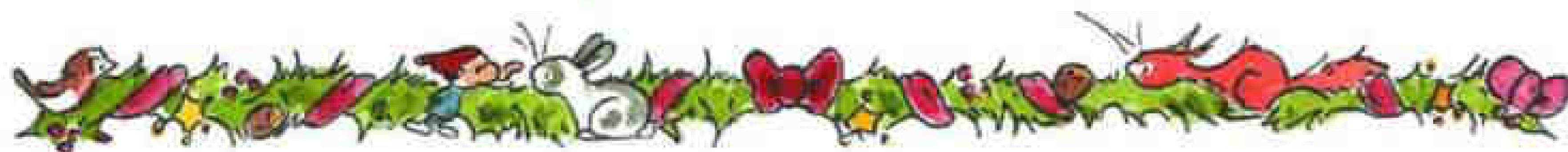
Что же, по крайней мере, эти каменные люди не казались сердитыми. Один из них даже улыбался. В руках он держал огромный ключ, а на постаменте под его ногами виднелась надпись «ПЁТР».

Бельчонок полез вверх по колонне, которую, оказывается, сверху украшали листья дуба. На других колоннах можно было видеть листья каштана или бука. Порой из ветвей даже высывались птицы. Конечно же, и листья, и птицы были тоже вытесаны из камня, но всё равно бельчонок радовалось их сходство с настоящим лесом и его обитателями.

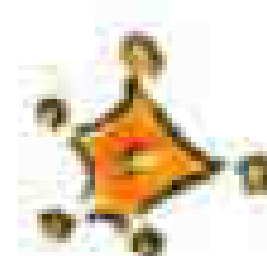
Ему здесь очень понравилось. Ах, как бы хотелось и самому бельчонку оказаться причастным к этой красоте! И тут он спросил себя: «Раз уж собор такой красивый снаружи, что за сокровища таятся у него внутри?»

По счастливой случайности, тут как раз отворилась дверь бокового придела. Пока из неё тихо выходили священники, бельчонок шмыгнул по снегу прямо в собор.

Сотни свечей наполняли огромный зал собора светом и запахом пчелиного воска. Тут было ещё больше колонн, чем снаружи! И они уходили высоко-высоко, в загадочный сумрак потолка.

Вообще-то поначалу бельчонок даже засомневался, есть ли там потолок. Колонны стояли стройными рядами, точь-в-точь как деревья на аллеях парка. Бельчонок в восхищении осмотрел их все по очереди. Больше всего ему хотелось тут же по ним полазить. Но пока что он доскакал по полу туда, где длинная продольная часть собора соединялась с короткой поперечной.

Именно тут кто-то построил... сарайчик. Да, посреди огромной церкви стоял почему-то маленький сарайчик — загончик для скота! Он был сколочен из досок и на первый взгляд выглядел достаточно бедно. Как и положено сарайчику, пол его был устлан соломой. В полутьме виднелись бычок и ослик, уютно устроившиеся на ночлег. На насесте сидели куры. Люди там тоже были. И на этот раз тоже не живые, а вырезанные из дерева, если бельчонок не ошибался. Но нет — от них пахло бук-ом, а уж этот запах он хорошо знал!

Стоял там какой-то господин в длинном одеянии. А рядом с ним сидела госпожа.

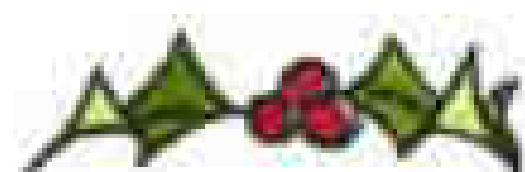

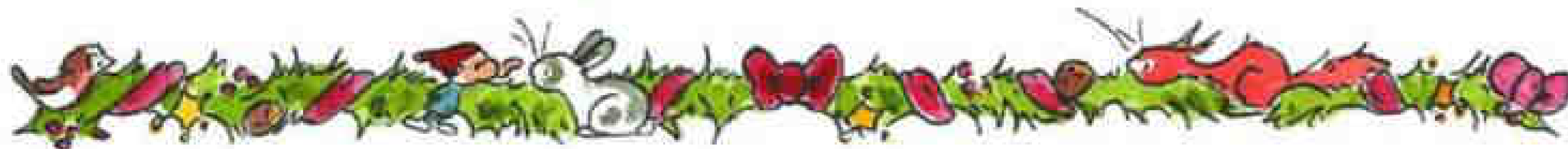
Оба они смотрели на ясли, в которые обычно кладут сено для животных. Но в этих яслях кроме сена лежал ещё и ребёнок! Крохотное, беззащитное дитя.

Малыш был укрыт лёгким покрывалом, но под ним оставался совершенно голенький. Ой, тут же ужасно холодно! Может, где-то лежит второе покрывало? Бельчонок огляделся по сторонам и вздрогнул. Он заметил у яслей другие фигуры. Тут были пастухи, явно только что пришедшие с овечьих пастбищ. Своих овечек они тоже привели с собой. А ещё у яслей стояли три господина в дорогих одеждах, похожие на королей. У них имелись золото и прочие драгоценности, которые они собирались подарить младенцу. Это было очень мило с их стороны. Но драгоценностями малыша не согреть.

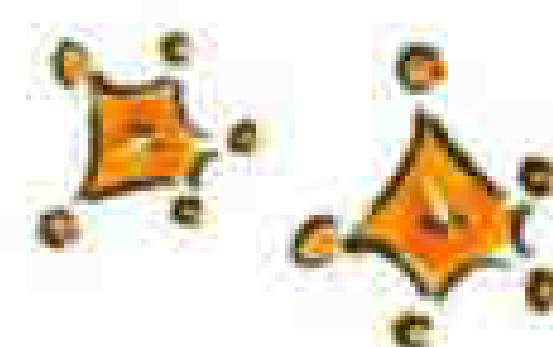
Как ни искал бельчонок, второго покрывала нигде не нашлось. Что ему оставалось делать? Как он мог помочь этому малышу? Не раздумывая, бельчонок вдруг прыгнул прямо в ясли, улёгся рядом с младенцем и накрыл его своим пушистым хвостом. А потом, весьма довольный собой, задремал.

Можете ли вы представить себе, какой сюрприз ждал тех, кто пришёл в собор? Бельчонок проснулся и обнаружил вокруг толпу. На этот раз, вне всякого сомнения, люди были настоящие. Они дышали и перешёптывались, их одеяния тихо шелестели.

Рядом с деревянными королями стоял настоящий, живой король, а вокруг него толпились придворные, благородные господа и все богачи города, разодетые в меха и бархат.

Епископ прошёл к алтарю, и его расшитое золотом облачение сверкало и переливалось.

У бельчонка дух захватило от такой роскоши. Между тем люди смотрели на него с упрёком. Как посмел такой обыкновенный зверёк влезть прямо в ясли? Все эти высокородные господа явились сюда, чтобы посмотреть на младенца. Но ни один из них даже не подумал прихватить с собой тёплое покрывало для малыша. Им явно было всё равно, что он мёрзнет. Этого бельчонок никак не мог понять. Люди собрались здесь, думая только о себе.

Чудо о бельчонке

Что ж, раз так, он решил никуда не уходить. И остался рядом с младенцем Христом в яслях.

Младенец был тоже вырезан из дерева и, конечно же, никак не мог сделать того, что потом случилось. Но именно в это мгновение он счастливо улыбнулся и крепко обнял бельчонка.

Тут все, кто был в церкви, онемели от изумления.

— Чудо о бельчонке, — прошептала маленькая девочка.

Спорить с этим не решились ни епископ, ни даже сам король.

И всё время богослужения бельчонок не двигался с места, а младенец его обнимал.

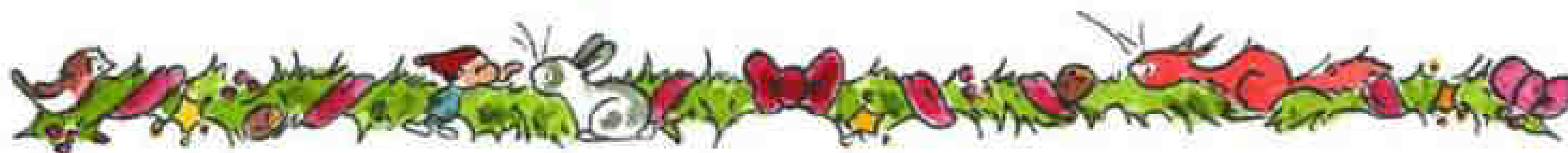

Что было потом? Да никто толком не знает. Известно лишь, что утром, в первый день Рождества, бельчонка в яслях не оказалось. Вместо него на фасаде собора меж изваяниями апостолов вдруг появилась маленькая фигурка. Каменный бельчонок сидел прямо напротив святого Петра. И хотя он был не очень заметным, особенно со стороны площади, люди тут же увидели, что он там есть.

Епископ к утру оправился от удивления и больше и слышать не хотел о так называемом чуде.

Чудо о бельчонке

Королю и без того было чем заняться.

Но никто из жителей города не сомневался, что в ночь перед Рождеством видел в соборе самое настоящее чудо. Каждый верил, что этот бельчонок ещё не раз в сочельник спустится с фасада и уляжется в ясли рядом с младенцем Иисусом.

Хотите верьте, хотите нет. Правдива ли моя история — решать не мне. Но вы, наверное, согласитесь со мной в одном: если кто-то думает о нуждающихся в нашей помощи и беззащитных, это совсем не плохо. Даже если этот кто-то — лишь маленький бельчонок.

Посреди пустых полей

Ночь была такой же, как и все остальные.

Разве что немного холоднее. Издалека мерцали огни городка под названием Вифлеем, а мы все сгрудились на поле меж холмов. Наши пастухи устроились поблизости на ночлег, но никто не спал. Они всегда бодрствовали, чтобы нас караулить.

Днём-то нас обычно пасли мальчишки. Но когда на поле опускалась ночь, пастухи предпочитали следить за нами самостоятельно. Хищников мы на пастбище давно не встречали, но в темноте всё равно немного тревожились. Так уж повелось. А стоило одной из нас перепугаться, и в сумерках всё стадо могло запросто разбрестись в разные стороны. Ведь мы вообще пугливые, нам много не надо. Хрустнет что-то, зашелестит, сова ухнет, собака мимо пробежит — и готово дело.

Потому-то и показалось нам особенно примечательным всё, что случилось дальше.

Во-первых, на небе зажглась новая звезда. Прежде её там точно не было. Такую яркую, лучащуюся звезду, которая к тому же стояла так высоко, мы бы не пропустили. Уже несколько ночей подряд она ходила по всему небосклону. Но это нас поначалу не удивило. Звёзды все так делают.

Только эта звезда двигалась по небу слишком стремительно, будто ей нужно было успеть добраться до какого-то особого места и остановиться там в какое-то особое время.

Именно так и получилось. Эта звезда вдруг раз — и замерла.

Мы, конечно, понятия не имели, что это всё значит. Ясно было одно: звезда светила теперь точнёхонько на Вифлеем. Но никто из нас ничего не сказал. Почти все спали. А кто не спал — тот слушал, что говорят про звезду наши пастухи.

— Может, это знак? — размышлял один из них.

— Может, и знак, — отвечал другой. — Только наверняка не нам. Не подают для пастухов и овечек знаки с небес.

— Поговаривали люди в Вифлееме, что-де укажет звезда, где родится новый царь, — рассказывал тем временем третий пастух.

— Вот видишь, — говорил ему второй. — Речь-то про царей. С нами, бедняками, это никак не связано. Потому не стоит нам про это и думать.

— Твоя правда, не стоит, — отозвались тут остальные.

А потом снова стало тихо. Даже слишком. Ни дуновение ветерка, ни шелест травы — ничто не нарушало дивной тишины. Обычно же у нас как? Нет-нет да и пробормочет кто-то во сне, у кого-то в животе забурчит, кто-то мекнуть решит и так далее. Но теперь вся наша немаленькая отара затаилась, словно мы не овцы были, а мышки.

А потом всё сразу ка-ак случилось! Будто кто-то вдруг разорвал покрывало ночи над нашими головами и впустил к нам свет сразу нескольких дней.

Пастухи повскакали было с мест, но тут же в испуге пали ниц.

А вот мы — мы смотрели прямо на свет. И ни капельки не боялись.

По крайней мере, пока среди света не появились некие существа. Мы видели, как они

колышутся в его лучах. Может, и сами они были светом? Их оказалось много. Очень, очень много. Больше, чем овец в самой огромной отаре. Крылатые существа в струящихся длинных одеждах. Вокруг их лиц, а также от их взглядов и голосов разливалось сияние. Но и от этого нам не стало страшно.

Чуть позже ряды существ разделились, и меж ними появился кто-то ещё, светлее и выше прочих. Он шёл прямо к нам. Но его сияние не слепило нас.

Только пастухи всё ещё закрывали глаза руками и полами одежд, защищаясь от яркого света. Никогда раньше не доводилось нам видеть, как они трясутся от страха.

— Не бойтесь! — сказал пришедший, и голос его прозвучал низко, словно звон большого колокола. — Возглашаю вам великую радость. Ибо там, в Вифлееме, родился наш Спаситель.

После этого сонмы сияющих существ сомкнулись за спиной говорящего, и они запели под такую музыку, какой не мог бы сыграть и самый искусный пастух на своей дудочке.

Пели же они вот как: «Слава в вышних Богу, и на земле мир».

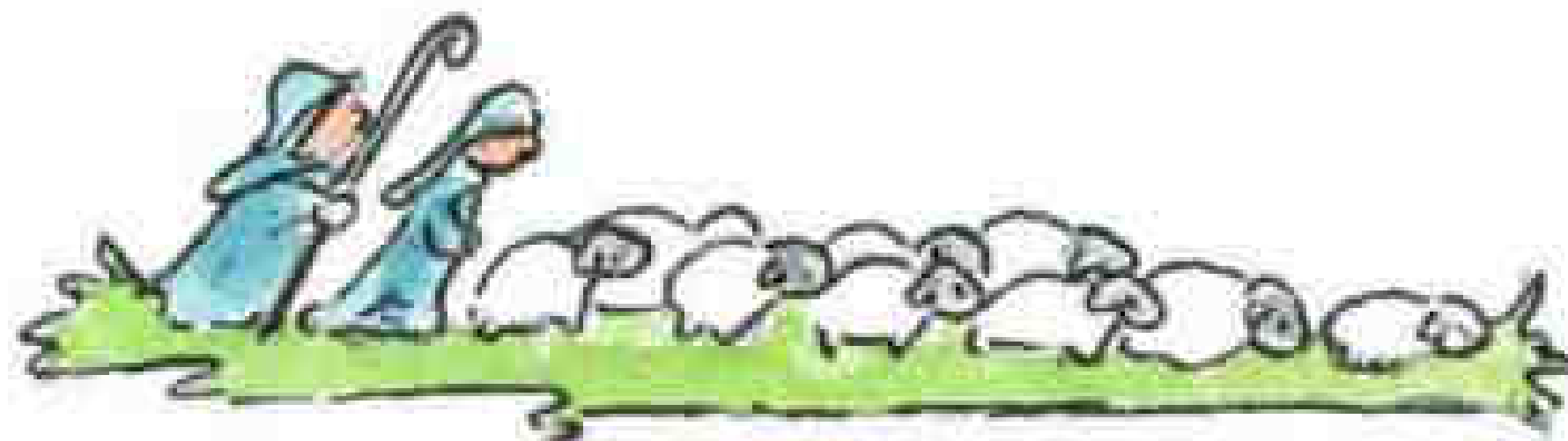

А когда закончилось пение и погасло сияние, существа слились с тёмной синевой неба. Но нам по-прежнему не было страшно.

Пастухи взволнованно зашумели:

— Пойдёмте же в Вифлеем да поглядим, что там произошло!

Мы, конечно, тоже за ними побрели. Ведь хорошее стадо всегда следует за своим пастухом.

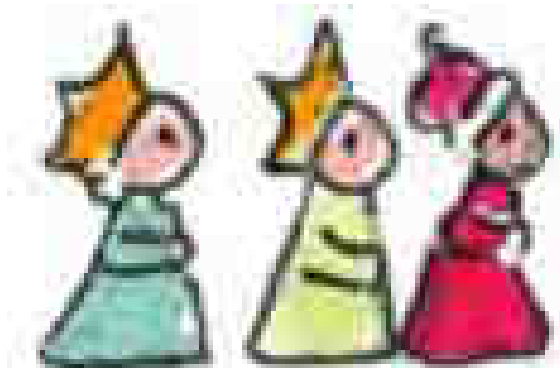

Никто не знал, что именно мы хотели там найти. Но раз уж родился царь, наверное, стоило поискать дворец или что-то в этом роде.

Пастухи предположили:

— Может, звезда подаст нам новый знак?

Царей-то мы тогда довольно быстро нашли. Сразу трёх. Они стояли с драгоценными дарами в руках перед каким-то хлевом. Ну а почему бы и нет? Хлев — отличное место для малыша. Там сухо и тепло. Уж нам ли не знать.

А вот пастухи очень сильно удивились. Святой повелитель, Спаситель, и вдруг родился в хлеву?

Наконец пастухи осмелились войти внутрь. Очень тихо и почтительно. Внутри пахло свежим сеном.

Посреди пустых полей

А в яслях лежал новорождённый младенец. Был он совсем крохотный, розовощёкий и сонный, как и полагается человеческому ребёнку. И всё же он был совсем не такой, как другие младенцы. В этом ребёнке чувствовалось что-то особенное. С ним пребывали покой, мир и твёрдая уверенность: никогда и ничего плохого не может случиться с теми, кто будет идти за ним.

Мы-то это сразу почувствовали. В конце концов, нам, овцам, положено с первого взгляда узнавать хорошего пастыря.

И если бы наши пастухи наконец перестали дрожать и бояться, то и сами бы это поняли. Потому что и у них появился святой покровитель, добрый пастырь, который отныне будет их защищать, если только решатся они следовать за ним.

Заключительное слово Сан̄та-Клауса

Ах, ну до чего же стыдно!
Впрочем, рано или поздно
это должно было случиться.
Но чтобы именно в этот день...

Что я имею в виду? Всем
давно известно, что в сочель-
ник я жутко занят. Ведь столько
детей в Европе ждут своих по-
дарков уже вечером 24 декабря.
Разумеется, в моём списке эти
дети стоят на самом первом месте.

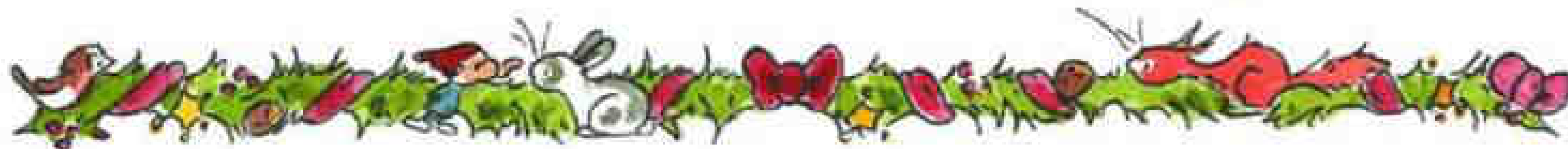
Другие малыши выпрыгивают из кроваток только утром Рождества, но тоже очень рано, чтобы поскорее найти под ёлкой заветные подарки. Они вторые на очереди в моём списке.

А дальше я спешу через Атлантический океан в Америку. Какое счастье, что день там начинается на несколько часов позже!

Своей работой я занимаюсь очень давно. И в целом неплохо справляюсь. Правда, не в одиночку.

Заключительное слово Санты-Клауса

Иногда мне помогают гномы, кое-где впрягается в повозку ослик и так далее. Для дальнего пути через Атлантику я запрягаю в сани оленей. Они очень быстрые и даже умеют летать.

На таких санях можно приземлиться на любую крышу. А вот дальше начинаются сложности. Потому что каким-то образом мне требуется пробраться в дом через каминную трубу. А трубы эти чрезвычайно узкие!

Как уже сказано, я давно в курсе этой проблемы. Каждый год пытаюсь похудеть, ну хоть немножко. Но это совсем не так просто, особенно когда всё время живёшь на Северном полюсе. Потому что там холодно. Да не просто холодно, а ужасающе. И приходится как следует питаться, чтобы не очень мёрзнуть.

А для этого что? Правильно, для этого нужны самые вкусные пряники, орешки, сахарные посохи-леденцы и прочие деликатесы из нашей гномьей мастерской. Так что дома у меня постоянно витают сказочные аппетитные ароматы. Ну и как прикажете думать о похудении в таких условиях?

Заключительное слово Санты-Клауса

Между прочим, я уж совсем было решил заняться спортом по весне, когда дел стало хоть чуть-чуть да поменьше. Начать, конечно, с малого. «Но... до следующего Рождества ещё так много времени», — подумал я. И продолжал так думать, пока Рождество вдруг не оказалось прямо у дверей!

Так что я, как и каждый год, влез в свой красный костюм. И остался именно таким, каким все меня знают. Толстым и весёлым!

Я пустился в своё привычное путешествие. Поначалу всё шло неплохо. Если бы не этот дом... Да нет, дом-то был красивый, и через большие окна виднелась роскошная ёлка. Чулки для подарков висели на каминной полке, а дети, как и полагается, послушно спали в своих кроватках.

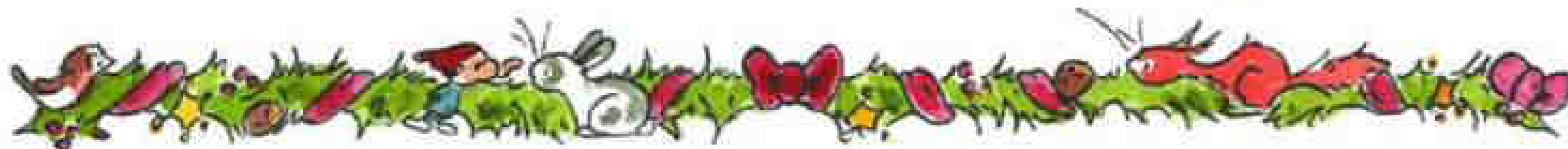
Итак, я приземлился, потрепал оленей по спинам и сказал им:

— До скорого, дружочки. Это последний дом. А потом — всё. Закончу, и мы тут же летим домой. Оглянуться не успеем, как доберёмся.

Увы, не всё оказалось так просто. Сначала я протиснулся в дымоход. Точнее, не весь я, а моя нижняя половина. Верхняя половина всё ещё торчала сверху. И все мы

Заключительное слово Санты-Клауса

втроём (я и обе мои половины) капитально застряли.

Возможно, я повторяюсь, но... Как же мне было неловко!

Одно хорошо: вокруг царила глубокая ночь. Кроме меня и моих оленей не спали лишь совы. А у них, по счастью, нашлось достаточно своих дел, и следить за мной им было некогда.

Какое-то время я пытался расшатать дымоход, чтобы освободиться. Сначала упёрся в него руками, стремясь выбраться наружу. Потом выдохнул и втянул живот: а вдруг всё же удастся проскользнуть вниз, к ёлке?

Но ничего не помогало. Я сидел крепко.

Пока я раздумывал, что ещё можно сделать, небо на востоке начало светлеть. Пришло время исчезать! Любой ценой! Что сказали бы дети, увидев, что в их камине застрял Санта-Клаус?

Тут меня осенила спасительная мысль. Я приказал оленям подойти. Это оказалось мучительно долго. Дело в том, что олени терпеть не могут пятиться. Но в конце концов им это удалось. Заодно сани мои оказались совсем рядом со мной. Я схватил обеими руками полозья и громко крикнул:

— Вперёд!

Олени рванули с места. Они тянули изо всех сил. Я цеплялся за сани до тех пор, пока не раздалось

Заключительное слово Санты-Клауса

громкое «Хлоп!», словно пробка выскочила из бутылки. Я ещё успел сложить подарки перед входной дверью, а потом мы быстро-быстро полетели домой.

Эх! А теперь мне и вправду пора начинать худеть. Займусь-ка я спортом. Прямо сейчас. Хоть немножечко.

Хотя... если посмотреть на это с другой стороны...

Мне так уютно сидеть в любимом кресле, с ногами на пуфике. В камине потрескивает огонь, да и какао уже скоро сварится. Разве можно дать ему остыть? О, это было бы невыносимо!

И к тому же — сейчас Рождество. А до следующего праздника... у меня ещё целый год впереди.

Так что —

с любовью и так далее,

Ваш Санта-Клаус.

Конец

**Если тебе понравилась эта книга,
ты с удовольствием прочитаешь также**

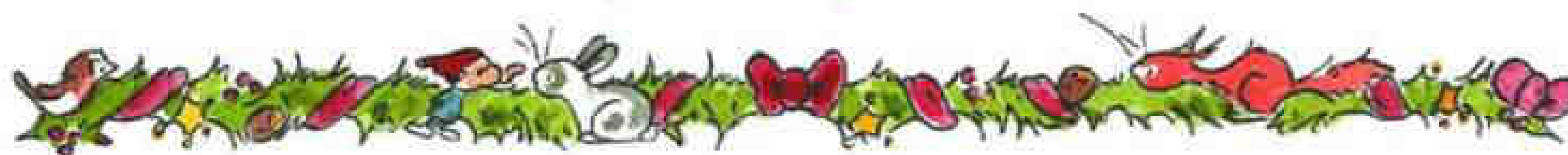
Тильда Яблочное Семечко — это мышка. Белая-белая, как бузинный цвет по весне. И вдобавок Тильда — церковная мышь.

Её крохотный домик стоит у церковной стены. Если вдруг доведётся вам забрести в деревушку меж двух холмов, сразу ищите огромную колокольню. Вы её очень быстро найдёте, честное слово.

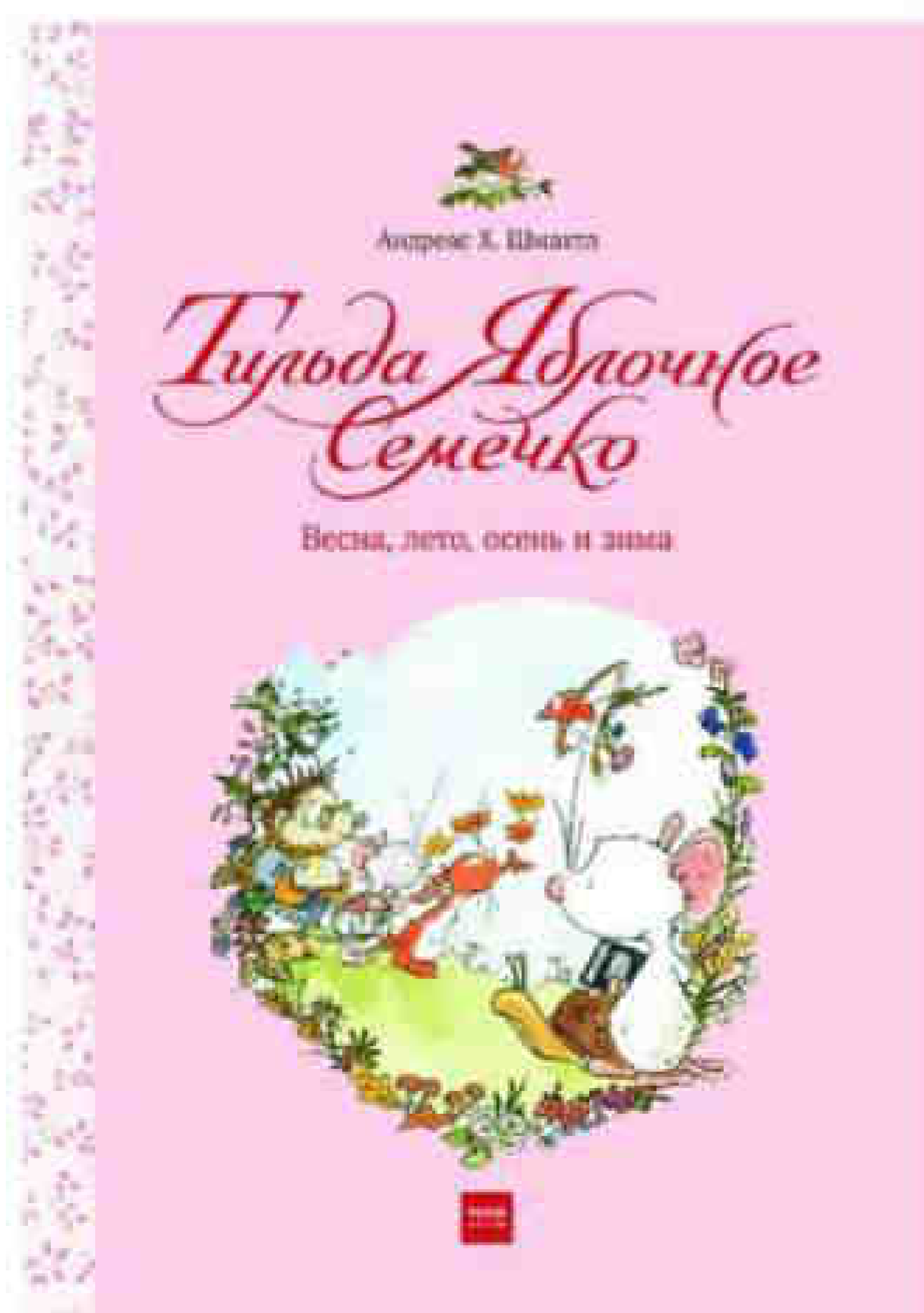
Её отовсюду видно.

Тильду в деревне каждый знает. И все любят — как же её знать да не любить? Трудно себе такое даже представить. А почему так?

Почитайте — поймёте.

Ещё один год в деревеньке меж холмов — дружеские посиделки и вкусные пироги

Зима заключила деревушку меж холмов в свои ледяные объятия. По ночам мели метели, и конца-краю им не было видно.

Прогулки по сугробам Тильде не особенно нравились. Уже сейчас снега намело до мышиного носа. Но, с другой стороны, кролики снова прислали Тильде приглашение на ежевичный компот. Отклонить его было бы ужасно невежливо.

Мышка оделась как можно теплее и вышла из дома. Пробираясь через сад, пролезая под воротами и штурмуя заснеженный Шиповниковый переулок, она не могла отделаться от одной мысли: «Кажется, я что-то забыла».

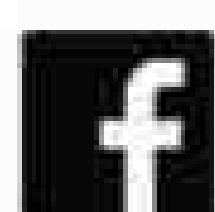
**Самым маленьким
Детское чтение
Умные книжки
Для школы
Детское творчество
Родителям
KUMON**

МИФ
ДЕТСТВО

Все детские книги
на одной странице:
mif.to/deti

Подписывайтесь на полезную
рассылку: книги, скидки и подарки
mif.to/d-letter

#mifdetstvo

*Литературно-художественное издание
Для детей старшего дошкольного возраста
Для чтения взрослыми детям*

Андреас Х. Шмахтл

РОЖДЕСТВО И НОВЫЙ ГОД!
Зимние истории в ожидании праздников

Шеф-редактор АЛЁНА ЯИЦКАЯ

Ответственный редактор ЕЛЕНА АБРОНОВА

Литературный редактор ТАТЬЯНА БОБРЕЦОВА

Арт-директор ЕЛИЗАВЕТА КРАСНОВА

Вёрстка обложки ЕЛИЗАВЕТА КРАСНОВА

Леттеринг ДМИТРИЙ КУДРЯКОВ

Макет и вёрстка НАДЕЖДА КУДРЯКОВА

Корректоры ОЛЕГ ПОНОМАРЁВ,
ИРИНА ТИМОХИНА, ЮЛИЯ МОЛΟКОВА

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

www.mann-ivanov-ferber.ru

www.facebook.com/mifdetstvo

www.vk.com/mifdetstvo

www.instagram.com/mifdetstvo

EAC

*Новый год и Рождество! Мы так ждём
этих уютных снежных праздников... Как
же скрасить ожидание? Послушать сказки
и истории. Или самим прочитать их.*

Так что налейте себе горячего чая или какао и вперёд,
прямо на Крайний Север! Послушаем про вьюгу, метели
и захватывающие приключения в заснеженных лесах?

Или заглянем в маленькую деревушку, затерянную
где-то меж больших холмов? А может, навестим кошку,
что живёт по соседству? У каждого наверняка найдётся своя
собственная сказка про зиму и Рождество. И разве можем
мы оставить все эти истории нерассказанными?

МИФ
ДЕТСТВО

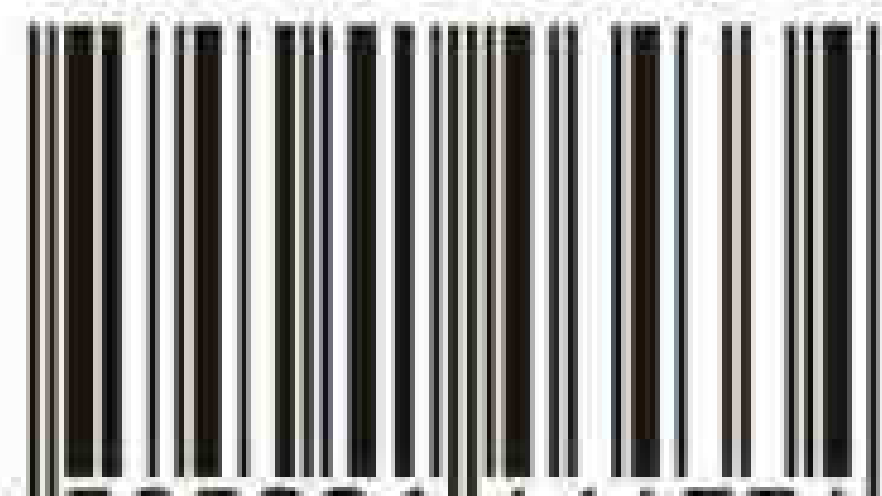
Детские книги на сайте
mann-ivanov-ferber.ru

 facebook.com/mifdetstvo

 vk.com/mifdetstvo

 instagram.com/mifdetstvo

ISBN 978-5-00146-433-4

9 785001 464334 >